

Светлана Рощина

Привет, офисный планктон!

повесть

16+

Светлана Рощина

Привет, офисный планктон!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63595822

SelfPub; 2020

Аннотация

«Привет, офисный планктон!» – ироничная и очень жизненная повесть о рабочих буднях сотрудников юридического отдела Корпорации «Делай то, что не делают другие!». Взаимоотношения коллег, ежедневные служебные проблемы и их решение любыми способами, смешные ситуации, невероятные совпадения, а также злоупотребление властью и закулисные интриги, – вот то, что происходит каждый день в офисных стенах, и куда автор приглашает вас заглянуть и почувствовать себя офисным клерком, проводящим большую часть жизни на работе.

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	27
Глава 3,	35
Глава 4,	44
Глава 5,	51
Глава 6	59
Глава 7	62
Глава 8	67
Глава 9,	71
Глава 10	77
Глава 11,	81
Глава 12	85
Глава 13,	91
Глава 14,	93
Глава 15	101
Глава 16,	104
Глава 17,	107
Глава 18,	109
Глава 19	117
Глава 20	124
Глава 21	128
Глава 22,	132
Глава 23,	142

Глава 24	152
Глава 25,	157
Глава 26	160
Глава 27	169
Глава 28,	173
Глава 29	177
Глава 30	186
Глава 31,	190
Глава 32,	197
Глава 33	202
Глава 34	205
Глава 35,	211
Глава 36	218
Глава 37	224
Глава 38	235
Глава 39	245
Глава 40	249
Глава 41	259
Глава 42	271
Глава 43	275
Глава 44	279
Глава 45	289
Глава 46,	297
Глава 47	300
Глава 48	303
Глава 49	308

Глава 50	312
Глава 51	318
Глава 52,	330
Глава 53,	335
Глава 54	340
Глава 55	347
Глава 56	360
Глава 57	367
Глава 58	375
Послесловие	380

Светлана Рощина Привет, офисный планктон!

**Глава 1,
в которой читатель познакомится
с основными действующими
лицами этой повести и
узнает о существовании
удивительной Корпорации с
оригинальным названием «Делай
то, что не делают другие!»**

Когда заканчивался мой декретный отпуск (уже второй по счёту), я с нетерпением считала дни, остававшиеся до выхода на работу. Безумно надоела эта домашняя рутина, и нестерпимо хотелось вновь окунуться в размеренные рабочие будни с постоянным чаепитием, безобидным подглядыванием в замочную скважину чужой, гораздо более интересной и на-

сыщенной жизни, ну и, конечно же, с бескрайним бумаготворчеством. И хотя я слышала, что наш дружный коллектив за прошедшие три года уже наполовину сменился, это нисколько не умаляло предвкушения праздника от предстоящего выхода на работу. Человек я коммуникабельный, лёгкий в общении и потому полагала, что найти общий язык с новыми сослуживцами мне совершенно не составит труда. А работать мне посчастливилось в очень перспективной и престижной Корпорации под названием «Делай то, что не делают другие!», которая находилась в прямом подчинении одного из министерств нашего Правительства, а именно Министерства прогрессивных идей, поэтому все наши отчёты и другие важные документы отправлялись прямым ходом в это самое Министерство, которое каждый из нас посещал минимум раз в неделю, а то раз в день. Поэтому все сотрудники Корпорации, даже самые мелкие чиновники, имели возможность ощущать себя важными шишками, когда нам приходилось с папкой под мышкой шествовать по министерским коридорам по красной ковровой дорожке и заходить в приёмную самого Министра или одного из его заместителей, чтобы сдать на подпись какой-нибудь из наших документов.

Работа в нашей Корпорации была самой разнообразной, так как мы собирали с регионов предложения по улучшению работы всевозможных отраслей нашей экономики и промышленности, анализировали их и результаты докладывали в Министерство. По направлениям деятельности наша Кор-

порация подразделялась на управления и отделы. Я же работала рядовым юрисконсультom в нормативно-правовом отделе нашей Корпорации.

Здание, в котором располагалась Корпорация «Делай то, что не делают другие!», не принадлежало к числу новых и современных, с большим количеством этажей, панорамными окнами и скоростными лифтами. Наоборот, посреди комплекса ультрасовременных строений центра нашей столицы Корпорация располагалась в старинном пятиэтажном особняке, построенном более ста лет назад. Из-за этого комнаты, в которых нам приходилось работать, были совсем крошечными, в каждой едва размещалось по три-четыре человека, да и то, если столы были вплотную придвинуты друг к другу. С туалетными комнатами тоже была беда, так как руководство Корпорации отхватило себе аж два туалета (один из которых был в пользовании только Генерального директора), тогда как народу (а нас было сто семнадцать человек) было позволено пользоваться оставшимися тремя, из которых лишь один был женским, и в нём всё время тусовались уборщицы. Причём именно тусовались, потому что я не знаю, что можно делать в туалете с раннего утра до позднего вечера. Стоило зайти в женский туалет, как ты тут же натыкалась на гневный взгляд одной из уборщиц, которая непременно полоскала в раковине половую тряпку, а одну из двух кабинок туалетной комнаты использовала для слива воды. И получалось, что помыть руки или сполоснуть кружку у тебя вообще

не было никакой возможности, а чтобы справить нужду приходится стоять в очереди в одну несчастную кабинку, которая оставалась в пользовании всех сотрудниц Корпорации. Именно поэтому часто, чтобы набрать в чайник воды, приходилось идти к мужскому туалету и просить первого встречного представителя сильного пола оказать любезность и наполнить чайник водой. В общем, издержки работы в здании, изначально непредназначенном для размещения такой большой группы лиц, каждый день давали о себе знать, но со временем человек привыкает ко всему, и вскоре я сама не заметила того, как перестала пользоваться лифтом, к которому всегда была огромная очередь и который подозрительно часто ломался из-за перегрузок; перестала лишний раз бегать в туалет, а полное отсутствие личного пространства стала воспринимать как норму, которая всегда является следствием слишком большого скопления людей на маленьком пространстве.

Ну вот, вроде бы я и обрисовала место, где работала уже более пяти лет, и куда мне предстояло вскоре вернуться, а теперь позвольте представить вам тот небольшой круг лиц, который и составлял мой родной коллектив. А начну я с Миши Миронова – одной из ярчайших фигур не только нашего отдела, но и всей Корпорации, так как он одновременно являлся и представителем руководства юридического отдела, потому что занимал должность заместителя начальника отдела, и исполнителем, так как часто сам брался исполнять

срочные документы, не поручая их подчинённым, и глашатаям всех новостей, как нашего отдела, так и всей Корпорации, потому что услышав какое-либо сообщение, он тотчас передавал его первому встречному и так дальше по цепочке, и в итоге все были в курсе того, что происходило в нашем отделе, а мы, в свою очередь, благодаря Михаилу, были в курсе того, что творилось во всей Корпорации.

Внешностью Миша Миронов был удивительно похож на знаменитого актёра советского кино Юрия Яковлева в фильме Эльдара Рязанова «Человек ниоткуда». Когда персонаж Юрия Яковлева с нескрываемым энтузиазмом и воодушевлением доказывал своим товарищам о существовании племени Тапи, создавалось впечатление, что режиссёр придумал своего главного героя, наблюдая за поведением и внешним обликом Михаила Миронова. Но, к сожалению, это было невозможно, так как фильм был снят за несколько лет до его рождения моего коллеги.

Михаилу сорок два года, но из-за худощавой внешности и порывистости движений выглядит он гораздо моложе своих лет. Миронов женат. Женится он по залёту за четыре месяца до рождения сына. Причём жена Михаила моложе его на десять лет. При таком раскладе мужчины обычно стараются как можно больше времени проводить дома с молодой женой, забыв и о друзьях и о работе. Но не таков был наш Михаил! Он приходит на работу раньше всех, а уходит позже всех. Он – типичный трудоголик, который совершенно не

умеет правильно планировать своё рабочее время, потому что большую часть дня Михаил занимается откровенной демагогией. Ходит-бродит по кабинетам и болтает со всеми подряд на рабочие темы и просто за жизнь. Если кто-то звонит ему по телефону, то Михаилу недостаточно просто ответить абоненту на его вопрос, ему непременно нужно обсудить со своим собеседником все последние новости и лишь потом положить трубку. В итоге любой телефонный звонок Михаила длится не менее двадцати минут, а порой и гораздо дольше. Но когда рабочий день начинает подходить к концу, Миронов садится за свой рабочий компьютер и усердно принимается работать над документами, срок которых истекает сегодня. И заметив, что все собираются расходиться по домам, Михаил, размахивая своими документами, кричит во всеуслышание:

– Куда это вы собрались? А работать кто будет?

И ему дружно отвечают, что мы, мол, свою работу сделали днём, а теперь с чувством исполненного долга можем идти по домам, но для Миронова это не является аргументом.

– Я же работаю! Вот и вы работайте!

На эти слова я обычно отвечала Михаилу, что он нам не указ, так как его должность выше, а зарплата больше, и мы своё уже отработали. И хотя Миронову не шибко нравится мой ответ, от меня, по крайней мере, он отстаёт. А уж как другие ему отвечали, я не знаю.

Ну, что ж, пожалуй, мне удалось набросать довольно-таки

точный портрет Михаила Миронова.

Следующим сотрудником нашего отдела был Алексей Веников.

Алексей – мой ровесник, то есть ему тридцать шесть лет. Выглядит он неплохо, однако его внешность такова, что взгляду не за что зацепиться. Вроде бы всё при нём: и лицо, и фигура, и одет в дорогой костюм, но глядя на него, мне всегда приходит на ум роман Герберта Уэллса «Человек-невидимка». Увидев этого парня в толпе, вы не обратите на него внимания и даже не запомните, и я не знаю почему. Более того, что-то в Алексее смущало меня, и я долго не могла понять почему.

Веников был женат и очень удачно. Жена Алексея моложе его на восемь лет и хороша собой, к тому же из богатой семьи, так что Веников жил вместе с молодой женой в её квартире, купленной на деньги её родителей. У Вениковых была дочь шести лет, так что их брак можно было считать вполне удачным, тем более что Алексей, в отличие от многих других мужчин нашей Корпорации, никогда не флиртовал, даже в шутку, с представительницами прекрасного пола и придерживался исключительно строгих правил в отношениях с коллегами. Всех, кто был старше его хотя бы на пару лет, а также хоть немного выше по должности, он называл по имени-отчеству и обращался на «Вы». Он вообще держал дистанцию со всеми коллегами, и потому у Веникова ни с кем не было

панибратских отношений, из-за чего мало кто из нас испытывал к нему искреннюю симпатию. Однако свою работу он выполнял и выполнял старательно, поэтому все относились к нему довольно-таки терпимо, но не пытаюсь подружиться.

Правда, всё это – результат исключительно моих наблюдений, которые сложились у меня после моего выхода на работу из декретного отпуска, так как до этого Алексей с нами не работал. Его взяли именно после того, как я ушла в декрет, и как раз на моё место. Но за три года Алексей сумел проявить себя, и потому очень скоро его перевели с временной должности на постоянную, так что теперь он был полноправным членом нашего коллектива.

Далее идёт Антон Ершов – молодой человек двадцати шести лет, то есть ровно на десять лет моложе меня. Однако он уже давно в нашем коллективе, так как пришёл к нам сразу после окончания ВУЗа, за год до того, как я ушла в декрет.

К Антону у меня особое отношение. По какому-то невероятному стечению обстоятельств в своё время я была знакома с его старшей сестрой Дашей. Мы вместе учились в Юридической Академии и даже немного дружили. Но потом наши дороги разошлись, и мы перестали общаться, хотя я помнила, как Даша говорила мне, что у неё есть младший брат Антон. Однако я и предположить не могла, что когда-нибудь мне доведётся с ним встретиться. Но твисты, которые нам подкидывает жизнь, порой бывают удивительней любых ки-

ношных поворотов сюжета, созданных фантазиями опытных сценаристов, чей мозг энергично подпитывают специальные препараты, пробуждающие воображение. Но в моей жизни допинги и стимуляторы – вещь излишняя, так как тернистый жизненный путь, по которому мне приходится идти, и без того полон неожиданных поворотов и сюрпризов, и мне совсем не нужно напрягать свой ум, чтобы изобрести удачный ход сюжета: достаточно лишь стоять и наблюдать за тем, как вокруг меня разворачиваются события, и аккуратно записывать их в записную книжку – вот и готов сюжет хорошего романа!

Ну да я отвлеклась. Вернёмся к Антону.

После окончания высшего учебного заведения, благодаря связям отца, Антон сразу же смог получить место в нашей Корпорации, так что ему не пришлось начинать с самых низов, медленно карабкаясь вверх по карьерной лестнице. А год назад Антон женился на своей сокурснице Алле, которая, как и в случае с Алексеем Вениковым, была девушкой с приданым. А приданым служила двухкомнатная московская квартира. Так что Антон очень неплохо устроился. Благодаря связям отца он оказался на денежной работе, а благодаря молодой супруге – ещё и с квартирой. Но в отличие от Алексея, Антон был очень приятным и коммуникабельным молодым человеком, с которым было легко иметь дело, а потому и отношение к нему было гораздо лучше, чем к Веникову.

Ещё одним персонажем моей правдивой повести является Юля Решетникова. Это дама очень интересная, и знакомство с ней стало для меня настоящим событием, хотя я поняла это только годы спустя.

Юля старше меня на четыре года. Пять лет назад мы с ней почти одновременно пришли работать в Корпорацию «Делай то, что не делают другие!», поэтому нас посадили за соседние столы друг напротив друга. Вначале меня напрягало это соседство, так как Юля – девушка с характером, да ещё с каким! За словом в карман не лезет и на шею себе сесть никому не позволит! Она родом из Сибири, куда её родители, будучи молодыми людьми, уехали строить БАМ. Но вместе с развалом великой державы всесоюзная стройка тоже приказала долго жить.

Юля рассказывала, что в детстве и в юности она всегда была хорошо одета. В восемнадцать лет у неё уже были кожаное пальто и дублёнка, а бельё она носила только французское. А ещё она как-то раз спросила меня, сколько видов сгущёнки я знаю. Я удивилась её вопросу, так как в моём детстве сгущёнка была только одна: в жестяных баночках, да и та являлась страшным дефицитом. А Юля сказала, что у них в магазинах сгущёнки было три вида, и они ещё выбирали, какую купить, а не хватало то, что выбросили в магазине.

Но те благодатные времена закончились, и работы в их городе не стало. Также как и прекратилось привилегированное снабжение, и Юля решила попытать счастья в столице, оста-

вив дома не только родителей, но и сына. С мужем она развелась и, переехав в столицу, нашла себе нового мужчину, достаточно обеспеченного, но тоже не местного. Он содержал Юлю, но в брак вступить не предлагал, поэтому Решетниковой приходилось довольствоваться теми отношениями, которые у неё были. Но к тому времени, когда я вышла из декретного отпуска, Юля успела расстаться со своим кавалером и теперь пребывала, как говорится, в активном поиске.

Юля не была красавицей, к тому же с возрастом потихоньку начала набирать вес, который старательно прятала под деловыми костюмами. Причём все её костюмы были исключительно серого цвета в полосочку. Они не были одинаковыми, нет. Опытный взгляд мог отличить один оттенок серого от другого, а более широкие полосочки от узких. Но в целом, все костюмы Юли были очень похожи между собой.

У Юли была короткая стрижка, хотя с такими густыми волосами, как у неё, можно было и поэкспериментировать, но отчего-то Решетникова не хотела этого делать.

И ещё Юля очень много курила и питалась исключительно фаст-фудом. И первый пункт меня особенно в ней раздражал, так как сидеть рядом с курящим человеком мне было неприятно. К тому же мне не повезло родиться с обострённым обонянием, и, заходя в общественный транспорт, я часто вынуждена прикрывать нос платком, так как многочисленные запахи вокруг порой доводят меня до обморока. В общем, из-за того, что Юля много курила, мне приходилось

часто проветривать наш кабинет, что также вызывало в моей коллеге недовольство, так как она заявляла, что я желаю отправить её на больничный, что нисколько не соответствовало истине, так как я больше, чем кто-либо другой, была заинтересована в том, чтобы Решетникова прекрасно себя чувствовала, потому что в случае её болезни все неисполненные Юлией документы автоматически перекидывались на меня. А мне и без этого было чем заняться. Но в целом, мы с ней неплохо ладили, хотя я всё же предпочла бы сидеть в другом кабинете с другими своими коллегами.

Далее следует рассказать о Фёдоре Игнатьевиче Игнатове. Ему пятьдесят два года. Это мужчина среднего роста, плотного телосложения с небольшими усиками. Растительность на его голове заметно поредела, но, по крайней мере, до лысины дело ещё не дошло.

Игнатов пришёл к нам в отдел ещё до моего ухода в декретный отпуск. Собственно, его и приняли к нам потому, что я собралась уходить, и нужны были новые рабочие головы.

Фёдор Игнатьевич раньше работал в полиции и дослужился до звания подполковника, после чего благополучно ушёл на пенсию. Но то ли от скуки, то ли из-за денег, Игнатов снова начал искать работу и в итоге пришёл к нам, устроившись на должность обычного юриста. Причём, скажу я вам, особым трудолюбием Фёдор не отличался, так как с исполнени-

ем порученных документов тянул до последнего, и вместо того чтобы самому готовить правовое заключение, старался найти на сервере нашего отдела какой-нибудь похожий ответ и использовал его в качестве результата своей деятельности. Мне такие халявщики никогда не нравились, но нашего начальника Фёдор вполне устраивал, поэтому Игнатова оставили у нас.

Игнатов был дважды вдовцом, и каждая из жён оставила ему по квартире. Так что в какой-то степени Фёдора Игнатьевича можно было считать завидным женихом. Правда, от первой жены у него имелся сын Максим, которому было двадцать три года, но учитывая наличие двух квартир в столице, делить им было нечего.

В качестве ещё одного положительного качества я бы отметила неплохое чувство юмора Фёдора, которое, к сожалению, он нечасто нам демонстрировал. К тому же Фёдор был третьим человеком, с которым я сидела в одном кабинете. Остальные ребята обитали в другом. И только руководители нашего отдела имели по отдельному кабинету.

Теперь представлю Лену Буроватых. Ей двадцать девять лет. «Знойная женщина, мечта поэта» – так охарактеризовал Остап Бендер мадам Грицацуеву, и именно так выглядела Лена Буроватых в глазах Миши Миронова.

У Лены была очень большая грудь, размера, наверное, седьмого. Причём она старалась её прятать, но такое богат-

ство спрятать трудно. Ещё у Лены были длинные густые волосы, которые она обычно убирала в хвост. Причём повышенная волосатость у Лены была не только на голове, но и на остальных частях тела: на руках, на скулах, на подбородке. И меня это, признаюсь честно, несколько возмущало. В наше время, когда женщине доступны любые виды эпиляции, не стоит этим пренебрегать. Однако на подобных недостатках внешности, по-видимому, акцентировала внимание только я, потому что мужчины замечали у Лены только её большую грудь и стройные ноги, которые со временем тоже начали полнеть. Но роскошный бюст затмевал собой любые недостатки во внешности этой девушки, и она этим выгодно пользовалась.

Не будучи замужем и не имея малолетних детей, Лена могла казаться доступной любому мужчине, но при этом таковой не была. Но мужчины этого не знали. Особенно наш Миша Миронов, который мгновенно терял дар речи, когда Лена Буровых появлялась на его горизонте. А так как Миша Миронов имел в нашей Корпорации значительный авторитет, да и сам был парнем неглупым, то Лена смекнула, что иметь такого покровителя было бы неплохо. И Миша очень быстро попался на её удочку, потому что теперь Лена могла вообще ничего не делать. Любой документ, переданный ей на исполнение, она брала в руки и несла Мише, клала перед ним и, хлопая глазами, произносила:

– Михаил Владимирович, мне тут начальник поручил

подготовить письмо в Министерство с нашими предложениями по вопросу уменьшения сроков рассмотрения заключений по законопроектам, а я даже не знаю с чего начать! Я никогда не занималась этим вопросом и боюсь, что не смогу в официальном ответе правильно изложить позицию нашей Корпорации.

И Миша Миронов, моментально бросая все свои документы, радостно принимался объяснять Лене, как нужно готовить ответ. И она терпеливо слушала его, благодарила за помощь и возвращалась на своё рабочее место, где кое-как делала набросок письма в Министерство, после чего снова несла его Миронову. Тот, завидев перед собой Лену, вновь бросал все дела и принимался вычитывать то, что она наваяла. Критиковать свою любимицу он не смел, поэтому просто говорил ей:

– Лена, оставь документ мне! Я сам подготовлю ответ и согласую у начальника. Можешь не беспокоиться! Я всё сделаю вовремя и в лучшем виде!

И Лена не беспокоилась. Спихнув проблемный документ, она возвращалась на своё рабочее место, где со спокойной душой начинала листать какой-нибудь женский журналчик или раскладывать пасьянс на компьютере. А когда ей требовалось исполнить новый документ, она действовала по уже налаженной схеме, перекладывая свою работу на плечи влюблённого Михаила.

Все это видели и говорили Мише, что Лена его использу-

ет, но он твердил в ответ, что лишь помогает молодой сотруднице влиться в работу, и у него нет к ней никаких чувств, кроме дружеских, но никто ему не верил. И впоследствии это привело к целому ряду проблем, которые возникли в нашем коллективе. Но об этом я расскажу чуть позже, а пока остановлюсь на том, что если бы не манипулирования чувствами Миши Миронова, который был семейным мужчиной, я бы, наверное, и слова дурного про Лену не сказала, так как она была приветливой и дружелюбной девчонкой, от которой не приходилось ждать подлости за спиной. Лично у меня с Леной были неплохие отношения, как и у остальных наших сотрудников, поэтому в целом будем считать её положительным персонажем, хотя и не лишённым некоторых недостатков, как, впрочем, и любой из нас.

И наконец, я добралась до Анатолия Юрьевича Макарова – нашего начальника. Он моложе меня на год, да и вообще моложе почти всех своих подчинённых. По образованию он – медбрат и некоторое время работал санитаром на скорой помощи. Однако ему посчастливилось иметь очень влиятельного дядю, который в своё время свёл знакомство с Генеральным директором нашей Корпорации. Правда, тогда он был только заместителем Генерального директора, но и этого было достаточно, чтобы дядя Анатолия Юрьевича попросил своего нового знакомого пристроить племянника на тёпленькое местечко. Однако Корпорация «Делай то, что не де-

лают другие!» хоть и являлась разноплановой организацией, медицинских услуг населению не оказывала, и потому Толе Макарову было предложено получить ещё одно образование, которое помогло бы ему устроиться на хорошее место. И недолго думая, Макаров нашёл какой-то захудалый коммерческий юридический ВУЗ, поступил туда и, будучи студентом первого курса, получил должность заместителя начальника юридического отдела нашей Корпорации. А через три года, когда начальник юридического отдела благополучно ушёл на пенсию по возрасту, Анатолий Макаров, не имея законченного юридического образования, занял его место. Такое стало возможно лишь потому, что его покровитель сам стал руководителем Корпорации и мог принимать любые решения касательно кадрового состава своей организации без учёта необходимых требований к должностным обязанностям той или иной штатной единицы. В итоге, Анатолий Макаров в возрасте двадцати восьми лет оказался на очень солидной и выгодной должности, ради получения которой обычные люди трудятся лет тридцать. Знаний и опыта юридической работы у Макарова было меньше, чем у любого из его подчинённых, он ни разу не был в суде, да и вообще самостоятельно не мог составить даже самый простой договор. Он был начальником чисто номинально, однако ни один подготовленный нашим отделом документ не попадал на подпись руководству Корпорации без визы Макарова. И чтобы показать свою «компетентность», он всегда заворачивал аб-

солютно все документы, подготовленные любым из нас. И в качестве замечаний предлагал либо поменять абзацы местами, либо изменить падеж в какой-либо фразе, либо из двух предложений составить одно или наоборот, в общем, придирался по мелочам, а не по существу, и визировал подготовленный документ лишь после двух-трёх исправлений. И я уже настолько привыкла к подобным чудачествам нашего начальника, что даже не обращала на них внимания и всегда была морально готова к тому, что даже самый отшлифованный текст Макаров будет пытаться улучшить путём перестановки слов и фраз местами.

О том, что Анатолий Макаров является самым слабым юристом в Корпорации «Делай то, что не делают другие!», знали не только сотрудники нашего отдела, но и вся Корпорация, так как нам прямо в лицо говорили, что мы – единственный отдел, который может спокойно существовать без начальника. Так оно и было, потому что когда посреди рабочего дня Макаров куда-то исчезал, никого не предупредив и переставая отвечать на телефонные звонки, наш отдел продолжал нормально функционировать. Документы исполнялись в срок, рабочие встречи проходили в запланированном порядке, судебные заседания не пропускались. Даже если вдруг Генеральный объявлял внеплановое совещание и никто не мог найти Макарова, то вместо него на совещание отправлялся кто-нибудь из старших сотрудников нашего отдела. Обычно это были Миронов или Решетникова. И когда

Макаров вновь появлялся на рабочем месте, то не пожинал никаких негативных последствий своего отсутствия, так как никто его не то, что не наказывал, но даже не журил. Все знали, что он под крылом у Генерального, а самому Генеральному было плевать, кто именно принёс ему документы на подпись: начальник юридического отдела или один из его подчинённых. Главное, что работа была выполнена и выполнена в срок.

Вот таким начальником был наш Анатолий Юрьевич Макаров, с которым вроде бы все считались, но которого при этом никто не воспринимал всерьёз.

Да, забыла сказать. Совсем недавно Макаров женился и стал отцом, так как у него родился сын. В жёны он взял провинциальную девушку, которая его практически на руках носила, потому что никакой работой по дому Анатолий Юрьевич, естественно, не занимался, равно как и ребёнком. Всё благополучно легло на плечи его юной жены, которая к тому же ещё и стремилась делать карьеру в химической промышленности и даже преуспела в этом. Но углубляться в историю семьи Макаровых я не стану, потому что не он является главным действующим лицом моей повести, и всё, что я хотела сказать об этом человеке, чтобы мой любезный читатель мог себе представить этого персонажа, я уже сказала.

Ну и ещё один сотрудник нашего отдела – это я, Катя Мещерякова. Мне тридцать шесть лет, но уверена, что выгля-

жу моложе, так как до сих пор ношу платья, сшитые ещё в школьные годы. Не пью, не курю, матом не ругаюсь. Вообще. Каждое утро делаю зарядку и стараюсь вести правильный образ жизни. Стараюсь со всеми поддерживать хорошие отношения, даже с теми, кто мне откровенно не нравится, хоть это и сложно. И ещё у меня есть одно очень неприятное качество характера. Я – патологический альтруист. В ответ на любую просьбу, даже откровенно неприятную и обременяющую меня, произнести слово «нет» я не могу в принципе, и те, кто это замечает, нагло пользуются этим моим качеством. И хотя я стремлюсь всячески расширить свои личные границы, чтобы не позволять особенно бесстыдным личностям злоупотреблять моей отзывчивостью, пока что у меня это плохо выходит. Но я над этим работаю и надеюсь, что однажды смогу без внутреннего содрогания и чувства вины отказывать особо бесцеремонным и бессовестным людям, но пока этот день ещё не наступил.

Да, забыла упомянуть. Я давно замужем. Настолько давно, что мы с мужем перестали испытывать какие-либо романтические чувства друг к другу, воспринимая свой брак как данность, которая всегда была и всегда будет. У нас двое детей: дочь четырнадцати лет и сын трёх лет. Полагаю, пока этих сведений обо мне будет достаточно, потому что чуть позже я поведаю читателю о себе гораздо больше разных подробностей, позволяющих гораздо лучше понять меня и объяснить мотивы моих поступков, которые я буду совершать в даль-

нейшем.

Остальные действующие лица этой повести будут появляться по ходу развития сюжета, и я постараюсь обрисовать их читателю по мере необходимости.

Глава 2, в которой Миша Миронов пытается понять, кому именно должна нравиться его жена

И вот настал тот день, когда я после трёхлетнего перерыва вышла на работу. Вернувшись на прежнее рабочее место, я зашла в кабинет, где вместе со мной должны были работать бок о бок Юля Решетникова и Фёдор Игнатов. Но только вот Юли в это утро не было на месте, и когда она с опозданием появилась на работе, Фёдор спросил её:

– Юлия Владимировна, где ты была всё это утро?

– У врача, Фёдор Игнатьевич, у гинеколога, – нимало не стесняясь, сообщила Юля.

– Что с тобой такое? – сочувственно поинтересовался Фёдор.

– Да беременна я, – усмехнувшись, сообщила Юля, всем своим видом показывая, что это всего лишь отговорка, так как истинную причину посещения врача она сообщать не намерена.

– Что? Пост сдал, пост принял? – тут же отреагировал Фёдор, применив свой полицейский юмор, и я, не удержавшись, рассмеялась.

Как здорово Фёдор разрядил обстановку и выкрутился из неловкой ситуации! А между тем такое весёлое начало моего вливания в рабочий процесс было лишь первым шагом, который мне предстояло сделать, чтобы вновь почувствовать себя настоящим офисным сотрудником. События, произошедшие в нашем коллективе за это время, обрушились на меня со страшной силой, и мне пришлось спешно раскладывать их по полочкам в своей голове.

Так, в наших рядах появились новые сотрудники (Алексей Веников и Лена Буроватых), Антон Ершов и Анатолий Юрьевич Макаров узаконили свои отношения с подругами, а Макаров ещё и стал отцом. Юлия Решетникова похудела на пятнадцать килограммов. Причём такое похудение не сказалось отрицательно на её внешности, а наоборот, омолодило её, потому что Юлия занялась какой-то дыхательной гимнастикой, и это позволило её коже остаться такой же подтянутой, как и прежде. Так что по сравнению с тем обликом, который она имела три года назад, Юлия Решетникова заметно преобразилась в лучшую сторону. А ещё незадолго до моего выхода на работу ребята предприняли автомобильную поездку в Санкт-Петербург, о чём Миша Миронов поведал мне во всех подробностях чуть ли не с порога своего кабинета.

В поездку они отправились семьями: Алексей и Антон с жёнами, Фёдор с сыном и Миша с женой и сыном. Почему не поехали Юлия с Леной, я не спрашивала. А про начальника и говорить, думаю, не стоит, так как любой коллектив лучше

чувствует себя в отсутствие своих руководителей, какими бы хорошими они ни были.

Фотоснимки этого дружеского путешествия Миша выложил на сервере, чтобы все желающие могли их посмотреть и оценить масштаб проведённого мероприятия.

Я несколько раз была в Санкт-Петербурге и потому не испытывала никакой зависти к ребятам, тем более что с юных лет не терплю ходить по улице толпой, предпочитая одиночные неспешные прогулки по незнакомым местам организованным экскурсиям по осмотру известных достопримечательностей. И потому я рассматривала фотоснимки своих товарищей не для того, чтобы познакомиться с красотами северной столицы, а чтобы посмотреть на членов семьи своих коллег.

Жёны Антона и Алексея были хороши собой и, по-видимому, пылали нескрываемой любовью к своим мужьям, так как на всех кадрах льнули к ним, боясь отойти в сторону. Сын Фёдора, в отличие от отца, имел длинные вьющиеся волосы, а в остальном был его копией. А сын Миши Миронова, наоборот, лицом был похож на мать, а телосложением явно пошёл в отца, так как тоже был очень худым. А вот супруга Михаила – Ирина – явно страдала лишним весом. Причём лишними были не десять или двадцать килограммов, а, наверное, пятьдесят. И этот контраст, когда Антон и Алексей стояли в обнимку со своими жёнами, а Миша пристроился где-то в сторонке, словно стеснялся своей супруги, сра-

зу бросался в глаза.

Глядя на Мишу с женой, можно было подумать, что это она его на десять лет старше, а не он её.

Обычно человек набирает лишний вес в результате неправильного питания или сидячего образа жизни, но у Ирины был другой случай. Она работала операционной медсестрой в кардиологии, и по восемь-десять часов в день ей приходилось проводить на ногах. Полагаю, после родов у неё произошёл гормональный сбой, и она резко поправилась. Такое бывает, и гораздо чаще, чем можно подумать. Хотя, признаться, в жизни мне приходилось наблюдать обратную ситуацию, когда полная молодая женщина после родов превратилась в стройняшку. Я помнила об этом случае и решила рассказать Мише, чтобы доказать, что подобное можно лечить подобным. Ирина ещё достаточно молода, чтобы родить второго ребёнка, так что не стоит отказываться от возможности поправить своё здоровье и обзавестись ещё одним малышом, пока супруги Мироновы ещё могут себе это позволить.

– Миша, – улучив момент, обратилась я к своему коллеге. – А ты не думал, что твоей Ирине следует сходить к эндокринологу и проверить гормоны?

– Зачем? Она абсолютно здорова! Просто набрала несколько лишних килограммов. Но сейчас она уже решает эту проблему. Она ходит на иглоукалывание, а ещё ей посоветовали одну очень хорошую диету.

– Сомневаюсь, что вы действуете в верном направлении.

Ирина – такая молодая, а так сильно поправилась! Это не просто так. У неё однозначно случился гормональный сбой, и ей нужно лечиться. Или можно поступить ещё проще. Родите второго ребёнка – и организм твоей жены восстановится! Поверь, я знаю, что говорю. У нас в школе был такой случай. Наша библиотекарша была очень толстой. И хотя ей было всего двадцать четыре, выглядела она лет на десять старше. Мы называли её «Тумбой» или «Три на два», имея в виду её габариты в метрах. Но вот она выходит замуж, рождает ребёнка и резко худеет. Из толстухи, которая еле в дверь проходила, она становится стройной молодой женщиной и начинает носить одежду сорок шестого размера. Когда мы это увидели, у нас даже язык не поворачивался снова назвать её «Тумбой». Все стали называть её по имени и дружно забыли прежнее прозвище. И я думаю, твоей жене тоже стоит попробовать на себе этот метод.

– Вообще-то она хочет второго ребёнка, – задумчиво произнёс Миша. – Постоянно твердит мне об этом.

– Вот! – подняв вверх указательный палец правой руки, произнесла я. – Она понимает, что нужно вашей семье и её организму в частности. Не стоит мешать женщине реализовывать её желание иметь ребёнка!

– Но ты же знаешь, мы живём в однокомнатной квартире! – начал спорить со мной Михаил. – В ней не хватит места ещё для одного ребёнка!

– Миша, – твёрдым голосом произнесла я, пытаюсь воз-

звать к разуму своего коллеги, – ты – единственный ребёнок у пожилых родителей. И у каждого из них имеется по квартире (Миша рассказывал, что его родители в разводе и живут отдельно, каждый в своей квартире). Стало быть, не за горами день, когда ты унаследуешь обе эти квартиры. И даже если сейчас вам придётся тесновато, в скором времени эта проблема решится, и места будет достаточно и для тебя с женой, и для твоих детей.

– Как ты не поймёшь, что всё это совсем непросто! – принялся размахивать руками Михаил. – Ещё один ребёнок принесёт с собой слишком много проблем!

– Да где уж мне знать о проблемах, которые влечёт за собой рождение детей! – иронично заметила я. – У меня семейная и жилищная ситуация гораздо хуже твоей, а я всё равно решила родить второго!

– Но я сейчас не готов ко второму ребёнку! – продолжил возражать мне Миша. – Может, через год или два.

– Ну да, время терпит. Твоя жена ещё молода и может немного подождать. Хотя я бы не советовала тебе с этим тянуть, – с укором сказала я Мише, и наш разговор закончился.

А когда я вернулась в свой кабинет и вкратце пересказала этот разговор Юле, дополнив его красочным описанием нашей школьной библиотечарши, чьё великолепное преобразование произвело очень сильное впечатление чуть ли не на весь город, Решетникова поведала мне следующее.

– Когда ты была в декрете, перед Новым годом нам выдали

билеты на концерт. Все пошли на него со своими половинками, и Миша в том числе. Но когда мы столкнулись с ним в холле, то, увидев меня, он смутился. Рядом с ним была его жена, и я подошла к ним, чтобы поздороваться и поболтать, но в ответ Миронов лишь буркнул «привет» и сразу пошёл занимать свои места. А потом, на следующий день он сам подошёл ко мне и спросил, понравилась ли мне его жена. И тогда я ему ответила: «Миша, она должна нравиться тебе, а не мне!». После этого он снова смутился и пошёл к себе.

– Как точно ты сказала! – восхищённо произнесла я Юльке.

Миша всегда стеснялся представлять кому-либо свою жену. Наверное, из-за её внешнего вида, потому что у остальных парней нашего отдела жёны были молодые, стройные и красивые, и на их фоне Мишина супруга заметно проигрывала. Но Юля была абсолютно права, говоря о том, что в плане любви играют роль лишь личные предпочтения каждого человека, а не общепринятое мнение о том, как должна выглядеть идеальная жена. Тем более что когда я спросила Мишу, какой была Ирина, когда он с ней познакомился, он ответил, что и в восемнадцать лет она была пышечкой.

– Так что же ты хочешь? – ответила я ему. – Если девушка в восемнадцать лет носит сорок восьмой размер одежды, то вряд ли к тридцати годам она перейдёт на сорок второй!

Но Миша сказал, что ему нравятся пухленькие девушки.

– Так в чём проблема? Ты хотел пухленькую жену, ты её

получил! Нечего оглядываться на других и интересоваться их мнением о том, насколько симпатичной они считают твою жену.

И в этом Миша не мог со мной не согласиться.

Глава 3, рассказывающая о том, с какими подводными камнями придется сталкиваться женщине, вышедшей на работу после окончания отпуска по уходу за ребёнком

Стоило мне приступить к своим служебным обязанностям, как выяснилось, что все мои предыдущие заслуги были давно забыты. Словно я ни разу не бывала в суде или же не составила ни одного проекта федерального закона или же никогда не разрабатывала конкурсную документацию для проведения торгов. Меня посадили за самую скучную и неблагодарную работу, которую обычно поручают новичкам, не знающим абсолютно ничего о специфике деятельности Корпорации, либо же самым бестолковым сотрудникам, которых по какой-то причине нет возможности уволить в данный момент, и руководство Корпорации только ждёт повода, чтобы избавиться от него. В общем, меня посадили за подготовку справок о проделанной отделом работе. За неделю, за месяц, за квартал, за полугодие и, наконец, за год.

Признаться, ни мне, ни другим сотрудникам нашей Кор-

порации никогда не была понятна цель данного абсолютно бесполезного вида деятельности. На мой взгляд, это был просто перевод бумаги, потому что никто и никогда не читал это безобразие. Но нам постоянно твердили, что это необходимо руководству Корпорации, чтобы оценить объём и качество работы каждого подразделения. Но скажу по опыту, те отделы, которые толком ничего не делали, так и продолжали ничего не делать, а наш отдел, как самый загруженный всяческой работой, так и продолжал тянуть свою ляжку, несмотря на длиннющие справки, в которых в полном объёме излагалась сия эпопея.

И вот я занялась составлением этих самых справок. Справок было так много, и работа по их составлению была такой однообразной и рутинной, что к концу первой недели мне хотелось выть. Я поняла, что долго так не выдержу, и, возможно, мне следует подумать о перемене места работы. Да только кому я сейчас нужна? У меня маленький сын, который только что пошёл в детский сад, и всякий работодатель под любым предлогом постарается отказаться от услуг такого работника.

Это в Конституции у нас прописано, что не допускается дискриминация по признакам пола, расы, вероисповедания и другим причинам. Но на практике, конечно же, всё обстоит иначе. Девушкам и женщинам гораздо труднее устроиться на работу, чем мужчинам. А уж о продвижении по карьерной лестнице замужним женщинам вообще стоит забыть. Даже

если у них есть престижное образование, необходимый опыт работы и достойные деловые качества. Любой руководитель всегда предпочтёт принять на работу и будет выдвигать на вышестоящую должность какого-нибудь оболтуса мужского пола просто потому, что он не уйдёт в декретный отпуск и не возьмёт больничный по уходу за ребёнком.

Как же я нахлебалась этого в своей жизни! Когда я закончила ВУЗ, моей дочери было полтора года, и я стала пытаться найти работу. Безуспешно. Я рассылала резюме, ездила на собеседования, которые всегда заканчивались одной фразой:

– У Вас очень маленький ребёнок.

Я долго перебивалась случайными заработками, прежде чем мне удалось устроиться на работу по профилю. Дочери к тому времени было уже семь лет. А ещё через пару лет мне повезло попасть в юридический отдел Корпорации «Делай то, что не делают другие!» на самую низшую должность, на которой я находилась до сих пор. Правда, однажды, когда текучка в нашем подразделении достигла своего пика, и из десяти штатных единиц в отделе осталось лишь четыре живых человека, у начальника возникла мысль повысить меня. Я тайно ликовала, ожидая, пока руководитель подпишет необходимые бумаги, но тут неожиданно выяснилось, что я беременна. И наверное, мне следовало скрывать этот факт до последнего момента, как обычно поступают все остальные женщины, потому что новая должность и более высокий оклад непременногодились бы мне при получении де-

кретных денег, но моя излишняя честность и природная порядочность всегда шли мне во вред. И начальник стал вторым человеком после мужа, который узнал о моём положении. И, как и следовало ожидать, вопрос о моём повышении отпал. А я утешала себя тем, что скоро у меня родится сын, который гораздо важнее любых денег и профессиональных амбиций.

Именно поэтому сейчас я понимала, что до тех пор, пока сын не пойдёт в школу, мне даже и думать не следует о перемене места работы. Да, возможно, мне придётся ежедневно заниматься глупыми справками, теряя квалификацию, но разве в данной ситуации у меня есть хоть какой-нибудь выбор? И я продолжала с утра до вечера печатать информацию о работе, проделанной кем-то другим, в то время как сама не могла похвастаться никакими трудовыми достижениями.

А буквально через пару недель объём моего бумаготворчества увеличился ещё в несколько раз. Алексей Веников собрался в отпуск, и начальник рассудил, что я вполне смогу заменить его, добавив к своим обязанностям по подготовке справок ещё и кучу отчётов, которые мы отправляли в Министерство прогрессивных идей. И когда в последний день перед отпуском Алексей принёс мне свои папки, я пришла в ужас от того, насколько увеличился объём этой работы за период моего трёхлетнего отсутствия в Корпорации.

Три года назад у нас были только полугодовые и годовые отчёты, которые мы отправляли в Министерство. И всё. Те-

перь же отчёты были еженедельные, ежемесячные, ежеквартальные, полугодовые и годовые. И кому это всё надо?

Для меня Алексей был новым человеком, с которым я ещё не успела наладить контакт, да и он тоже относился ко мне довольно-таки настороженно, и потому наше общение с ним было приторно вежливым и сведённым к минимуму. И когда Алексей попытался объяснить мне свою работу по составлению отчётов, я слушала его и совершенно ничего не могла понять.

– Лёша, не обижайся, но ты говоришь, как наши депутаты. Много и вроде бы всё правильно, но ничего непонятно.

– Катя, но я же тебе всё ясно объяснил! – продолжил свою речь Алексей и снова начал говорить какие-то непонятные названия и бессмысленные слова, от которых в моей голове была полная каша.

И через некоторое время мучительного общения Алексей написал мне на листке бумаги номер своего мобильного телефона, предложив звонить ему в случае возникновения вопросов. Но только я не видела в этом смысла, потому что если по телефону он продолжит умничать, то толку от такого разговора не будет.

А чуть позже Алексей уехал куда-то с документами, оставив на столе тысячную купюру и записку о том, чтобы мы купили торт и отметили его отпуск.

Я обрадовалась и предложила коллегам свои услуги по покупке торта.

– Нет, Катя, на эти деньги мы ничего покупать не будем, – пресёк Антон мои попытки устроить небольшой пир в конце рабочего дня.

– Но почему? – поинтересовалась я.

– Потому что если бы Алексей хотел нас угостить, он бы сам купил торт, а не просил нас это сделать.

– А какая разница? – не догадывалась я. – Ты же сам видишь, ему пришлось уехать по делам, и он просто не успел купить торт, поэтому оставил деньги!

– Нет! Если бы он хотел купить торт, то нашёл бы время, – продолжал спорить Антон, а я не могла понять причины таких слов.

Тогда я вернулась в свой кабинет и обратилась к Юльке с тем же предложением.

– Знаешь, Юля, Алексей оставил нам тысячу рублей для того, чтобы мы купили торт, и я предлагаю сходить за ним.

– Нет, Катя, ты никуда не пойдёшь, – в ответ отрезала Юлька.

– Это почему?

– Потому что это должен сделать Алексей, а не ты, – повторила Юля слова Антона.

– Вы, наверное, все здесь сговорились! – воскликнула я. – Ищите проблему там, где её нет!

– Просто ты ничего не знаешь, – спокойным голосом ответила Юля.

– А что я должна знать? Я вижу очевидное. Человек ре-

шил сделать приятное своему коллективу и оставил деньги для покупки торта, а вы все ищите в этом какой-то тайный подвох, словно его деньги заразные или же, когда мы их потратим, Алексей внезапно явится сюда и обвинит нас в краже тысячи рублей!

– Ты просто долго отсутствовала и не знаешь того, что знаем мы, – ответила Юлька.

– Так расскажи мне, чтобы я тоже не блуждала впотьмах! – не выдержала я.

– Тогда закрой дверь плотнее, – сказала Юлька, указав взглядом на дверь нашего кабинета, что я и сделала.

Фёдор в это время уехал куда-то по делам, поэтому мы остались в кабинете вдвоём.

– Если бы сегодня Макаров был на месте, – начала Юля свой рассказ, – то Алексей не только бы сам сбегал и купил торт, но накрыл бы здесь такую поляну, что мы бы до утра сидели и песни пели.

Тут Юлька снова посмотрела на закрытую дверь, словно опасалась, что Веников внезапно может появиться в нашем кабинете и уличить нас за то, что мы сплетничаем за его спиной. Но поскольку дверь всё ещё оставалась закрытой, то Решетникова продолжила.

– Когда Алексей только появился в нашем отделе, он сразу же стал выслуживаться перед начальством. Он вёл себя так, что смотреть было противно. Каждое утро Алексей приезжал на работу раньше всех и стоял у двери кабинета на-

чальника, ожидая его. За это время он, естественно, видел, кто пришёл на работу, а кто нет, и докладывал об этом руководству. Он рассказывал начальнику обо всех опозданиях, обо всех наших косяках, о которых Макаров никогда бы не узнал без его помощи. А уж когда у Алексея появлялся повод что-либо отметить, он накрывал такой стол, что, вероятно, тратил на это не меньше половины зарплаты, но не позволял никому притрагиваться к еде, пока Макаров не сядет за стол. Поэтому сегодняшняя купюра в тысячу рублей у него на столе похожа на подачку, чтобы мы не упрекали его потом за то, что он не проставился за свой отпуск. Так что мы не будем трогать эти деньги. Пусть Алексей заберёт их обратно, а мы обойдёмся без торта.

– Да, это меняет дело, – огорчённо ответила я.

Мне всегда были неприятны люди подобного склада, наверное, потому, что я сама никогда не позволяла себе ни кому подлизываться, предпочитая всегда действовать честно и открыто. Что ж, теперь понятно, почему Алексей не мог мне толком объяснить, как необходимо составлять отчёты. Он специально разговаривал со мной так, чтобы я чувствовала себя полной дурой, а он на моём фоне выглядел бы настоящим профессионалом в своей области, которого никто не может заменить даже на короткое время.

Впоследствии так и оказалось. Алексей сбросил мне на компьютер устаревшую электронную версию отчётов, и когда я распечатала их и понесла на подпись начальнику, то

услышала много неприятных слов по поводу своей компетентности и способности хорошо работать, которые явно утратились за прошедшие три года. Со временем, конечно, я разобралась с тем, как следует правильно оформлять отчёты, но успела намотать себе на ус, что с Алексеем следует держать ухо востро, чтобы не позволить ему снова подставить меня.

Глава 4, повествующая о том, как мы фотографировались для альманаха

Идея о том, чтобы выпустить альманах, который бы рассказал историю создания Корпорации «Делай то, что не делают другие!» и о его деятельности в наши дни, а также содержал фотогалерею всех её сотрудников, возникла в голове нашего Генерального директора уже давно, но, к сожалению, реализовать её он решил лишь после того, как я вышла из декретного отпуска. Поэтому отвертеться от участия в этом мероприятии у меня не получилось. В любой день к нам мог нагрянуть профессиональный фотограф для проведения фотосессии.

– Советую тебе привезти из дома строгий костюм или хотя бы пиджак и хранить его на работе, потому что нам строго-настрого запретили фотографироваться в легкомысленных кофточках, – сообщила мне Юлька Решетникова.

– А точно всем нужно фотографироваться? – с тайной надеждой спросила я. – Ведь когда придёт фотограф, всегда можно сказать, что я ещё не вышла из декретного отпуска. Он же не будет проверять?

– Катя, это мероприятие обязательно для всех! Так что мой тебе дружеский совет: если не хочешь, чтобы тебя застали врасплох, принеси из дома костюм! – голосом, не допускающим возражений, ответила Решетникова. – Конечно, ты можешь каждый день приходить на работу в пиджаке, да только на улице сейчас тридцать градусов, и судя по прогнозам метеорологов, похолодания в ближайшее время не предвидится. Поэтому тебе решать.

И как бы мне не хотелось пропустить это ответственное мероприятие, пришлось привезти из дома официальный костюм, который я использовала исключительно для походов в суд, и повесить его на вешалку в шкафчик.

Возможно, кто-то любит, когда его фото публикуют в газетах или показывают по телевизору, но я не отношусь к их числу. Как по мне, то лучше спрятаться в глубокую нору и выглядывать оттуда лишь тогда, когда необходимо подышать воздухом и не более.

И хотя я – человек общительный, у меня много друзей, но я безумно не люблю светиться где бы то ни было. Когда я вижу камеру и толпу людей, то стараюсь незаметно промелькнуть мимо них. Ненавижу привлекать к себе излишнее внимание. И если бы у меня была хоть какая-то возможность избежать участия в фотосессии для альманаха, я бы непременно ею воспользовалась. Но боюсь, моё чрезмерное рвение спрятаться от этого мероприятия в каком-нибудь дальнем углу, наоборот, привлечёт ко мне ненужное внимание,

вызвав подозрительность. Поэтому я смирилась и стала жить в ожидании этого дня, продолжая тайно надеяться на то, что какое-нибудь чудо избавит меня от этой участи.

И вот однажды ранним утром нам сообщили, что прибыл фотограф, и всем необходимо срочно привести в порядок свой внешний вид и спуститься в актовый зал для участия в фотосессии.

Выгнав Фёдора из кабинета и пригласив к себе Лену, мы втроём начали переодеваться и причёсываться. А когда через несколько минут мы вышли в коридор, то увидели наших коллег-мужчин, которые и без того всегда ходили на работу в костюмах, ещё более безукоризненно одетыми: в галстуках, в светлых рубашках, а также гладко выбритыми и аккуратно причёсанными.

Все вместе мы спустились вниз. Так уже всюду шло фотографирование.

На сцене профессиональный фотограф по очереди делал снимки всех сотрудников Корпорации по отдельности и целыми отделами. Вскоре дошёл черёд и до юридического отдела.

Поднявшись на сцену, мы выстроились в ряд, словно на каком-нибудь митинге. Но фотограф дал нам указание встать кучнее, и поэтому девушкам пришлось пройти вперёд. И как бы мне не хотелось спрятаться за чужую спину, судьба снова кинула меня на амбразуру. Поэтому я сделала непроницаемое лицо, попытавшись спрятать все свои эмо-

ции, и постаралась с достоинством пройти это испытание. Но как только фотограф махнул рукой, давая нам понять, что мы свободны, я тотчас побежала к выходу из актового зала, забыв про все правила приличия.

Не пользуясь лифтом, я поднялась на четвёртый этаж и открыла дверь нашего кабинета. И пока мои коллеги, не торопясь и делясь впечатлениями о проведённом мероприятии, возвращались на свои рабочие места, я уже успела переодеться.

– Какая ты шустрая! – не скрывая удивления, произнесла Юля Решетникова, когда зашла в кабинет и увидела меня снова в кофточке с короткими рукавами.

– Не люблю тянуть время, – ответила я, усаживаясь за компьютер.

– Катя, раз ты уже переделалась, может быть, наберёшь в чайник воды? – попросила Юлька.

– Без проблем, – ответила я, поднимаясь с места.

И пока я бегала за водой, к нам в кабинет зашла Лена Буроватых, чтобы переодеться. Увидев меня с чайником, она сказала:

– Девочки, вы не против, если я тоже с вами попью чай?

– Конечно, – сказала я. – Приноси кружку!

И когда вода в чайнике закипела, я заварила для всех чай, и мы стали ждать, пока он остынет. Но насладиться чаепитием нам не удалось. Из коридора доносился недовольный голос Миши Миронова, и мы решили приоткрыть дверь, что-

бы узнать, в чём дело.

– Нам нужно перефотографироваться! – кричал Михаил, споря с кем-то.

– Михаил, всё в порядке! На снимках ничего не видно, – послышался в ответ спокойный голос Антона.

– Нет, видно! Я сейчас же пойду к начальнику и попрошу его, чтобы нас всех перефотографировали! – продолжал кричать Миронов.

Услышав это, моё сердце ёкнуло, и я подскочила с места, чтобы выйти в коридор.

Миронова там уже не было, а был лишь Антон Ершов, поэтому я подошла к нему.

– Скажи, пожалуйста, что тут произошло? Почему Миша орёт на всю Ивановскую? – обратилась я к коллеге.

– Да он, как всегда, раздувает из мухи слона, – ответил Антон, и по его лицу было видно, что идея Миши с перефотографированием ему тоже была не по душе. – Когда все ушли, Михаил подошёл к фотографу с флэшкой и попросил его перебросить наши фотоснимки. И после того как он на своём компьютере рассмотрел полученные кадры, то увидел, что у него, оказывается, были нечищенные ботинки. И теперь он их почистил и хочет сфотографироваться по новой.

– Да кто будет рассматривать его ботинки! – в сердцах воскликнула я. – Скорее всего, на общем кадре их вообще не будет видно!

– Я сказал ему тоже самое, – ответил Антон. – Но ты же

знаешь Михаила! Если он на чём-то зациклился, то переубедить его в обратном просто невозможно. Надеюсь, Макарову это удастся, потому что сейчас Миронов пошёл к нему.

– Надеюсь, – с горечью ответила я и, вернувшись в свой кабинет, рассказала девчонкам, что произошло.

– А раньше он не мог заметить, что у него ботинки нечищенные? – недовольным тоном произнесла Юлька, когда я окончила своё повествование.

– Видимо, нет. Надеюсь, начальник не поддастся панике и не заставит нас всех перефотографироваться только потому, что Мише этого хочется.

Но стоило мне произнести эти слова, как раздался звонок местного телефона. И поскольку Юля была ближе всех к аппарату, она взяла трубку.

– Слушаю, – ответила она.

Мы с Леной наблюдали за Юлей и видели, что содержание телефонного разговора ей совершенно не нравилось.

– Но, Анатолий Юрьевич, кто будет смотреть на его ботинки? – начала спорить с начальником Юля, и мы поняли, что наши худшие опасения подтвердились. – Анатолий Юрьевич, мы уже переоделись! – снова услышали мы, надеясь, что Юльке удастся отстоять нашу точку зрения. – В конце концов, это же такая мелочь!

Но тут мы увидели, как внезапно изменилось выражение лица Решетниковой, и она произнесла: – Будет исполнено! – и положила трубку. – Так бы сразу и сказал, – добавила она,

обращаясь к нам.

– А что он сказал? – тихим голосом поинтересовалась я.

– Он сказал, чтобы мы срочно переоделись и через пять минут были в актовом зале и добавил, что это приказ, – ответила Юля, подходя к шкафу, чтобы снова достать оттуда костюм. – Если бы он сразу сказал, что это приказ, я бы и спорить с ним не стала.

Поняв свою обречённость, мы с Леной отставили в сторону свои чайные чашки и снова принялись переодеваться.

– Значит, Миронову удалось переубедить начальника, – произнесла я вслух.

И нам пришлось по новой пройти процедуру фотографирования, причём было очевидно, что никому из нас, включая фотографа, эта затея совершенно не нравилась. А когда мы потом сравнили фотоснимки до и после злополучного требования Миронова, то увидели, как разительно отличались эти кадры. Если вначале мы стояли на сцене актового зала бодрые и весёлые, то потом лица у всех были измученными и недовольными, но, к сожалению, именно последний кадр вошёл в альманах. А первоначальный фотоснимок мы сохранили на память на сервере, чтобы иметь возможность при случае указывать Миронову на тот факт, что не всегда то, что хорошо для него, хорошо и для всех остальных.

Глава 5, которая наглядно показывает, до какого абсурда может дойти экономия на своих сотрудниках

Корпорация «Делай то, что не делают другие!» являлась достаточно богатой организацией, которая могла позволить себе обеспечивать всех своих сотрудников необходимыми орудиями труда, включая столы, кресла, новейшие ноутбуки и канцелярские принадлежности, а также кофейные аппараты для каждого кабинета. Однако пользоваться всеми этими благами удавалось лишь руководящему составу нашей Корпорации. Например, у Анатолия Юрьевича Макарова, обычного начальника отдела, кабинет выглядел так, словно сошёл с обложки глянцевого журнала: великолепный ремонт, стильная деревянная мебель, солидный настольный прибор, включая настольные часы в виде Московского кремля, ноутбук последней модели, кофемашина и несколько ручек фирмы «Паркер», как автоматических, так и перьевых.

Далее шло по нисходящей. Кабинет его заместителя Михаила Миронова выглядел проще, и там не было кофемашины и дизайнерского настольного прибора. Но, по крайней мере, у Михаила в кабинете имелся весь набор необхо-

димой техники, включая компьютер, принтер, сканер, копировальный аппарат. И всё это прекрасно работало. Имелись также паркеровские ручки, которыми Миронов совершенно не пользовался, предпочитая подписывать документы обычными авторучками из «Ашана».

У народа же рабочие места выглядели гораздо скромнее. Простенькая мебель, обычные компьютеры и канцелярские принадлежности, купленные за свои деньги. А также электрический чайник и микроволновая печь на весь отдел, приобретённые опять-таки за счёт общественных средств.

Но моя ситуация была хуже остальных, так как компьютер, за которым мне приходилось работать, был не просто старым, он был, как детище Франкенштейна, собран из разных деталей давно списанных компьютеров, о чём мне с гордостью сообщил Макаров, вручая сей аппарат. Мой прежний компьютер, который дышал на ладан и был весь изъеден вирусами, во время моего отсутствия был благополучно кому-то передан, и теперь мне предстояло работать на том чуде техники, который кто-то из наших умельцев соорудил просто из прихоти. И хотя в этом был очень большой плюс, так как если бы мне вдруг вздумалось сломать его, то никакой материальной ответственности перед Корпорацией нести бы не пришлось, но был и очень большой минус, так как работал этот компьютер не просто очень медленно, а очень-очень-очень медленно.

Включался он минут десять. А чтобы открыть необходи-

мый документ, мне требовалось в среднем минут сорок. Десять минут требовалось, чтобы войти на сервер нашего отдела. Затем столько же в папку с моим именем, где хранились все документы, над которыми я работала. Потом я открывала папку с названием «Письма», «Проекты», «Договоры» или «Суды», в зависимости от того, где находился требуемый документ, после чего я нажимала на значок того файла, который требовалось открыть, и снова ждала, пока он прогрузится. И чтобы не тратить всё это время зря, после нажатия очередной клавиши я шла в туалет, потом набирала воду для чайника, кипятила её, потом набирала воду для цветов, поливала их, успевала поздороваться со всеми сотрудниками своего отдела, а также соседних отделов, и приблизительно через час после начала рабочего дня приступала к работе над документами. И если мне требовалось открыть ещё один документ, то на это тоже требовалось время, которое я использовала для чего угодно, но только не для работы, так как когда файл загружался, компьютер зависал.

Мои коллеги знали это, и никто меня этим не упрекал, так как все понимали, что подобные проволочки не являются моей виной. Правда, некоторые предлагали мне хранить документы на рабочем столе, а не на сервере, чтобы не тратить столько времени на их открытие. Но на такие заявления я всегда возражала:

– Вы же видите, какой у меня компьютер! Сегодня он работает, а завтра сдохнет. И что тогда будет с моими доку-

ментами? Исчезнут! А если я буду хранить их на сервере, то в них можно будет зайти с любого компьютера. Так что не уговаривайте меня перебросить все свои папки на рабочий стол! Сами же потом будете упрекать меня, если мой компьютер выйдет из строя!

Так я работала. Очень часто черновики проектов документов я писала на листочках от руки, а только потом перепечатывала их на компьютере. Я даже специально притащила на работу сборники кодексов, которые у меня имелись дома, чтобы пользоваться ими по мере необходимости. Макаров и Миронов знали, в каком состоянии мой компьютер, но это не мешало им давать мне на исполнение срочные документы, а потом возмущаться по поводу того, как долго я их готовлю. Но самое интересное начиналось тогда, когда требовалось срочно что-нибудь распечатать.

Обычно дело происходило так. Раздаётся звонок по местному телефону, и Макаров просит меня распечатать какую-нибудь статью из «Консультант Плюс». И я вежливо отвечаю:

– Анатолий Юрьевич, а может быть, Вы сами её распечатаете? У Вас отличный ноутбук и принтер прекрасно работает. Вы за пару минут сможете сами это сделать, а я буду полчаса только открывать нужный документ.

– Мещерякова, хватит шутки шутить! Мне через двадцать минут нужно ехать в Министерство на рабочую встречу по поводу одного законопроекта, и до этого времени я должен

собрать весь пакет документов! Я должен подготовиться, а ты предлагаешь мне самому распечатывать всю нормативку?

– Вот именно! – говорю я начальнику. – Если Вы торопитесь, то тем более нет смысла просить меня что-либо распечатывать, учитывая скорость работы моего компьютера!

– Мещерякова, не спорь с начальством! Делай, что тебе говорят! – строгим голосом отдавал приказ Макаров, и я послушно начинала открывать «Консультант Плюс».

Эта программа работает на моём компьютере ещё медленнее, чем сервер, поэтому я стараюсь её запускать как можно реже, в отличие от своих коллег, у которых «Консультант Плюс» открыт всегда. Но раз руководителю нужно, чтобы именно я распечатала для него статьи закона, что ж, моё дело подчиниться.

Пока на моём компьютере открывался «Консультант Плюс», я успела сходить в туалет, зайти в канцелярию и поболтать там с девчонками, потом я удалила лишние СМС-сообщения со своего мобильного телефона, полагая, что у меня есть легальный повод не заниматься собственными документами, пока я не выполню поручение начальства, после чего смогла нажать ещё одну клавишу, чтобы включить поисковик. И тут снова позвонил Макаров.

– Ты почему до сих пор не принесла мне распечатанные документы? – грозным голосом спросил он.

– Потому что мне нечего Вам принести, – простодушно ответила я.

– Как это нечего? Меня машина внизу ждёт, а не могу выйти из кабинета, потому что жду, когда ты занесёшь мне документы! – продолжал высказывать своё недовольство Макаров. – Ты хоть распечатала всё, что я велел?

– Нет. Я даже ещё не открыла нужный документ! – спокойно отвечала я.

– Как не открыла? Мещерякова, ты чем там занимаешься?

– Выполняю Ваше поручение, – чистосердечно отвечала я. – Вы же сами знаете, как работает мой компьютер! Я говорю Вам об этом каждый день! И если Вам необходимо срочно что-то распечатать, быстрее будет, если Вы сделаете это сами или попросите того, у кого более мощная техника.

– Нужно было сразу об этом сказать! Из-за тебя я потерял кучу времени! – свирепо отвечал Макаров и бросал трубку.

Но наступал новый день, и всё повторялось снова. Макаров или Миронов начинали требовать от меня подготовить и распечатать что-то срочное, а потом отчитывали за то, что я не уложилась в поставленные ими сроки.

Конечно, всё это можно было легко решить выдачей мне нового компьютера, но отчего-то начальство не желало идти по такому простому пути. С Мишей Мироновым я потом всё же сумела договориться, и если он требовал от меня исполнить что-то очень срочно, то я сразу же бежала в его кабинет и просила его пустить меня за свой компьютер, чтобы я могла прямо на его глазах всё исполнить в лучшем виде. И порой он шёл на этот компромисс. А Макаров на такое не

шёл и отказывался меня пускать за свой компьютер, а также сам не желал нажать несколько клавиш, чтобы распечатать уже готовый документ.

Все коллеги предлагали мне самой купить для себя новый компьютер, но я категорически отказывалась это делать. Во-первых, у меня просто не было на это денег, так как на первом месте для меня всегда была семья, и необходимость содержать детей была выше всех других нужд. А во-вторых, я рассуждала так. Сегодня я куплю себе на работу компьютер, а завтра, к примеру, подо мной сломается стул, и мне скажут, чтобы я тоже покупала его за свои деньги, так как именно я буду на нём сидеть. А послезавтра закончится бумага, и начальство прикажет мне за свой счёт покупать бумагу. А ещё через неделю от меня потребуют сделать в кабинете ремонт за свой счёт, ведь это же якобы в моих интересах работать в достойных условиях, а не на том, что уже ни одна помойка не принимает. Но только вот обеспечивать эти самые достойные условия труда мне обязан мой работодатель, а не я сама! Так гласит Трудовой кодекс! Я и так каждый день с утра до вечера отдаю любимой Корпорации свой труд, своё время, свой опыт, свои знания. А если я буду ещё и оставлять здесь все заработанные деньги, то какой же смысл мне вообще работать? Лучше буду сидеть дома, заниматься детьми!

Но отчего-то никто меня в этих рассуждениях не поддерживал. Многие сами покупали себе для работы ноутбуки, принтеры и даже компьютерные кресла. Но в их семьях была

другая финансовая ситуация, и эти люди могли себе позволить подобные траты. Я же продолжала работать на компьютере, который уже давно отслужил своё, и старалась философски относиться к любым трудностям. Ведь, в конце концов, однажды у начальства должна проснуться совесть или хотя бы здравый смысл! По крайней мере, я очень на это надеялась, продолжая исполнять свои трудовые обязанности на компьютере, который уже давно отжил свой век.

Глава 6

о том, что хорошую работу нужно ещё заслужить. И не один раз

Когда Алексей Веников вышел из отпуска, я благополучно передала ему обратно все отчёты, но работы у меня всё равно не убавилось, так как, кроме подготовки справок о проделанной работе, Макаров возложил на меня обязанность по переписке с гражданами. И хотя это было уже некое подобие интеллектуального труда, имеющего юридический характер, но в тоже время это была самая неблагодарная и утомительная работа, какую только можно придумать, потому что наш народ, в большинстве своём, имеет настолько низкий уровень правосознания, воспринимая свои желания за права, что просто хватаешься за голову, когда читаешь их письма.

И самым неприятным моментом этой ситуации является то, что нельзя написать человеку, что он – балбес, и прежде чем писать во всевозможные инстанции и организации, стоит для начала открыть Интернет и почитать в чатах и форумах, что там говорится о твоей проблеме. Но нет! Зачем же тратить время на чтение, когда можно потратить его на гневное письмо и отправить его в любую солидную контору, которая дорожит своей репутацией и потому не позволяет себе игнорировать обращения граждан. А несчастным

работникам этих контор приходится в каждом своём ответе очень вежливо проводить ликбез обратившегося с проблемой гражданина, даже если он пишет абсолютную чушь.

Например, один товарищ написал, что хочет улучшить свои жилищные условия и для этой цели указал в письме свой расчётный счёт, куда все сотрудники Корпорации «Делай то, что не делают другие!», а также его филиалов и подчинённых подразделений должны перечислить по сто рублей (удивительно, что так скромно!). И собранные деньги, мол, этот скромный предприниматель использует в качестве доплаты, чтобы обменять имеющуюся у него квартиру, на другую, большей площади.

И что, позвольте на милость, писать этому бедолаге в ответ? То, что у меня самой жилищная ситуация хуже некуда, и я вместе с мужем и двумя детьми живу в одной комнате, а свекровь – в другой, но отчего-то стыжусь побираться и требовать денег от родной Корпорации?

Нет, так писать нельзя! И поэтому я, спрятав свои эмоции куда подальше, в своём ответе цитирую статьи закона «О благотворительности» и заканчиваю письмо тем, что Корпорация «Делай то, что не делают другие!» не обладает полномочиями требовать от своих сотрудников принудительно сдавать заработанные деньги какие-либо нужды.

Никто другой в нашем отделе подобным не занимался. У всех была чистенькая работа, связанная, в основном, с конотворчеством и общением с Министерством прогрессив-

ных идей, где работали адекватные люди, с которыми можно было общаться на равных. Лишь я сиротливо исполняла всю грязную и неприятную работу, от которой все отмахивались, и надеялась, что однажды мне снова позволят ходить в суд и ездить в Министерство, как это было до того, как я ушла в декрет.

Глава 7

о забытых машинках и взрослых мальчишках

В один из дней, когда я уже успела приехать на работу, поздороваться со всеми коллегами и сходить в туалет, я подошла к своему рабочему столу и взяла в руки сумку, чтобы достать из неё помаду, чтобы поправить макияж. И в очередной раз сумка показалась мне слишком тяжёлой, словно я забыла что-то из неё вынуть. И чтобы развеять свои сомнения, я решила разобрать её, тем более что мой компьютер ещё даже не включился.

Я стала выкладывать на стол содержимое сумки. Сначала это были обычные вещи, без которых я не выхожу из дома: кошелёк, ключи, пропуск, косметичка, упаковка влажных салфеток, блокнот, пара авторучек. Но затем я добралась до дна сумки и извлекла на свет Божий игрушечную машинку. Потом другую. Потом третью. Потом фонарик.

Теперь всё стало на свои места. Ведь по утрам, когда я отвожу сына в детский сад, он всегда берёт с собой какую-нибудь игрушку. Я не запрещаю ему это, потому что мой мальчик приходит в группу первым, так как его маме нужно бежать на работу. И чтобы сын не скучал в ожидании прихода других детей из своей группы, воспитатели разрешают ему

играть своими игрушками. Но дело в том, что игрушки моего сына – не какие-нибудь дешёвые машинки из пластмассы, а дорогие металлические автомобили. Простенькими игрушками сын не играет, и не потому, что я балую его, а потому что он сам выбирает именно такие. И пока я могу позволить себе тратить деньги на хорошие игрушки для своего ребёнка, то я буду продолжать делать это, пытаясь заменить сыну отсутствие материнского внимания различными материальными благами, купленными за деньги.

Но если в детский сад мы приходим с сыном вместе, то по вечерам из группы его забирает моя старшая дочь, которая и не думает доставать из шкафчика брата его игрушки и приносить их домой. Поэтому мне приходится забирать их самой. Но только делаю это я исключительно утром, когда привожу сына в детский сад, а затем сломя голову несусь на работу, где меня ждут «архиважные» дела государственного масштаба в виде справок о проделанной работе и ответов на жалобы граждан, без которых, надо полагать, встанет работа всей Корпорации «Делай то, что не делают другие!». И к вечеру, приползая домой еле живая, я уже не помню о том, что было утром, потому что к тому времени у меня накапливается столько домашних дел, что ни о чём другом я уже не помню. Муж никогда не баловал меня своим вниманием, да и детьми он тоже никогда не занимался, поэтому весь груз семейных проблем лежит исключительно на моих плечах. Вот я и ношусь как белка в колесе, пытаюсь успеть всё и сразу,

выкидывая из головы то, что не требует сиюминутного решения. И на следующий день всё повторяется снова. Сын берёт в детский сад другую игрушку, а я забираю из шкафчика вчерашнюю и забываю об этом в ту же секунду, как только закрываю молнию на сумке. И этот «день сурка» продолжается до тех пор, пока тяжесть моей сумки не превысит обычную, и я не решу сделать ревизию её содержимого.

И вот сейчас я стояла у своего рабочего стола, смотрела на всё это добро и мысленно ругала себя за забывчивость. Но тут в кабинет вошёл Фёдор.

– Сколько машинок! – обрадовался он, увидев игрушки на моём столе.

– Да, решила разобрать сумку и обнаружила всё это, – начала я объяснять причину беспорядка на моём столе. – Это игрушки сына, которые я забрала у него из шкафчика в садике.

Но Фёдор не слушал меня. Как замороженный, он подошёл к моему столу и стал брать в руки машинки одну за другой и рассматривать их с таким восхищением, словно они были сделаны из золота и украшены драгоценными камнями.

А тем временем я стала убирать лишние вещи в сумку.

В этот момент дверь кабинета снова открылась, и к нам вошёл Алексей Веников с документами в руках. Его сосредоточенный вид свидетельствовал о том, что его мысли заняты каким-то важным вопросом, разрешить который он собирался с нашей помощью. Но едва взгляд Алексея упал на мой

стол, как выражение его лица тут же изменилось. В его глазах появился задорный огонёк, а губы растянулись в улыбку.

Не говоря ни слова, он подошёл к моему столу, автоматически переложив документы под мышку, освободил руки и тоже принялся разглядывать машинки.

– Это игрушки моего сына, – снова начала я объяснять появление на своём рабочем столе кучи предметов из ассортимента магазина «Детский мир».

Но, по-видимому, Алексей слушал меня в пол-уха, потому что ничего не ответил. Вместо этого он взял в руки одну из машинок и стал катать её по столу, устраивая гонки на пару с Фёдором.

А я смотрела на своих коллег и думала. Боже мой, одному из них пятьдесят, другому около сорока, а они ведут себя как малые дети. Вот если бы мне сейчас показали куклу или плюшевого мишку, неужели я бы тотчас стала с ними играть? Конечно же, нет! Подобные развлечения хороши в детстве, но отнюдь не в зрелом возрасте.

– А радиоуправляемой машинки у тебя случайно нет? – поинтересовался Алексей, продолжая гонять игрушечный автомобиль.

– Все радиоуправляемые машинки и вертолёт у нас давно сломаны, – ледяным тоном ответила я.

– Жаль, – произнёс Фёдор. – Передай сыну, пусть новые машинки тебе в сумку положит.

Услышав это, я даже не нашла, что ответить. Да и что тут

скажешь, если взрослые мужчины ведут себя как мальчишки?

А Фёдор с Алексеем продолжали играть у меня на столе, и только минут через десять, когда они немного успокоились и разошлись по своим рабочим местам, я смогла убрать игрушки в сумку, чтобы наконец-то приступить к работе.

Глава 8

о том, как грустно рассматривать каталоги одежды, когда твой бюджет ограничен

Закончив обед, Юлька навела свой обычный марафет, после чего произнесла, обращаясь ко мне:

– Не хочешь журналчики полистать?

И конечно же, мне не хотелось отказываться от возможности ещё немного отвлечься от работы, которая, как известно, в лес не убежит, тем более что обеденное время ещё не закончилось. Поэтому я сказала:

– Да, было бы неплохо.

И Юлька протянула мне два толстых журнала, которые оказались каталогами модной одежды. Как любая женщина я обожала подобные вещи и потому, взяв оба талмуда в руки, с упоением погрузилась в мир моды.

Я немного шью для себя и поэтому, рассматривая модели одежды, автоматически подмечала интересные детали или неожиданные сочетания цветов и тканей, которые можно было бы использовать в качестве идей. И тут мой взгляд остановился на шикарном блейзере светло-коричневого цвета. Несмотря на мои портновские навыки, я бы при всём жела-

нии не смогла сшить подобную вещь. И тогда я посмотрела на цену блейзера, тайно надеясь, что она будет мне по карману. Но это было не так. Цена блейзера составляла семьдесят тысяч рублей. И это не учитывая стоимости пересылки, которая обычно составляет около трети от цены заказываемой вещи.

Произведя в уме нехитрые подсчёты, я тяжело вздохнула. Сейчас моя зарплата составляла пятьдесят две тысячи рублей, так что самым лучшим решением в данной ситуации было как можно быстрее забыть о понравившемся блейзере.

Снова тяжело вздохнув, я закрыла каталог и протянула журналы обратно Юльке.

– Ничего не понравилось? – спросила она, убирая каталоги в стол.

– В том-то и дело, что понравилось, – грустно ответила я.

– А почему же ты не хочешь сделать заказ? – не догадываясь о причине моей грусти, спросила Юлька.

– Потому что у меня нет столько денег, – ответила я.

– Что же тебе такое понравилось, что у тебя не хватает денег? – поинтересовалась моя коллега, выкладывая журналы обратно на стол. – Покажи!

Я поднялась со стула и подошла к Юльке. Взяв у неё со стола нужный журнал, я отыскивала понравившуюся модель и указала на неё.

– Прекрасный блейзер, – сказала она. – И цена подходящая для такой вещи. И что тебя здесь не устраивает?

– Юля! Он стоит семьдесят тысяч! Плюс доставка! – воскликнула я, полагая, что комментарии в этой ситуации излишни.

– Ну и что? Разве ты не можешь такое себе позволить? – вопросительно произнесла Юля.

– Конечно, нет!

– Почему? – продолжала недоумевать Решетникова.

– Потому что у меня зарплата пятьдесят две тысячи! Этих денег не хватит на покупку блейзера! А ведь мне надо ещё на что-то жить вместе с детьми!

– Так займи у кого-нибудь! Разве это проблема?

– А отдавать я чем буду?

– А муж у тебя на что? Пусть он зарабатывает!

– Да у него зарплата меньше моей! Мы не можем себе позволить делать долги!

– И напрасно! Подумай, как бы тебе пошёл этот блейзер!

– Ой, Юля! Не сыпь мне соль на раны! Я и сама вижу, как бы хорошо он на мне смотрелся! Да и цвет мой любимый! Но у меня семья, и я должна думать о них, а не о какой-то обновке.

– А я бы на твоём месте заказала этот блейзер! – продолжала уговаривать меня Юлька.

– Нет, для меня это слишком дорого! – собирая остатки мужества, ответила я, возвращая каталог своей коллеге.

Затем я вернулась на своё рабочее место и взяла в руки документы. Но мысли мои ещё долго крутились вокруг хо-

рошенького блейзера, который был мне не по карману.

Глава 9, в которой происходит разговор о том, что мужчины хотят видеть в женщинах, а те это тщательно скрывают

Разгар рабочего дня, и мы все сидим, уткнувшись в экраны своих компьютеров. Но внезапно дверь нашего кабинета открывается, и в кабинет заглядывает Алексей. В этот раз глаза его горят, а на губах играет хитрая улыбка.

– Ярочкина приехала! – произносит он и покидает наш кабинет.

Наверное, это был какой-то пароль, потому что Фёдор тут же подсказывает со своего рабочего места и выбегает в коридор вслед за Алексеем.

– Что это было? – произношу я вслух, обращаясь к Юле, поскольку мы остались с ней вдвоём.

– Сейчас увидишь, – говорит она и медленно поднимается со своего кресла.

Я тоже встаю со стула и вслед за коллегами выхожу в коридор. И то, что я там увидела, выходит за рамки всякого приличия.

В коридоре стоит девушка, а вокруг неё столпились все

наши мужики. И улыбки на их лицах свидетельствуют о том, что зрелище, которое предстало их вниманию, доставляет им неопишное удовольствие. А видели они вот что.

Девушка, стоящая в центре мужского круга, не была красавицей и не была слишком юной. На мой взгляд, ей было лет двадцать пять. Да и фигура у неё была не слишком впечатляющей. Но то нехитрое добро, которым наградила её природа, она так явно выставляла напоказ, что я, глядя на неё, испытала чувство неловкости, а не восхищения. Юбка на девушке была такой короткой, что казалось, стоит ей слегка наклониться, как всем на обозрение будет представлено её нижнее бельё. А розовая кофточка, которая была надета на девушку, имела такой неприличный вырез, что грудь её, казалось, вот-вот вывалится наружу. Причём размер груди был небольшой, но за счёт бюстгалтера меньшего размера, она помещалась не в чашечках, как это должно быть, а лежала поверх них.

И наши парни, глядя на всё это безобразие, разве что слюны не пускали. А я стояла и смотрела на них и не могла понять, что, собственно говоря, происходит? Они что, женского тела никогда не видели? Да, у девушки явно проблемы со вкусом, но это же не повод так себя вести!

Однако Юлька, которая никогда не отличалась тактичностью, решила исправить ситуацию. Она решительным шагом подошла к девушке и сказала:

– Вы что себе позволяете? Вы куда приехали? На пляж?

Вы находитесь в официальном учреждении и будьте добры одеваться соответствующе!

После этих слов лицо девушки, до того момента купавшейся в лучах мужского внимания и наслаждавшейся комплиментами в свой адрес, тотчас приобрело испуганное выражение. Она судорожно принялась левой рукой одёргивать юбку, пытаясь сделать её хоть немного длиннее, но ей это не удавалось. Правой рукой она прижала к груди папку с документами, которые были у неё с собой, чтобы прикрыть декольте.

А мужчины, ещё несколько секунд назад стоявшие рядом, начали потихоньку ретироваться в свои кабинеты, и лишь Миша Миронов попытался заступиться за Ярочкину.

– Юль, что ты на человека наезжаешь? Она же сюда не по личным делам приехала, а по работе!

– Вот именно! – отрезала Юля. – По работе! И на работе нужно вести себя подобающе, а не как на ночных улицах!

– Михаил Владимирович, я пойду, – пролепетала Ярочкина, отступая назад, к лифту.

– Подожди! – тут же метнулся за ней Миронов. – Тебе же ещё нужно зайти в канцелярию! Я тебя провожу! – сказал он и поспешил вслед за Ярочкиной.

А мы с Юлькой вернулись в свой кабинет. Фёдор был уже там.

– Зря ты так напустилась на Ярочкину! – принялся отчитывать он Юлю.

– А ты надеялся, что я буду терпеть это безобразие? – повысив голос, произнесла она в ответ.

– Какое же это безобразие? Очень красивая девушка!

– Красивая?! – в два голоса воскликнули мы с Юлькой.

– Да, – спокойно ответил Фёдор.

В этот момент двери нашего кабинета снова открылись и к нам зашли Алексей и Антон.

– Мы тут услышали ваш разговор, – начал Алексей.

– Да, – снова проявил активность Фёдор, почувствовав поддержку. – Юлии Владимировне не нравится манера Ярочкиной одеваться! Вот она и возмущается.

– Разве это одежда? – произнесла Юлька.

– Я согласна с Юлей, – вступила я в разговор. – Ваша любимица Ярочкина пришла в солидное учреждение с официальными документами, и потому выглядеть она должна тоже официально, а не так, словно она явилась сюда прямо с дискотеки.

– Можешь ничего не объяснять, – возразил Алексей. – Вы с Юлей просто завидуете Ярочкиной!

– Чему там завидовать? – воскликнула я, не сдержав изумления.

– Как чему? Фигуре!

– Какой фигуре? Ваша Ярочкина просто толстая, а грудь у неё маленькая! Просто она вывалила всё напоказ, а вы и рады!

– Но по крайней мере, у неё есть, что показать! – с вызо-

вом произнёс Алексей, и наши парни тут же закивали в знак согласия.

– Поверь мне на слово, нам с Юлей тоже есть что показать, но мы этого не делаем, потому что здесь мы на работе! И зарплату нам платят не за то, какой у нас размер груди, а за наши мозги!

– А разве было бы плохо, если бы вы и работали и выглядели хорошо? – произнёс Фёдор.

– А разве мы плохо выглядим? – возразила я.

– Вы выглядите скучно, – ответил Алексей.

– Так и задумано, – ответила я. – Чтобы не смущать вас и не отвлекать от работы.

– Нет, если бы вы выглядели как Ярочкина, то наша работоспособность сразу бы возросла!

– Сомневаюсь, – ответила я. – Думаю, произошло бы как раз обратное.

– Но если у девушки есть и мозги, и внешность, не нужно их скрывать! – продолжал спор Алексей.

– Всё должно быть в разумных пределах, – рассудительно ответила я. – И вообще, я считаю так: если девушка хочет делать карьеру за счёт своих внешних данных, то пусть идёт в модели или в артистки. Нечего ей сидеть в скучном офисе и соблазнять мужиков, отвлекая их от работы!

– А я всё-таки уверен, что ты завидуешь Ярочкиной! – произнёс Фёдор, причмокивая.

– Поверь, Фёдор, я совершенно не завидую Ярочкиной,

потому что у меня фигура гораздо лучше!

– Да говорить ты можешь сколько угодно, проверить-то мы не можем! – усмехнувшись, сказал Алексей.

– Не вопрос! Давайте сходим куда-нибудь всем отделом. Например, в ночной клуб, где мы сможем надеть откровенные наряды, и тогда вы сами всё увидите!

– Вряд ли это поможет, – с сомнением в голосе произнёс Фёдор.

– Да, вы просто завидуете Ярочкиной и не желаете в этом признаваться! – повторил Алексей, покидая наш кабинет.

Антон последовал за ним. За весь разговор он проронил не более пары слов, но его солидарность с остальными представителями мужской братии была очевидной.

По-видимому, парни хотели, чтобы последнее слово осталось за ними, и поспешили закончить этот разговор, хотя я могла бы ещё долго спорить на эту тему. Но в этот раз мне пришлось смириться и снова вернуться к своим бумагам, потому что именно это и было моей работой, а не споры с коллегами по поводу чьей-то внешности.

Глава 10

О ТОМ, ЧТО ИСПЫТЫВАЮТ МУЖЧИНЫ, КОГДА ИХ ЖЁНЫ ЗАРАБАТЫВАЮТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОНИ

– Ты вчера такую дискуссию пропустила, – заявила мне Юлька одним утром, когда Фёдора не было в кабинете, и я с внутренним сожалением и тупой покорностью приготовилась выслушать речь своей коллеги об очередной психологической ерунде, которая ей так нравилась.

Юлька Решетникова вообще была помешана на психологии. Она всё время читала какие-то заумные книжки и посещала различные психологические тренинги, которые всячески нам рекламировала, но никто не поддерживал её в этом вопросе. Мне, к примеру, никогда не нравилось заниматься мозгоедством, да и у остальных, думаю, тоже было чем занять свободное время. Но Юлю это не останавливало, и она продолжала вести с нами заумные беседы, при каждом удобном случае надеясь пробудить в нас страсть к психологическому анализу. Вот и сейчас стоило ей заговорить о какой-то дискуссии, инициатором которой была она сама, как я тут же подумала, что меня ждёт очередной психологический бред, являвшийся, по сути, спором ради спора.

– Когда вчера ты так спешно ускакала домой, мы немного задержались, потому что Макаров зашёл к нам в кабинет, чтобы сообщить о совещании, которое запланировано на пятницу. И я задала нашим парням вопрос о том, как они относятся к тому, что жёны зарабатывают больше их. А затем наблюдала за их реакцией.

– Хоть я и не слышала их ответов, но могу предположить, кто и что сказал, – без интереса ответила я.

– Скажи, а я сравню, – обрадовавшись, что меня удалось втянуть в разговор, предложила Юля.

– Начну с лёгкого. Алексей, вероятнее всего, сказал, что подобное положение дел его устраивает, и он не испытывает при этом никакого внутреннего дискомфорта.

– Так и есть, – кивнула Юлька. – Он сказал, что все деньги, которые они зарабатывают вместе с женой, идут в общий котёл и используются для нужд семьи, и неважно, кто и сколько туда вкладывает, так как всё идёт на общее дело.

– Другого я и не ожидала от него услышать, – произнесла я. – А в отношении Антона и Анатолия Юрьевича предположу, что они ответили, что им неловко находиться на содержании у жён.

– Почти угадала. Они ответили, что хотя их и устраивает, что жёны много зарабатывают, но им хотелось бы не отставать от них и иметь возможность тоже зарабатывать большие деньги.

– Вот видишь, – отметила я, – все ответы были предсказу-

емыми. Поэтому в твоём вопросе совершенно не было необходимости.

Но Юлька хитро улыбнулась и сказала:

– Мне интересно было наблюдать за ними. Я хотела посмотреть, как они будут это говорить. Например, Алексей совсем не смутился, а наоборот, говорил так, словно сообщает очевидные вещи. А Анатолий Юрьевич и Антон слегка засмутились, но я заметила, что никому из них не было стыдно за сложившуюся ситуацию. Каждый из них принимал это как должное. Наши мужчины привыкли, что их жёны делают карьеру, зарабатывают деньги и обеспечивают семьи, а они лишь пожинают плоды их трудов.

– В этом я с тобой полностью согласна, – ответила я, думая о своём муже, который всю семейную жизнь сидел у меня на шее.

Для меня это тоже был большой вопрос, так как мой супруг, в отличие от меня, совершенно не стремился делать карьеру и увеличивать свой заработок, и даже рождение второго ребёнка это не изменило. В этом плане его позиция была сходной с мнением Алексея Веникова, но если Алексей хоть как-то старался продвинуться вверх по карьерной лестнице, то у моего мужа не было даже таких устремлений. Его всё устраивало, но только это не устраивало меня, но, к сожалению, я совершенно не видела шансов это изменить. Поэтому я поспешила завершить эту тему, чтобы у моей коллеги не возникло искушения продолжить этот разговор, перейдя на

обсуждение моей семейной ситуации.

Глава 11, которая проходит под аккомпанемент музыки Мориса Равеля

Утром к нам в кабинет зашла Олеся – сотрудница канцелярии – и принесла документы, которые следовало вручить под роспись. А когда она ушла, Юля спросила меня:

– Катя, а ты могла бы работать в канцелярии?

Обдумывая ответ, я посмотрела в окно, чтобы собраться с мыслями. Я живо представила себе кабинет канцелярии, где на каждом рабочем столе лежат кипы различных писем, журналов и всевозможных папок. Как не зайдёшь туда, девчонки всё время занимаются регистрацией входящей и исходящей документации. Без перерыва, без разнообразия. Многочисленные цифры, даты, фамилии, названия организаций мелькают у них перед глазами. Нельзя ни отвлечься, ни ошибиться. Нельзя пропустить ни одного листочка или цифры в этом монотонном и бесконечном труде. Нельзя позволить усталости и боли в глазах сбиться со счёта. Словно нарастающее напряжение неумолимого крещендо в «Болеро» Мориса Равеля, работа в канцелярии точно также движется по кругу, усиливая натяжение нервов и эмоциональный надрыв у со-

трудников, вынужденных заниматься этим однообразным и неблагодарным трудом.

К сожалению, в моей жизни уже был опыт монотонной и рутинной работы. Ещё во время учёбы в школе в старших классах у нас был день трудового обучения. И поэтому каждый четверг мы ходили не на учебные занятия, а на работу. Причём ученикам предоставлялось право выбора трудового фронта. И большинство из моих одноклассников выбрали себе менее обременительную деятельность. А именно, работу лаборантом в медсанчасти. Работа там заключалась в том, что в течение пары часов в день крутить ватные тампоны и мыть пробирки из-под анализов. Этот труд никак не оплачивался, но и не представлял особой сложности.

Я же не могла позволить себе подобное времяпрепровождение. Родители всегда держали меня в чёрном теле, не покупая даже необходимого, поэтому мне нужны были деньги, чтобы иметь возможность не только купить себе одежду, но и приобрести книги и оплачивать курсы для поступления в институт. Поэтому во время трудового обучения я выбрала себе работу на ткацкой фабрике. Мне приходилось целую смену отстаивать у станка, чтобы заработать денег. И хотя по законодательству несовершеннолетним не положено работать так много, но наши мастера закрывали на это глаза, потому что оплата была сдельной, и наше желание заработать лишнюю копейку было всем понятно.

Я работала на фабрике не только по четвергам, но и в ка-

никулы, потому что не могла позволить себе отдыхать. Но каждый день, который мне приходилось отстаивать у станка, я проклинала всё на свете. Я ненавидела эту работу, но постоянно твердила себе, что очень скоро я окончу школу, поступлю в институт и уеду от родителей и никогда в жизни не вернусь сюда. И хотя мне, как и другим девчонкам, работавшим здесь во время трудового обучения, руководство фабрики предлагало остаться здесь работать и после окончания школы, я, конечно же, откинула подальше эту идею, потому что это – не моё. У меня мозги плавятся, когда приходится выполнять одно и то же механическое движение сотни тысяч раз в день, словно я – робот, и не иметь при этом никакой возможности заниматься умственной деятельностью. Проще удавиться, чем жить такой жизнью.

И я ответила Юльке.

– Нет, я бы никогда не смогла работать в канцелярии. Даже не представляю себе, как Олеся и другие девчонки могут там работать.

– Я бы тоже не смогла, – произнесла Юлька в ответ. – Вот поэтому мы и сидим сейчас с тобой здесь, в этом кабинете, и работаем над серьёзными документами.

А ещё через некоторое время Юлька добавила.

– Я недавно прочла одну книжку по психологии, и в ней как раз затрагивается эта тема. Там написано, что не нужно жалеть людей, которые работают на конвейере, потому что это их выбор, который они сделали, исходя из своих желаний

и способностей. И если бы этот вид деятельности им был не по душе, они давно бы его сменили.

– Но я даже представить себе не могу, как человек может выбрать себе такую профессию, причём не в качестве временного заработка, а на постоянной основе! Каждый день выполнять одну и ту же однообразную работу, не имея ни малейшей возможности что-либо изменить! Ведь от этого с ума можно сойти!

– А не нужно сравнивать себя с другими, – возразила Юля. – Не всем нужно получать высшее образование. К тому же ты забываешь, что в работе на конвейере есть один большой плюс. Там не нужно думать.

– По-моему, это не плюс, а минус, – ответила я.

– Это для тебя. Или для меня, – продолжала настаивать на своём мнении Юля. – Но не для других.

– Очень в этом сомневаюсь. Я даже представить себе не могу, кому может нравиться такая работа.

И Юлька тотчас нашла, что ответить.

– Олесе, Маше и другим девочкам из канцелярии.

Да, в этом я была с Юлей абсолютно согласна.

Глава 12

О том, что бывает, когда во всём здании нет ни одного работающего туалета

На часах было без десяти минут девять, когда я вбежала в здание Корпорации. И поскольку до начала рабочего дня оставалось немного времени, я решила первым делом забежать в туалет, чтобы потом не было необходимости спускаться с четвёртого этажа на второй. Но едва я подбежала к заветной двери, то увидела на ней листок бумаги, который кто-то прилепил скотчем. На листке было написано: «Туалет сломан».

Как любой русский человек я не поверила тому, что написано, и подёргала ручку двери, чтобы открыть её. Но мне это не удалось. Помещение женского туалета было закрыто на замок. И чтобы прояснить ситуацию, я решила заглянуть в канцелярию, которая находилась тут же, на втором этаже.

– Привет, девчонки! – выпалила я с порога, приветствуя всех сотрудниц канцелярии сразу. – Не знаете, что с туалетом случилось?

– Да там трубу прорвало, и туалет затопило. Вот его и закрыли, – ответила Маша, причёсываясь, чтобы успеть при-

вести себя в порядок до начала рабочего дня.

– И как же теперь быть? – спросила я, словно девочки из канцелярии могли решить этот вопрос.

– Не знаем, – снова ответила за всех Маша.

Я же, получив всю необходимую информацию, побежала в свой кабинет. Там я разулась, причесалась, включила компьютер и, пока техника прогревалась, снова выбежала из кабинета.

Теперь мой путь лежал на пятый этаж, где находился мужской туалет. Я подумала, что если он нормально функционирует, то можно будет воспользоваться им, попросив кого-нибудь посторожить входную дверь. Но добежав до мужского туалета, я выяснила, что он тоже закрыт на ключ.

После этого я проверила все туалеты на всех этажах и выяснила, что ни один из них не работает. Сделав это неприятное открытие, я снова вернулась на четвёртый этаж, чтобы поделиться этой новостью с коллегами. И поскольку в моём кабинете ещё никого не было, я направилась в соседний. Там уже были Алексей Веников, Лена Буроватых и Антон Ершов.

– Привет, ребята! – сказала я и без предисловий выпалила. – Представляете, все туалеты закрыты! Там трубу прорвало, и теперь нигде нет ни одного работающего туалета! Что будем делать?

– А тебе очень хочется? – спросила Лена, поднимая взгляд поверх монитора компьютера.

– Как тебе сказать, – замялась я в ответ. – Потерпеть могу,

но только недолго.

– Вот придёт Анатолий Юрьевич, нужно будет ему сказать. Пусть он решает, как нам быть, – сказала Лена. – А пока туалет не открыли, думаю, стоит поменьше пить воды.

– Да, от утреннего чая, полагаю, сегодня стоит отказаться, – поддержала я мысль Лены.

– А нам проще, – вступил в разговор Алексей. – Мы можем зайти за угол и сделать свои дела безо всяких проблем.

– Но это вы! А нам-то как быть? До вечера я точно не дотерплю, – сокрушённо произнесла я.

– Тебе к Макарову нужно подойти с этим вопросом, – ответил Веников.

– Я уже поняла, – грустно проговорила я, выходя их кабинета коллег.

Вернувшись в свой кабинет, я застала там Юлю и Фёдора и поспешила поделиться с ними неприятной новостью. И все они сошлись на том мнении, что следует дождаться начальника, чтобы он принял решение о том, как следует организовать сегодня рабочий день.

Макаров, как всегда, опаздывал. Он появился в своём кабинете лишь в начале одиннадцатого. Выждав для приличия несколько минут, я постучалась в дверь начальника.

– Анатолий Юрьевич, Вы знаете новость? Сегодня в Корпорации ни один туалет не работает! Там трубу прорвало, поэтому весь стояк перекрыли! Как нам быть? – выпалила я начальнику.

– И что? – вяло проговорил Макаров. – Я не вижу проблемы!

– Я, конечно, не знаю, как Вы, – слегка замялась я, подбирая нужные слова, – но я не смогу весь день не ходить в туалет! У меня мочевого пузыря лопнет!

– А кто говорит про весь день? Сантехников уже должны были вызвать, так что туалеты скоро починят.

– А если это случится не так скоро, как хотелось бы? – снова заинтересовалась я. – Если я не смогу дождаться?

– Если тебе очень сильно захочется, и ты не сможешь терпеть, то подойдёшь ко мне и скажешь об этом, а я отпущу тебя минут на десять-пятнадцать, чтобы ты смогла добежать до метро и там сходить в туалет.

– А если я уже хочу в туалет?

– Мещерякова, не наглай! Ещё только начало рабочего дня! До обеда ты вполне можешь потерпеть!

Меня так и подмывало сказать Макарову, что если он приходит на работу с полуторачасовым опозданием, несмотря на то, что живёт рядом со зданием Корпорации, то это не значит, что я тоже двадцать минут назад вышла из дома и потому вполне могу потерпеть с посещением туалета до начала обеденного перерыва, но сдержалась, чтобы не портить отношения с начальством.

Я вернулась к себе в кабинет, села за рабочий стол и уставилась в компьютер, надеясь прогнать мысли о желании сходить в туалет.

Другие же сотрудники нашего отдела постарались под любыми предлогами уехать из здания Корпорации. Кто-то поехал в Министерство, кто-то – в иные организации, и лишь меня, как особо ценного работника, который всегда должен быть под рукой у руководства, Макаров никуда не хотел отпускать.

Около половины первого я вышла из кабинета и пошла в канцелярию, где узнала, что всех женщин Корпорации их начальники уже отпустили домой, потому что туалеты до сих пор не починили. Воодушевлённая этой новостью, я побежала к Макарову, полагая, что он поступит точно так же, как и остальные начальники.

Я подошла к кабинету Анатолия Юрьевича и постучалась в дверь, но не услышала ответа. Тогда я снова постучала и подёргала ручку двери, но войти всё равно не смогла, потому что дверь была заперта на ключ.

Этого ещё не хватало! Неужели Макаров куда-то смылся, оставив нас одних в такой неприятной ситуации?

Я побежала обратно в свой кабинет и позвонила начальнику по местному телефону. По счастью, он взял трубку, но судя по шуму в трубке, мне предстояло говорить по громкой связи.

– Анатолий Юрьевич, это Мещерякова. Мне очень нужно в туалет, – преодолевая неловкость, произнесла я.

– Что, невтерпёж? – переспросил Макаров, и по постороннему смеху в кабинете я догадалась, что начальник был там

не один.

Да, любит наше начальство ставить своих подчинённых в неудобные ситуации!

– Да, невтерпёж! К тому же полчаса назад всех сотрудниц Корпорации отпустили домой в связи с поломкой туалета.

– Значит, у этих сотрудниц нет срочной работы. А у тебя она есть! Поэтому можешь выйти на десять минут по своим личным нуждам, а когда вернёшься, зайди ко мне и доложи о своём возвращении.

Вот так! Никакого понимания со стороны руководства! Это хорошо ещё, что у меня не наступили критические дни, и не нужно каждый час менять прокладки!

Вздыхнув, я переобулась и вышла из кабинета. Сбегав к метро, я сходила в платный туалет и вернулась обратно. А во время обеда я не стала пить чай, чтобы не накапливать в организме лишнюю жидкость. И только к четырём часам дня все туалеты в здании Корпорации снова стали нормально функционировать. Правда, к этому времени на рабочих местах почти никого не осталось, так что оценить эту радостную новость мало кто смог. И лишь я, заходя в пустую кабинку, с грустным удовлетворением поздравила себя с тем, что выдержала очередное испытание и не оконфузилась. А начальник всё-таки гад, что не позволил мне уйти домой или хотя бы отвезти какой-нибудь документ в Министерство, где туалеты всегда работают без перебоев.

Глава 13, в которой выясняется, что кое в чём мне несказанно повезло, а я об этом и не догадывалась

– Катя, скажи, а ты когда-нибудь отлёживала копчик? – неожиданно спросила меня Юлька.

– Прости, не поняла вопроса, – переспросила я, подумав, что ослышалась.

– Я спрашиваю, ты когда-нибудь отлёживала копчик? – задала прежний вопрос Юлька.

– А такое вообще возможно? – удивлённо проговорила я.

– Я раньше тоже думала, что нет. Но в прошлые выходные у меня это получилось, – сказала Юлька и после паузы добавила. – Я была дома одна и потому всё время лежала на диване и смотрела телевизор. Но к вечеру воскресенья я почувствовала, как у меня болит копчик. Поэтому пришлось встать и немного походить. И тогда я поняла, что нельзя так долго лежать.

– Ну, мне это не грозит, – махнув рукой, произнесла я. – Провести в постели целый день я могу только в том случае, если тяжело больна. Да и то, едва мне становится немного лучше, приходится вставать и делать домашние дела.

– Везёт тебе, – проговорила Юлька с иронией.

– Это уж точно, – согласно закивала я, вспомнив о том, как много мне приходится делать дома, и спокойно посидеть на одном месте я могу только здесь, на работе.

Глава 14,

в которой происходит выяснение отношений между сотрудниками нашего отдела, потому что каждый пытается отхватить себе лучший кусок пирога в виде отпуска в летний сезон

Созывает нас начальник на совещание. Вооружившись блокнотами и шариковыми ручками, мы дружно зашли в кабинет к Макарову и заняли места вокруг его стола.

– Сегодня на повестке дня у нас следующий вопрос, – объявляет Анатолий Юрьевич, и я с ужасом думаю о том, какую неприятную новость он собирается нам преподнести. – Отдел кадров требует, чтобы до конца недели наш отдел представил им график отпусков на следующий год.

Тревожное ожидание, в котором находился каждый из нас, заходя в кабинет руководства, закончилось, и теперь все, дружно придя в себя после хорошей новости, начали высказываться.

– Я три года подряд зимой отдыхала, так что теперь мне полагается отпуск летом, – заявила Юлька Решетникова.

– А мы с женой в этом году в Хорватию собрались ехать. Мне нужен июль, – сказал Антон.

Все остальные также начали высказывать свои соображения по поводу отпуска, и я ловила себя на мысли о том, что мне будет очень тяжело выбивать себе летний месяц для отпуска, хотя мои причины были более вескими и носили объективный характер. Макаров тоже понял, что таким образом собрать информацию у сотрудников ему не удастся, поэтому сказал.

– Мы решим следующим образом. Сейчас каждый выскажет своё пожелание по поводу отпуска, а затем я буду решать, кому и когда его предоставить, исходя из расчёта, чтобы в отпуске одновременно находилось не более одного человека. И первым я попрошу сказать своё мнение Михаила.

Затаив дыхание, все стали ждать ответа Миронова.

– Я хотел бы снова взять сентябрь, если, конечно, никто не против.

Все радостно закивали. Хоть сентябрь и считается временем бархатного сезона, всё же народ у нас предпочитает ездить на юг в летние месяцы. Поэтому все, безусловно, обрадовались, когда узнали, что одним кандидатом на отпуск летом стало меньше.

– Теперь я хочу выслушать Лену Буроватых, – сказал Макаров, и все повернулись в её сторону.

– Я хочу попросить декабрь, – произнесла Лена, и шумный вздох облегчения снова вырвался из наших уст.

Собственно, декабрь тоже считается очень хорошим месяцем из-за праздников. Сначала ты целый месяц гуляешь, находясь в законном отпуске, а затем ещё две недели за счёт праздников. И никто тебя в это время не трогает и к сверхурочной работе в период аврала, связанного с окончанием года, не привлекает. К тому же если ты планируешь во время отпуска поехать в какую-нибудь тропическую страну, то зимний месяц и в самом деле будет выглядеть удачным выбором. Я бы и сама с превеликим удовольствием брала себе декабрь, если бы у меня была такая возможность. Да только семейные обязательства, которыми я по неопытности и по юности связала себя, лишили меня права выбора.

– Теперь пусть скажет Катя Мещерякова, – предоставил мне слово Макаров, и я закрыла глаза, предвкушая бурную реакцию своих коллег на то, что собиралась им сообщить.

– Мне нужен отпуск в июле или в августе, – сдерживая волнение, проговорила я, и тут же гнев возмущения обрушился на мою бедную голову.

– Что она себе позволяет! – громче всех кричала Юлька. – Три года сидела дома и отдыхала, пока мы за неё работали, а теперь собирается отобрать у нас законные отпуска, которые мы зарабатывали в поте лица!

– Да, Катя, нужно быть скромнее, – высказал своё слово Миронов. – Ты недавно вышла из декретного отпуска и вполне могла бы в следующем году пойти отдыхать в каком-нибудь другом месяце. Например, в феврале. Ты должна с по-

ниманием относиться к своим коллегам.

– Вот именно, – ответила я, – с пониманием! И поэтому я надеюсь, что вы тоже войдёте в моё положение и поймёте, что я попросила себе отпуск летом не потому, что планирую поехать отдохнуть на курорт, а потому, что детский садик в это время закрыт! И мне некуда деть сына и приходится самой с ним сидеть. Поэтому в один из этих двух летних месяцев я буду сидеть с сыном, а в другой – муж. И поверьте, если бы у меня была возможность отправить ребёнка на лето к родственникам, я бы непременно этим воспользовалась, но вы прекрасно знаете, что мне неоткуда ждать помощи и приходится все проблемы решать самой! И если уж на то пошло, то эти три года, которыми вы меня сейчас попрекаете, я провела не наслаждаясь отдыхом, а занималась воспитанием сына! Выполняла, так сказать, послание Президента об увеличении рождаемости в нашей стране! И в это время никто за меня не работал! Вы работали за себя и получали за это зарплату, а я жила на государственное пособие размером пятьдесят рублей!

И хотя меня постоянно перебивали, я всё же сумела высказать все свои аргументы в надежде, что начальник их услышит. О других я даже не думала, потому что знала, что когда дело касается шкурных интересов, каждый будет тянуть одеяло на себя. И ничего с этим поделать нельзя.

Затем Макаров опросил других сотрудников нашего отдела, и все они заявили, что хотели бы пойти в отпуск летом.

А я молчала.

Я знала, как мне придётся поступить. Если Макаров, поддавшись влиянию коллектива, предоставит мне отпуск в неподходящее время, то мне придётся брать больничный и сидеть летом дома, выискивая мнимые признаки заболевания у себя и у детей. И всё потому, что я была честна со своими коллегами и надеялась, что они поймут и оценят это. Но, по-видимому, ошиблась.

Когда совещание закончилась, я вернулась на своё рабочее место и стала изучать трудовое законодательство. Я надеялась найти в нём норму, которая позволила бы мне в обход самодурства коллег воспользоваться своим правом матери на летний отдых.

Я посмотрела Трудовой кодекс, затем перешла к другим нормативным правовым актам, но единственным документом, предоставляющим право женщинам, имеющим двоих детей в возрасте до двенадцати лет, брать отпуск по своему усмотрению, было постановление ЦК КПСС от 1981 года. И хотя этот нормативный правовой акт не был отменён и не противоречил положениям действующего законодательства, а только уточнял их и, соответственно, был действующим, им вполне можно было руководствоваться, если бы не одно «но». Моей дочери было уже четырнадцать лет, и, следовательно, даже этот древний документ нельзя было применить к моей ситуации. То есть оставалось лишь уповать на сочувствие и здравомыслие начальника и коллег, которым, к со-

жалению, было абсолютно наплевать на мои семейные проблемы.

А когда я вышла в коридор, Миронов подошёл ко мне и снова начал упрекать.

– Катя, ты сегодня поступила очень некрасиво. Фактически плюнула в лицо своему коллективу, который так хорошо к тебе относится.

– И что ты называешь плевком? – через силу проговорила я, пытаюсь сдержать негодование, кипевшее у меня в душе.

– То, как ты заявила, что тебе нужен отпуск летом.

– И что? Макаров велел всем высказаться, вот я и озвучила причины, по которым мне необходим отпуск в один из летних месяцев.

– Но причины есть не только у тебя! – повышая голос, начал спорить Миронов. – У каждого из нас есть повод пойти в отпуск летом!

– Я с этим не спорю! Поэтому и считаю, что начальник должен взвесить и оценить ситуацию каждого сотрудника и решить, кому отпуск летом нужнее, а кто может отдохнуть и в другое время года.

– Легко ты рассуждаешь! Спряталась за спины своих детей и теперь требуешь всё, что тебе хочется, не считаясь с нуждами коллектива!

– Поверь мне, Миша, если бы я могла, то с удовольствием уступила бы все свои преимущества любому! Но жизнь сложилась так, что сейчас у меня нет выбора. Я обязана требо-

вать, потому что существуют объективные обстоятельства, через которые я не в силах перешагнуть. Я, что ли, закрываю летом в Москве детские сады? Или я оставляю во всём районе лишь один дежурный сад, да и тот в сорока минутах пути от нашего дома с графиком работы с десяти до четырёх? К тому же раньше, когда у меня не было детей, я брала отпуски в самые неудобные месяцы и при этом ни слова поперёк начальству не говорила. Поэтому я считаю, что те, у кого нет детей, либо они уже выросли, вполне могут проводить свои отпуска в любое другое время года, нежели летом.

– Я не согласен с тобой, – с недовольным видом покачал головой Миронов. – Могла бы решать свои семейные проблемы не за счёт коллектива.

– Если бы могла, то решила! Я даже не понимаю, на что вы все обиделись? На то, что я была с вами честна? Может быть, мне стоило подойти к начальнику по-тихому, за вашими спинами, и переговорить с ним тет-а-тет? И он бы прислушался ко мне, а вы бы ничего об этом не узнали! Ведь когда кому-то из вас что-то нужно, вы поступаете именно так! Может быть, и мне стоило последовать вашему примеру? – негодуя, ответила я.

– Катя, ты не права, – продолжал настаивать на своём Миронов, но я не стала продолжать этот бесполезный разговор и поспешила уйти прочь, чтобы в сердцах не наговорить лишнего.

Несколько дней я ходила на работу сама не своя. Колле-

ги косо на меня смотрели, словно я отобрала у них самый лучший кусок пирога, на который они все рассчитывали. А в конце недели Макаров составил и утвердил график наших отпусков, и все дразги и склоки тут же закончились, потому что все понимали, что теперь спорить и выяснять отношения бесполезно. Дело сделано, и оставалось только исполнять указания руководства. А у меня отлегло от сердца. Макаров вошёл в моё положение и предоставил мне отпуск в июле. Сам же, как всегда, запланировал свой отпуск в августе. А в июне должна была идти отдыхать Юлия Решетникова. Вот и всё. Остальных сотрудников раскидали по другим месяцам, прислушавшись лишь к пожеланиям Михаила Миронова и Лены Буроватых, которым отпуска были запланированы на то время, которое они и просили.

Глава 15

о том, что работая в одном кабинете, сотрудники становятся настолько похожими друг на друга, что постороннему человеку их просто невозможно различить

Было очередное рабочее утро. Мы с Юлей уже сидели за компьютерами, а Фёдора всё ещё не было. Может, он отсутствовал потому, что вчера начальник поручил ему какое-нибудь выездное задание, а, может, Фёдор просто заболел. Мы этого не знали, но и не спешили выяснять, так как и в том, и в другом случае Макаров должен быть осведомлён о местонахождении Игнатьева и непременно сообщит нам, когда сочтёт нужным.

Тут дверь нашего кабинета открылась, и к нам заглянула незнакомая девушка. Она внимательно посмотрела на нас с Юлей, после чего вопросительным тоном произнесла:

– Фёдор Игнатьевич?

Я даже не знала, как отреагировать на эту фразу, чтобы не обидеть девушку, но Юля в этом плане никогда не церемонилась.

– И как Вы думаете, кого из нас двух могут звать Фёдором Игнатьевичем?

– Ну, я не знаю, – тут же замялась девушка. – Просто мне сказали, что он сидит в этом кабинете.

– Да, он сидит в этом кабинете! – с вызовом проговорила Решетникова. – Но разве не видно, что сейчас его здесь нет?

– Ну, я просто хотела уточнить, – смущённо стала оправдываться девушка.

– А Вы надеялись, мы его под столом прячем? – продолжала наезжать на посетительницу Юля.

– Извините, – пробормотала девушка и быстренько скрылась за дверью.

– Видимо, мы все здесь на одно лицо, коли различить нас так трудно! – со смехом проговорила я.

– Какими же глупыми иногда бывают люди! – сказала в ответ Юля, возвращаясь к работе над своими документами.

А мне стало немного жаль девушку, так поспешно покинувшую наш кабинет. Если бы она так быстро не сбежала, я бы объяснила ей, что мы сами не в курсе, где сейчас Фёдор, и если он ей очень нужен, то можно позвонить ему на мобильный. Но сделав одну глупость, она тут же совершила вторую, не позволив ей помочь. Что ж, в таком случае мне следует брать пример с Юли и перестать переживать из-за этого. Тем более что мне было чем занять свой ум, так как документов, требующих немедленного исполнения, на моём рабочем столе скопилось немерено, и сейчас для меня это было более

актуально, чем волнения по поводу сбежавшей посетительницы, которой требовался именно Фёдор Игнатьевич, а не мы с Юлей.

Глава 16,

в которой выясняется моё истинное место жительства

Не прошло и полгода, как мне наконец-то стали поручать настоящую работу, от которой было радостно на сердце. Количество отписываемых мне жалоб со временем уменьшилось, но добавились судебные иски, чему я была только рада. С радостным воодушевлением я ездила на все судебные процессы и с ещё большим воодушевлением убегала от справок и отчётов, которые мне приходилось делать, оставаясь в Корпорации. Поэтому в те дни, когда у меня был судебный процесс, я старалась не возвращаться обратно в Корпорацию, чтобы не портить себе настроение более скучной и рутинной работой. И вот как-то вечером дочь говорит мне:

– Мама, у нас сегодня в школе предлагали пойти на экскурсию в Арбитражный суд города Москвы. И я подумала, что ты там наверняка была и сможешь рассказать мне, стоит ли туда идти.

– Понимаешь ли, дочка, я не просто там была. Я, можно сказать, там живу.

И это была чистая правда. Последние пару недель мне приходилось ездить на судебные заседания в Арбитражный суд города Москвы чуть ли не каждый день, и я проводила

там гораздо больше времени, чем на работе. Хотя, признаться, мне это было больше по душе, чем необходимость сидеть на своём рабочем месте, перебирая бумажки, при виде которых меня уже давно стало тошнить. А участие в судебных заседаниях – самая настоящая работа для юриста. Именно находясь в суде, я чувствую, что не зря получала высшее образование, которое теперь могла применить на практике. Именно там я могла общаться на одном языке с профессионалами, без опаски применяя юридические термины, будучи заранее уверена, что буду понята. Именно там я осознавала, что не зря получаю зарплату, а все остальные свои служебные обязанности я воспринимала как подоходный налог, который необходимо заплатить при любых обстоятельствах. Жаль только, что у Корпорации «Делай то, что не делают другие!» не так много интересных судебных процессов. В основном лишь однотипные арбитражные споры, в которых сложно проявить всю глубину своего ума. Но когда какой-то хитрый жалобщик идёт в суд, или же один из наших контрагентов проявляет серьёзное несогласие с политикой Корпорации и решает отстоять своё право в судебных инстанциях, я тотчас подпрыгиваю с места и, не стесняясь, бегу к руководству, чтобы забрать это мудрёное дело себе, на радость моим коллегам, которые всячески отбрыкиваются от подобных дел, как чёрт от ладана. В отличие от меня они совершенно не горят желанием ввязываться в длительные судебные тяжбы, особенно, когда мы реально виноваты.

Мне же, признаться, всё равно. Я использую законодательство, словно жонглёр, выискивая нужные нормативные положения в различных отраслях права, и могу применить одну и ту же норму в абсолютно противоположных ситуациях. Моей фишкой является способность использовать те статьи, на которых оппонент основывает свои требования, в свою пользу, утверждая, что данные законодательные положения говорят совсем о другом, что подтверждается соответствующей судебной практикой.

Когда у тебя есть необходимые знания и мозги, совсем нетрудно правильно обосновать свою точку зрения.

Я обожаю этот процесс. Но, к сожалению, не могу наслаждаться им в полной мере, потому что руководство нагружает меня и другой, более скучной работой, на которую приходится тратить все свои силы и ум, не находя им более достойного применения.

А жаль, очень жаль.

А дочери я сказала, что нет смысла ходить по коридорам Арбитражного суда, не имея возможности присутствовать на каком-либо судебном процессе. Да и присутствовать на разбирательстве арбитражного дела не так интересно, как, например, на заседании районного суда, если ты не профессиональный юрист. Поэтому лучше потратить время на какую-нибудь другую, более увлекательную экскурсию.

Глава 17, рассказывающая о том, что упасть в лужу может каждый

Мы сидим в кабинете и работаем над документами. Тут в кабинет входит Лена Буроватых и направляется к ксероксу. Я даже головы не подняла, поскольку это рутинное и будничное занятие было обычным делом, не стоящим внимания. Но Юлька, которая всегда обладала чрезмерным любопытством, по-видимому, так не считала. Она осмотрела Лену с головы до ног, словно что-то в ней могло измениться за последние несколько часов, а затем сказала:

– А утром на тебе были другие колготки.

Тон, которым была произнесена эта фраза, подразумевал под собой многое. Вероятно, Юлька желала изобличить коллегу в непристойном поведении на работе, но Лена ничуть не смутилась.

– Да, пришлось купить новые колготки, – ответила она. – И всё из-за того, что я слишком торопилась выполнить поручение Макарова. Утром он отправил меня в Министерство с документами и сказал, что это очень срочно. Вот я и бежала всю дорогу. А на улице шёл дождь, на тротуаре повсюду лужи, а я на каблуках. В итоге поскользнулась, упала, порвала колготки, сломала зонтик. Люди, которые это видели,

засмеялись, а я подумала: «Вот что бывает, когда торопишься сделать свою работу». И мне пришлось идти в магазин, покупать себе новые колготки. Нужно было, конечно, и зонтик новый купить, но у меня не было с собой столько денег. Поэтому, девочки, в следующий раз подумайте, стоит ли бежать на каблуках по лужам, торопясь исполнить поручение начальника.

Рассказав эту историю, Лена вышла из кабинета, а я задумалась над её словами. Ведь я всегда поступаю так же, как она. Когда нужно срочно что-то исполнить, то я сломя голову на десятисантиметровых каблуках бегу по эскалатору и по лестницам, перепрыгиваю через лужи, и, по счастью, ещё ни разу не навернулась. Но то, что случилось сегодня с Леной, – обычное дело. Поспешишь – людей насмешишь. Нужно сделать выводы из этого случая и перестать носиться повсюду, как ужаленная, лишь для того, чтобы иметь возможность как можно быстрее доложить начальству о выполненном поручении.

Вот Юлька, например, никогда никуда не торопится и ничего, кроме благодарностей, от начальства не получает. Вот на кого нужно равняться! И хоть, признаться, наши с Юлей отношения не всегда были безоблачными, и я бы с радостью переселилась от неё в другой кабинет, но мне было чему у неё поучиться. И я должна была взять эти её качества себе на вооружение, если не хотела загнуться на работе раньше времени.

Глава 18, **в которой происходит очередная** **дискуссия на очень важную** **тему между мужской частью** **нашего коллектива и женской**

У Антона Ершова родилась дочь, и мы весь день его поздравляли. Собрали деньги, давали советы, как лучше справиться с новорождённым ребёнком, и старались всячески воодушевить молодого папашу. К моему огромному удивлению, Антон не стал брать отпуск, чтобы помочь жене, ограничившись несколькими днями отгула. Но это было его дело, поэтому вскоре мы продолжили работать, как ни в чём не бывало. А через несколько дней в нашем коллективе произошла дискуссия на такую серьёзную тему, что заставила нас разделить два непримиримых лагеря, совершенно не желающих принять или понять противоположную точку зрения.

Утром заходит Миша Миронов в наш кабинет, где уже находились я, Юля и Фёдор, и, поздоровавшись, сообщает:
– Сегодня утром по радио я такую передачу слышал! До сих пор под впечатлением.

В этот момент в наш кабинет вошёл Антон Ершов, а сле-

дом за ним Алексей Веников. Увидев, что аудитория слушателей расширилась, Миронов тут же повысил голос, чтобы продолжить свой рассказ.

– Я тут ребятам рассказываю о радиопередаче, которую слушал сегодня в машине по дороге на работу. Выступал один священник, который говорил, что причиной демографических проблем в нашей стране являются аборты. И если бы женщины прекратили убивать своих нерождённых детей, то рождаемость в нашей стране сразу бы увеличилась в десятки раз, и это повлекло бы за собой увеличение количества трудоспособного населения и привело бы к скорейшему экономическому росту. И в качестве примера священник приводил царскую Россию, где в каждой семье было от пяти до десяти детей, и наша страна процветала. И поэтому сейчас нужно запретить аборты. И этот запрет приведёт к неминому подъёму экономики.

После этих слов Миронов торжествующим взглядом обвёл всех присутствующих, ища мгновенного одобрения. Но если в глазах мужской части нашего коллектива оно и присутствовало, то женская половина, включая меня, еле сдерживала негодующие эмоции, которые вызвала эта спорная информация.

– Что вы скажете по этому поводу? – произнёс Миронов, ожидая нашей реакции.

– Я полностью поддерживаю эту мысль, – невозмутимо произнёс Алексей Веников, а Антон лишь кивнул головой в

знак согласия.

– А вы, девушки, что скажете? – снова спросил Миронов.

Признаться, у меня имелась масса своих соображений по этому поводу, но я не решалась их высказать, потому что тема была слишком болезненной. Я боялась не сдержать эмоций и выйти из себя, поэтому решила немного помолчать. Но Юлька, как всегда, не стала молчать.

– А ты думаешь, мы, наверное, от хорошей жизни идём на такое? – сощуриив глаза, в которых таилась едва сдерживаемая ярость, сказала Решетникова. – Наверное, наши мужчины так много зарабатывают и так хорошо заботятся о нас, что мы соглашаемся на аборты лишь для того, чтобы продолжать беспечно наслаждаться своей жизнью?

– А что вас не устраивает? – едва не подпрыгнув на месте, ответил Миша Миронов. – Мы работает, отдаём вам всю зарплату, а вам этого мало! Вам, женщинам, вечно чего-то не хватает!

– Это потому, что понятие «достаток» в мужском понимании и в женском очень отличается, – повышая голос, заявила Юлька. – Вы считаете, что если в шкафу есть хотя бы один костюм и пара рубашек, то больше одежды покупать не надо. То же и в отношении еды. Если в холодильнике лежит пачка сосисок и стоит бутылка пива, то значит, он полон. Но у нас, женщин, несколько другие потребности. Нам и одежды нужно больше, и обуви, и денег на косметику и парикмахерскую. Вы же хотите, чтобы мы хорошо выглядели, хотите

иметь каждый вечер стол, полный еды, надевать утром чистые носки и поглаженные рубашки и брюки, но при этом не хотите вкладывать в это никаких денег!

– Юля, ты забыла упомянуть о том, сколько средств нужно для того, чтобы родить и вырастить хотя бы одного ребёнка! – вступила я в разговор. – Да вы, мужчины, даже не знаете, сколько упаковка памперсов стоит! Сейчас если семья решает завести ребёнка, она сразу же опускается за черту бедности!

– А зачем покупать памперсы? – продолжил спорить Миронов. – Разве в царской России были памперсы? Нет! Были пелёнки, марлевые подгузники. Вот и сейчас можно их использовать, чтобы сэкономить.

– А семь раз за ночь к ребёнку ты будешь подходить, чтобы сменить описанный подгузник? И так каждую ночь! – снова воскликнула я.

– Но раньше женщины как-то обходились без памперсов!

– Да, – негодуя произнесла я. – Но раньше женщинам не нужно было зарабатывать деньги, чтобы содержать своих мужей и детей! К тому же раньше в деревнях к детям было другое отношение. Если ребёнок плакал, то взрослые рассуждали так: поплачет-поплачет и перестанет. Ребёнок мог весь день ходить описанным и обкаканным, и никто этому не удивлялся. А сейчас если малыш пискнул, и его мамаша не сразу отреагировала на этот писк, моментально найдётся куча «доброжелателей», которые начнут упрекать её в нера-

дивости, а то и вовсе привлекут к ответственности за невыполнение своих обязанностей. Поэтому не нужно сравнивать то, что было сто лет назад и что есть сейчас!

– Вы даже не представляете, что нам приходится переживать, когда приходится принимать решение об аборте, – грустно добавила Юлька.

– Но мы же не заставляем вас его делать! – тут же возразил ей Алексей.

– Заставляете, – снова вступила в разговор я. – Заставляете тем, что перекладываете на нас всю ответственность за рождение и воспитание детей. Узнав о беременности своих подруг, вы самоустраняетесь, и поэтому нам приходится самим решать, в состоянии ли мы родить и вырастить очередного ребёнка или нет.

– А мы никогда не отказываемся вам помогать! – продолжил спорить Веников.

– Да? Что-то я не заметила! – не прекращала возмущаться я. – Даже если взять для примера всех вас. Как только в семье у каждого из вас случалось пополнение, вы тут же превращались в трудоголиков. Приходили на работу раньше всех, уходили позже всех, да ещё и выходные на работе проводили. А всё для того, чтобы не помогать жене. Да я и сама слышала, как вы между собой говорили о том, что как только у вас появлялись дети, каждый из вас переселялся в другую комнату, подальше от жены и новорождённого ребёнка.

– Да, – не стал отказываться Алексей Веников. – Но мы это

делаем лишь потому, что нам необходимо высыпаться перед работой! Хорошими же мы были бы работниками, если бы приходили сюда сонными и усталыми!

– А вашим жёнам не нужно высыпаться? – иронично глядя на своих коллег, спросила я.

– А они днём могут это сделать, – не теряясь, ответил Венников.

– Ты в этом уверен? Вот у меня двое детей, и я с полной ответственностью заявляю, что ни с первым, ни со вторым ребёнком я не могла днём ни то, что прилечь, а даже присесть!

– Но раньше женщины спокойно справлялись с десятью детьми! – снова вернулся к своей любимой теме Миронов. – Значит, и сейчас это можно делать!

– Нельзя! – рявкнула на него я. – Потому что время другое! Раньше каждая семья жила в отдельном доме, вела отдельное хозяйство, а сейчас мы вынуждены ютиться в крохотной квартирке в панельном доме, где слышимость такая, что если на первом этаже человек чихнул, на пятом ему скажут «будь здоров»! И если родители зарабатывают недостаточно денег на то, чтобы прокормить своих детей, то у них нет возможности пойти на огород, чтобы накопать картошки, а потом подоить корову. Сейчас если у тебя нет денег, значит, будешь голодать. А точнее, будете голодать все вместе, включая детей. Не говоря уже о том, что сейчас дети босиком по двору не бегают. У всех имеется обувь по сезону и

по размеру. Не то, что раньше! Так что не нужно сравнивать прежние и нынешние времена!

В этот момент к нам, привлечённый шумом, вошёл Анатолий Юрьевич, и естественно, разговор прекратился сам собой. Все разбрелись по рабочим местам, а я ещё долго не могла успокоиться.

Ох, уж эти мужчины! Удобно устроились! Заявляют о том, что аборт – плохо, а десять детей в семье – хорошо. Кто спорит? Да только почему мужчинам достаётся лишь самая лёгкая и приятная часть в деторождении, а вся остальная, тяжёлая и болезненная, нам, женщинам? И если мы не хотим увязнуть в этой нескончаемой веренице боли и нищеты, то сразу становимся плохими. А мужчины, которые независимо от количества детей продолжают жить легко и беззаботно, остаются хорошими и правильными и могут позволить себе разглагольствовать с высокой трибуны о том, что хорошо, а что плохо! Где справедливость? Нет её! Не было и не будет. Мужчины всегда будут смотреть на мир со своей колокольни и осуждать женщин за их выбор, а женщины будут страдать и оправдываться, продолжая нести свою нелёгкую ношу жены и матери, не чувствуя со стороны со своих мужей никакого понимания.

А спустя ещё несколько минут я подумала: «А что же сам Михаил? Если уж он считает себя таким поборником за справедливость, изо всех сил ратующим за улучшение демографической ситуации в стране, то почему не разрешает же-

не рожать? Она ведь хочет второго ребёнка! Но Миша думает лишь о своих жилищных условиях, а не о желаниях жены и нуждах страны! Вместо того чтобы собственным примером подтвердить свою позицию, он обвиняет женщин в их грехах, в которых мужчины виноваты не меньше, а даже больше! Как это по-мужски!»

И я решила сказать Миронову об этом чуть позже, но за работой забыла о своём решении. И в итоге все участники сегодняшней дискуссии остались при своём мнении.

Глава 19

О СЛИШКОМ ДОЛГОМ ОЖИДАНИИ

Мне необходимо было отдать подготовленные письма на подпись руководству Корпорации. И поскольку из руководителей нашего отдела присутствовал только Миронов, я направилась к нему.

Постучавшись, я вошла в кабинет. В кабинете у Миши уже был Андрей Степанов из технического отдела. Вдвоём они оживлённо обсуждали содержание какого-то документа, но, заметив моё присутствие, Миронов махнул рукой и сказал:

– Катя, проходи и садись.

Не теряя времени даром, я подошла к Мишиному столу и села на один из свободных стульев, предназначенных для посетителей.

Миронов и Степанов общались ещё, наверное, минут пятнадцать, и я терпеливо сидела и ждала, пока Михаил не освободится. И наконец-то это случилось! Забрав свои документы, Степанов ушёл, и я уже открыла рот, чтобы рассказать Миронову о тех письмах, которые необходимо просмотреть и отнести на подпись руководству Корпорации, как вдруг зазвонил городской телефон.

– Миронов. Слушаю Вас, – представился Миша абоненту,

находящемуся по другую сторону телефонного провода.

Я же закрыла рот и выдохнула, приготовившись ждать окончания телефонного разговора, который, судя по его содержанию, грозил затянуться надолго.

– О, приветствую тебя Тимофей Петрович! – обрадованным голосом произнёс Миронов, услышав в телефонной трубке голос своего знакомого.

И начался разговор за жизнь. Я слушала, как Миша Миронов вместе с Тимофеем Петровичем обсудили все свои рабочие и семейные проблемы, затем перешли к финансовой обстановке в стране и под конец договорились вместе сходить на рыбалку в ближайшие выходные. Возможно, нашлось бы ещё несколько тем для беседы, но тут у Миронова зазвонил мобильный телефон.

Миша взял аппарат в руки и взглянул на экран мобильного телефона.

– Прости, Петрович, у меня тут важный звонок по мобильному, – ответил Миша, кладя трубку городского телефона.

– Приветствую тебя, Геннадий Викторович! – услышала я новое приветствие, адресованное очередному знакомому Миронова, и поняла, что моё ожидание снова затягивается.

И снова всё пошло по кругу. Телефонный разговор Миши Миронова со своим знакомым Геннадием Викторовичем начался с обсуждения рабочих и семейных проблем, потом перешёл к финансовой обстановке в стране, после чего они

коснулись темы рыбалки, на которую неплохо было бы сходить вместе с Тимофеем Петровичем.

А тем временем моё терпение иссякло, а мозг закипел от вынужденного безделья, в то время как у меня на рабочем столе лежал ещё целый ряд неисполненных документов, но к которым я не могла вернуться из-за того, что моему начальнику не терпелось пообщаться со своими многочисленными знакомыми в течение рабочего дня. Поэтому я решила предпринять ход конём.

Вынув из кармана пиджака свой мобильный телефон, я тихонько положила его на колени и набрала номер городского телефона Миронова. Через несколько секунд раздалась очередная трель телефонного аппарата.

– Викторovich, одну секунду, – тут же сказал Миша Миронов своему собеседнику, после чего снял трубку городского телефона. – Минуту подождите, – произнёс он в трубку и положил её на стол, чтобы успеть завершить свой разговор с Геннадием Викторovichем.

Я же мигом нажала на кнопку своего мобильного, чтобы сбросить компрометирующий звонок, и обрадованно улыбнулась. Моя хитрость удалась, и теперь Миша сможет, наконец-то, приступить к рассмотрению писем, которые я ему принесла.

– Викторovich, меня тут уже ищут. Но мы с тобой договорились. В ближайшие выходные пойдём вместе с Петровичем на рыбалку и там уже нормально пообщаемся. Рад был

слышать тебя. До встречи!

После этого Миша положил на стол свой смартфон и взял в руки трубку городского телефона.

– Миронов. Слушаю Вас, – произнёс он, но услышал в трубке лишь гудки. – Не дождались, – добавил он, кладя трубку на место. – Ладно. Ну что там у тебя? – наконец-то проговорил Миронов, поворачиваясь ко мне.

– Миша, у меня тут письма, которые нужно отнести руководству на подпись. Все письма срочные, поэтому посмотри их, пожалуйста, прямо сейчас.

Но договорить я не успела, потому что дверь кабинета открылась и в проёме показалась Лена Буроватых.

– Что у тебя, Лена? – подсакивая с места, произнёс Миронов, мгновенно забыв о моём существовании.

– Я целый день пытаюсь подготовить таблицу разногласий для встречи с представителями Министерства, и у меня не получается. Может быть, ты посмотришь? – ленивым голосом ответила Лена, проходя в кабинет и присаживаясь на свободный стул.

– Да, конечно. Тебе стоило прийти ко мне раньше, чтобы я мог помочь тебе, – тут же проговорил Миронов, забирая из рук Лены листы бумаги.

– Миша, а как же мои письма? Они срочные! – подсакивая со стула, воскликнула я, пытаюсь снова привлечь к себе внимание Миронова, но тщетно.

Складывалось впечатление, что на меня внезапно накинута

ли плащ-невидимку, потому что ни Миронов, ни Буроватых меня не замечали. Или делали вид, что не замечают. Они начали обсуждать документ, который Лене необходимо было подготовить, совершенно игнорируя моё присутствие.

– Миша, я уже целый час здесь сижу! У меня срочные документы, и я была первой! – продолжала голосить я, размахивая своими письмами, но бесполезно.

Миша и Лена продолжали делать вид, что меня нет в этой комнате, обсуждая свои вопросы.

Я подскакивала на месте, топала ногами до тех пор, пока Миронов не сказал:

– Катя, ты можешь успокоиться? Разве не видишь, мы с Леной обсуждаем важные вопросы. Посиди и подожди своей очереди.

– Но сейчас моя очередь, а не Лены! – воскликнула я, но, видимо, плащ-невидимка снова накрыл меня с головы до ног, потому что мои коллеги перестали замечать меня.

Я опустилась на стул, не зная, куда деть себя от досады. И стоило мне хитрить с телефоном, если всё равно Миша переключил всё своё внимание на Лену!

Я сидела, пытая от негодования, наверное, ещё полчаса. И, возможно, мне пришлось бы делать это ещё дольше, но тут в кабинет зашёл Алексей Веников, а за ним Пётр Лаушкин из аналитического отдела. И такое большое количество личного состава в своём кабинете Миронов вытерпеть уже не мог. Волей-неволей ему пришлось завершить общение с

Леной и начать рассматривать мои письма, а также другие документы, которые принесли ему Веников и Лаушкин.

А я сделала для себя вывод, что Миша Миронов, при всех своих положительных качествах, совершенно не умеет правильно распределять рабочее время. Как своё, так и остальных сотрудников, потому что имеет неверные приоритеты. Те, сотрудники, чьи интересы должны быть у него на первом месте, а именно весь наш юридический отдел, и кому он в первую очередь должен уделять своё время, получают его по остаточному принципу, в урывках между его личными разговорами и помощью сотрудникам других отделов Корпорации. Исключение составляет лишь Лена Буроватых, ради которой Миша готов пожертвовать всем и вся и часто сам готовит вместо неё все документы, лишь бы увидеть во взгляде Лены хоть проблеск одобрения. Но она не балует Миронова своим вниманием и воспринимает как должное все его потуги стать для неё хорошим парнем.

И беда всей этой неприглядной ситуации состоит в том, что весь наш юридический отдел (исключая опять же Лену Буроватых) стал заложником Мишиного непрофессионализма как руководителя. Нам приходится терять кучу времени и постоянно задерживаться на работе из-за того, что, видите ли, Миронову хочется произвести положительное впечатление на всех своих знакомых, а также на другие отделы Корпорации, включая девушку своей мечты, чтобы они видели, какой он отзывчивый и безотказный. Тогда как те люди, от-

ветственность за которых он обязан нести по долгу службы, вынуждены страдать и терпеть всю эту показуху, не имея возможности что-либо изменить.

Глава 20

О том, как неудачно купленные туфли могут лишиться девушку личной жизни

Переобуваясь утром в туфли, я с сожалением посмотрела на их стёртые мысы и со вздохом сказала:

– Пора покупать новые туфли!

Услышав это горестное восклицание, Юля вторила мне:

– Я тоже в последние дни думаю об этом. Вроде бы хожу в этих туфлях лишь в помещении, а всё равно появляются царапины! Вон каблук как ободрался!

– Я о том же! – согласилась я с Юлей. – Как бы я не берегла свою обувь, она всё равно приходит в негодность и гораздо быстрее, чем этого бы хотелось!

В общем, посокрушались мы с Юлей и занялись работой. А вечером по дороге домой я зашла в сетевой обувной магазин и купила себе неплохие кожаные туфли с хорошей скидкой, заплатив за них 2 999 рублей. А утром следующего дня я пришла на работу со своей обновкой, в которую сразу же переобулась и принялась хвалиться перед Юлей.

– Смотри, какие туфли я себе вчера отхватила! – сказала я ей.

– Я тоже с обновкой! – сообщила мне Юля, показывая на свои ноги.

Она тоже была в новых чёрных кожаных туфлях, которые смотрелись даже более стильно, чем мои.

– За девять тысяч вчера купила, – добавила Юля. – В том магазине, который мы проходим, когда идём в метро.

– А почему ты не купила туфли где-нибудь поближе к дому? – удивилась я. – Уверена, что там есть какой-нибудь приличный обувной магазин, где цены гораздо ниже, чем в центре!

– А зачем? – невозмутимым голосом проговорила Юля. – Зачем я буду искать магазин на окраине, когда на свою зарплату я вполне могу позволить себе покупать обувь в центре города?

– Но зачем переплачивать? – сказала я, для которой постоянная экономия давно уже стала образом жизни. – А на разницу в цене ты можешь купить себе ещё что-нибудь!

– Но это у тебя дети каждый день есть просят! А я могу тратить деньги так, как захочу! – сказала Юля.

Что ж, с этим не поспоришь! И я хотела уже прекратить этот разговор, но Юля добавила:

– Красивые эти туфли, да только натирают так, что без пластыря в них ходить невозможно!

– А мои вроде не натирают! – сообщила в свою очередь я, радуясь тому, что мои недорогие туфли оказались более комфортными, чем дорогие туфли моей коллеги.

Но на этом история с нашими туфлями не закончилась. Буквально на следующий день Юля сообщила мне продолжение тех неудобств, которые ей пришлось пережить из-за своей обновки.

– Знаешь, – принялась она рассказывать мне, – вчера у меня было свидание.

– Поздравляю! – тут же ответила я.

– Не с чем! – горько сказала Юля. – Потому что оно ничем не закончилось.

– Что ж так? Парень не понравился?

– В том-то и дело, что понравился! И я была даже не прочь продолжить знакомство с ним гораздо ближе, но когда я пришла к нему домой и разулась, то поглядела на свои пятки. А они, представляешь, чёрные! Туфли, оказывается, красятся! Какой может быть интим с чёрными пятками? В итоге, посидели мы с ним, поговорили, выпили чаю, и я пошла домой!

– Может, тебе стоило попроситься в душ? – деликатно предложила я.

– Какой душ? Да мои пятки пемзой оттирать нужно было! – горестно сообщила Юля.

– Ну, может в следующий раз? – вежливо предположила я.

– Сомневаюсь! – со вздохом проговорила Юля, а я в очередной раз порадовалась тому, что стремление к экономии сыграло мне на руку. Ведь я не только сэкономила свои деньги, но и сделала удачную покупку. Мне не нужно было разносить свои туфли, обклеивая всю ногу пластырем. Я просто

надела их и пошла. Они не красили мои пятки, как у Юли, и не доставляли никаких других неудобств. А извечная погоня некоторых людей за брендом и желанием продемонстрировать свой финансовый достаток порой оборачиваются боком для них же самых, лишая их тех возможностей, которые они упустили, отказавшись снизить планку для своих амбиций.

Глава 21

о том, как все девушки нашего отдела получают неожиданные подарки, но не все им рады

Прихожу я утром на работу и вижу на своём рабочем столе шоколадку. И хотя это был всего лишь пятидесятиграммовый батончик «Бабаевский», мне стало жутко приятно.

Я взглянула на календарь и увидела, что сегодня – 14 февраля – День святого Валентина.

«Вау, – мелькнуло у меня в голове. – У меня появился тайный поклонник! Кто же это мог быть?» И я посмотрела на Юльку, которая не отрывала взгляд от компьютера. Я не решилась спросить её о том, кто заходил в наш кабинет до моего прихода. Пусть лучше это останется тайной. Так интереснее.

Моё настроение сразу улучшилось, и, переобувшись, я присела за стол, чтобы включить компьютер и приготовить своё рабочее место к началу трудового дня.

И тут к нам в кабинет влетела Лена Буроватых.

– Девчонки, Миша вам тоже по шоколадке подарил? – с ходу спросила она, раскрывая тайну незнакомца-поклонника.

– Да, – кивнули мы с Юлькой.

И лёгкое сожаление тронуло мою душу. Вместо загадочной интриги, позволявшей помечтать и вообразить себя желанной, всё свелось к обычному знаку внимания со стороны коллеги. Но что хуже этого, я сразу же поняла, почему Миша так поступил. Ему хотелось поздравить лишь одного человека – Лену. Но если бы он это сделал, то Лена не только бы не приняла его подарок, но и подняла бы Михаила на смех. А так он поступил разумно. Подарив по небольшому сувениру всем девушкам отдела, Миша достиг своей цели – поздравил Лену, но и не вызвал при этом никаких подозрений. Так что я получила этот небольшой подарок всего лишь за компанию с более удачливой в любви сотрудницей нашего отдела. И это, с одной стороны, огорчало, а с другой, радовало тем, что хоть таким нехитрым образом мне удалось добиться мужского внимания со стороны своего коллеги.

– Не знаю, как вас, а меня взбесил этот Мишин поступок! – отчего-то начала возмущаться Лена. – Я снова почувствовала себя школьницей, когда на 8 марта мальчишки оставляли нам на партах шоколадки!

– А что в этом плохого? – спросила Юлька.

– Да! – вступила в разговор я. – Шоколадка – хороший подарок, и я сегодня очень обрадовалась, увидев её у себя на столе.

– И я обрадовалась, – сказала Юлька. – Лена, тебе не угодишь! Миша хотел нам всем поднять настроение, а ты опять

чем-то недовольна!

– Если он хотел нас порадовать, то ему следовало поступить по-другому! – продолжила Лена свои нападки на Мишу.

– А как он должен был поступить? Подарить тебе французские духи? Или серьги с бриллиантами? – начала заступаться за Миронова Юлька. – Не забывай, у него жена и ребёнок! И он должен тратить свою зарплату на них, а не на нас!

– Какая ты вредная, Юлька! – со злостью ответила Лена и, хлопнув дверью, выскочила прочь.

На какое-то время в нашем кабинете воцарилась пауза, которая грозила затянуться, оставив нас с Юлькой наедине со своими мыслями, поэтому я произнесла вслух:

– Не знаю, чем Лена недовольна. Может, ей не нравится этот вид шоколада? А я, наоборот, люблю такие батончики.

– И я люблю, – согласилась Юлька. – Нужно будет подойти к Мише и поблагодарить его за подарки.

– Да, ты права. Нужно будет это сделать, – произнесла я и чуть позже зашла в кабинет к Мише Миронову, чтобы сказать ему «спасибо».

– Я рад, Катя, что тебе понравилось, – обрадованно произнёс Михаил, когда услышал мою благодарность. – А Лена не оценила мой подарок. А ведь я просто хотел сделать вам приятное!

– И у тебя получилось! – поддержала я Мишу. – Мы с

Юлей очень обрадовались твоим подаркам! К тому же я люблю шоколадные батончики.

– Я рад, что смог угодить вам, – с грустью в глазах произнёс Миша, которому, видно, уже досталось от Лены, которую раздражали любые знаки внимания со стороны Миронова.

Что ж, она сама в этом виновата. Сначала из кожи вон лезла, чтобы заинтересовать Михаила, используя для этого все свои выдающиеся внешние данные, а затем, когда он по уши влюбился в неё, принялась всячески унижать его, словно наказывая за любовь.

И мне было жаль Мишу. Но я не могла вырвать эту запретную любовь из его сердца, поэтому оставалось только ждать, пока он сам не осознает свою ошибку и не перестанет страдать от неразделённых чувств.

Глава 22, которая в очередной раз доказывает, что слово – не воробей, и необходимо быть осторожным в своих высказываниях

Утром я по привычке зашла в соседний кабинет, чтобы поздороваться со своими товарищами. Там уже находились Миша Миронов, Лена Буроватых и Алексей Веников. Заметив нового слушателя, Миронов тут же поспешил поделиться свежими новостями.

– Катя, ты вчера такое шоу пропустила!

Вчера я была в суде, который затянулся до позднего вечера, и потому я не стала возвращаться на работу и пропустила кое-что интересное, что произошло в нашем коллективе.

– Мы с Леной поспорили на желание, – продолжил тем временем Михаил.

А уж о том, каким являлось его желание, несложно было догадаться. Поэтому я даже не поинтересовалась предметом спора, а сразу же спросила о его результатах.

– И кто же выиграл?

– Лена, – ответил Михаил.

– И что же тебе пришлось сделать? – поинтересовалась я, предвкушая нечто весьма пикантное.

– Я предложила Мише пройти по этажу руководства с воздушным шариком в руках, – вступила в разговор Лена. – Я же не зверь какой-нибудь, чтобы предлагать Мише делать что-то непристойное или заставлять его покупать мне что-то дорогое. Всё же у него семья!

– А зачем ты предложила Мише пройти по коридору с воздушным шариком? – недоумевая о причине столь странного желания, спросила я.

– Чтобы было весело! – ответила Лена, и довольная улыбка появилась у неё на лице.

– А я подумала для того, чтобы Мишу уволили, – в сердцах произнесла я, чувствуя обиду за своего доверчивого коллегу, которого влюблённость явно не доведёт до добра. – Но, полагаю, вчера Мише повезло, и в тот момент все руководители Корпорации сидели в своих кабинетах, плотно прикрыв двери.

– Да, – не замечая сарказма в моём голосе, подтвердил Миронов.

– Но можно было бы поступить проще, – продолжил логическую цепочку Алексей. – Нужно было дождаться окончания рабочего дня, и потом, когда все разошлись бы по домам, можно было бы спокойно разгуливать по коридорам Корпорации хоть с дюжиной шариков в руках.

– Нет, я всегда поступаю честно! – с гордостью заявил Миронов, бравлируя своим поступком.

Хотя, думаю, предметом его гордости был не сам поход по этажу руководства с воздушным шариком в руках, а факт проигрыша Лене, и, как следствие этого, возможность доставить удовольствие понравившейся девушке.

– Я бы никогда так не поступила! Ходить по этажу руководства с воздушным шариком в руках – что может быть нелепее! – сказала я и поспешила покинуть своих коллег, пока они находились в благодушном настроении, и мне не пришлось стать свидетелем очередного выяснения отношений между Мишей и Леной, которые в последнее время стали случаться всё чаще и чаще.

По этому поводу Юлия всё время твердила, что «скандал – заменитель секса». Но я старалась не думать об этом и не влезать во взаимоотношения своих коллег, тем более что история с воздушными шариками имела очень неожиданное продолжение. Как говорится, никогда не говори «никогда».

Приближался праздник 8 марта. И обычно к этой дате в Министерстве прогрессивных идей всегда организовывался праздничный концерт, на который сложно было попасть, если приглашались хорошие артисты, потому что в этом случае руководители всех уровней оставляли пригласительные билеты себе. Но если на концерте планировалось лишь выступление представителей местной самодеятельности, то, конечно же, пригласительные билеты раздавались всем желаю-

щим. Именно поэтому я не ходила на подобные мероприятия. И когда мне предложили два билета на предстоящий концерт, я хотела отказаться. Но когда вечером я сообщила эту новость дочери, она стала меня уговаривать.

– Мама, я никогда не была в настоящем Министерстве! Мне так хочется там побывать!

– Но ведь ты не сможешь увидеть там ничего, кроме концертного зала и туалета! – принялась я отговаривать дочь.

– Ну и что! Давай пойдём! А если концерт будет скучным, то мы сразу же уйдём! – продолжала настаивать дочь, и, разумеется, я не могла отказать ей в такой просьбе.

Получив в отделе кадров два пригласительных билета, в назначенный день мы с ней поехали в Министерство прогрессивных идей.

Как и положено, мы с дочерью приехали на концерт с солидным временным запасом, чтобы иметь возможность занять хорошие места в зале, но на этот раз нам это не удалось. Почему-то входные двери в зал были закрыты, а возле них уже стояла толпа народу. Мы, конечно же, пристроились рядом и простояли в очереди целый час. А когда двери открыли, мы с дочерью влетели в зал, но оказалось, что свободных мест уже нет.

В огромном зрительном зале было полно народу, который просочился сюда, по-видимому, со служебного входа. И даже те места, которые ещё были на первый взгляд свободными, оказались занятыми. В итоге, мне удалось пристроить дочь

на седьмом ряду на крайнее место слева, сама же я осталась стоять рядом.

– Мы долго здесь не пробудем, – сообщила я дочери, чтобы она не переживала по поводу того, что маме придётся смотреть выступления артистов стоя. – Час, максимум полтора. А затем поедем домой.

Но в этот момент ко мне подбежала Виолетта Смирнова – девушка из секретариата, которая также работала в нашей Корпорации.

– Катя, что ты здесь стоишь? Тебе места не хватило? – спросила она меня.

– Да, – подтвердила я, удивляясь, как в таком скоплении народу Виолетта смогла разглядеть меня. – Вот, дочку усадила, а самой места не хватило, хотя мы пришли заранее.

– Пойдём со мной, – тут же предложила Виолетта. – Рядом со мной есть свободное место.

И я пошла за Виолеттой на другой конец зала, где сейчас сидела её мама.

Я познакомилась с мамой Виолетты и, поблагодарив их обеих за помощь, присела на свободное место. А между тем народу в зрительном зале было так много, что большинство людей стояло в проходах между рядами, что казалось мне крайне непривычным и подозрительным. А вскоре начался концерт.

Вначале, как обычно, выступали артисты из местной самодеятельности, и я стала подумывать о том, что следует как-

нибудь сигнализировать дочери о том, что ей необходимо потихоньку пробираться к выходу. Но затем на сцене начали появляться известные артисты, и я решила повременить с уходом.

А тем временем концерт становился всё интереснее и интереснее. Зрители беспрестанно аплодировали и танцевали в проходах. Но мне не хотелось задерживаться, и я решила отправить дочери сообщение на телефон, чтобы она направилась к выходу из зала, где я бы с ней встретилась, потому что дойти до неё через зал у меня не было никакой возможности – так много было в зале народу. И единственным способом дойти до дочери являлась возможность пройти вдоль сцены на виду у всего зала и артистов. Но я не могла решиться на такую беспрецедентную акцию, поэтому решила связаться с дочерью по телефону, но сделать это мне не удалось, так как внезапно я обнаружила, что телефон разрядился. И стало очевидно, что нам с дочерью придётся сидеть на своих местах до окончания концерта, и только потом я смогу подойти к ней.

И в этот момент ведущая объявляет:

– А сейчас перед вами выступит Bosson.

Я подумала, что ослышалась, и остальные зрители, видимо, тоже, потому что аплодисментов не последовало. Все сидели, выжидаяще глядя на сцену. И тут звуки знакомой мелодии заставили меня вздрогнуть. Несмотря на отсутствие музыкального образования, у меня абсолютный слух. Я все-

гда узнаю ранее услышанную мелодию с первых аккордов. И здесь я не могла ошибиться. Это был он – Bosson! Известный шведский певец и моя тайная любовь, которую я скрывала ото всех. И когда он вышел на сцену, я уже не могла сдерживать своих чувств. Я рыдала.

Bosson исполнял песню «One in a Million», которая хорошо всем известна по кинофильму «Мисс конгениальность». Когда я впервые услышала эту песню, то меня охватили какие-то странные чувства. Будто с этой песней у меня что-то связано, но только не могла понять, что. И каждый раз, когда я слышала её снова, меня охватывал трепет, и я пыталась понять, догадаться, почему так происходит. И вот теперь всё стало ясно.

Песня «One in a Million» предвещала мою встречу с её автором и исполнителем, выступающим под именем Bosson. И она должна была состояться во что бы то ни стало. Именно поэтому дочь уговорила меня пойти на этот концерт, а в отделе кадров остались два свободных пригласительных билета. Именно поэтому мы сидели с дочерью на разных местах в разных концах зрительного зала. Именно поэтому разрядился мой мобильный телефон, чтобы я не ушла раньше времени и могла дождаться этого выступления.

Бог знал это, а я – нет. И он вёл меня по этому извилистому пути, чтобы в конце его вручить свой дар, который превзошёл все мои самые дерзкие мечтания. И сейчас я сидела в зрительном зале, слушала слова любимой песни и рыдала.

А когда начался припев, сотни воздушных шариков посыпались с потолка прямо в зрительный зал.

Bosson же не стоял на месте. Он спустился в зрительный зал и пошёл в мою сторону. Дошёл до моего ряда и посмотрел в мою сторону. Наверное, нужно было встать и взять у него автограф или попросить Виолетту сфотографировать меня с ним, но в тот момент мои эмоции били через край, и я была не в состоянии что-либо делать. Я смотрела на этого красавца, который был в двух шагах от меня и пел мне, и слёзы счастья текли у меня из глаз.

Но тут какая-то прыткая девица, сидевшая передо мной, подскочила с места и начала танцевать прямо перед моим красавцем. А тот переключил своё внимание на длинноногую вертихвостку и продолжал петь, глядя на неё.

Что ж, этого и следовало ожидать.

Закончив петь «One in a Million», Bosson исполнил «I believe» и «Efharisto», после чего концерт закончился, и я смогла подняться с места и, попрощавшись с Виолеттой, подойти к дочери.

– Мама, давай возьмём шарик для брата. Он обрадуется! – предложила дочь, показывая на сотни разноцветных шариков, оставшихся лежать на полу зрительного зала.

– Давай, – согласилась я, подумав, что это неплохая идея.

Правда, мы решили не ограничиваться одним шариком, а взяли целых пять. Всё равно уборщицы завтра их выкинут, а так у моего ребёнка появится повод порадоваться неболь-

шому сувениру от мамы.

И, держа в руках шарики, мы вышли из зрительного зала.

– Нужно сходить в туалет перед дорогой, – предложила я дочери, и она согласилась.

Но когда мы подошли к туалету, располагавшемуся на первом этаже, то увидели там такую очередь, что, пожалуй, было бы быстрее доехать до дома, чем ждать своей возможности справить нужду здесь.

Тогда я взяла дочь за руку и направилась к лестнице. Мы поднялись на второй этаж, но и там была огромная очередь в туалет.

И тут у меня мелькнула идея. Я вспомнила, где находится туалет, в который никогда не бывает очереди. На этаже руководства Министерства! Туда вёл специальный лифт, оставившийся только на четвёртом этаже, и именно туда я повела свою дочь.

И вот держа в руке охапку воздушных шариков, мы шли по этажу руководства Министерства прогрессивных идей в поисках женского туалета, который, как нарочно, располагался в самом дальнем конце коридора.

Кругом были установлены видеокamеры, но в тот момент мне было всё равно, что могли подумать о нас охранники. Я вела своего ребёнка в туалет, а остальное меня не беспокоило.

И тут я вспомнила историю про Мишу Миронова, который ходил с воздушным шариком в руках по этажу руковод-

ства нашей Корпорации. Да, в этот раз я его явно переплюнула! В отличие от своего коллеги я не стала мелочиться, расхаживая с одним единственным шариком по коридору какой-то Корпорации! Я прошла под прицелом множества видеокамер по этажу руководства Министерства прогрессивных идей с охапкой воздушных шариков, словно для меня это было абсолютно привычным делом.

Да, не стоило мне зарекаться, что я никогда бы так не поступила!

А на следующий день на работе мои дорогие коллеги стали интересоваться тем, понравился ли мне праздничный концерт. В ответ я сказала им лишь одну фразу:

– Я рыдала.

– Неужели всё было так плохо? – спрашивали меня.

– Наоборот, – ответила я и рассказала им историю про свою тайную любовь по имени Bosson, который вчера пел для меня и даже каким-то чудом подошёл ко мне во время своего выступления.

– Ты его своими флюидами привлекла, – резюмировал Антон, услышав мой эмоциональный рассказ.

– Пожалуй, ты прав, – ответила я, снова погружаясь в приятные воспоминания.

Глава 23, в которой рассказывается о том, что даже ожидаемые подарки могут принести лишь разочарование

Когда до 8 марта оставалась лишь неделя, Миша Миронов, столкнувшись со мной в коридоре, отозвал меня в сторонку для беседы. Мы пошли на лестничный пролёт, где редко кто ходил, так как все остальные предпочитали пользоваться лифтом.

– Катя, мне нужно конфиденциально с тобой поговорить, – серьёзным голосом произнёс он, и я подумала, что мне предстоит стать свидетелем чьей-то тайны.

– Конечно, Миша, – ответила я.

– Я обращаюсь к тебе за советом как к женщине, – продолжил Миронов, и я отметила про себя, что мои предположения подтверждаются. – Я знаю, что ты никому не проболтаешься, поэтому хочу спросить тебя прямо. Что вам подарить на 8 марта? Праздник уже на носу, а мы никак не можем прийти к согласию, какой подарок для вас выбрать.

Да, не такое признание я ожидала услышать! Что ж, по крайней мере, мужская часть нашего коллектива мне дове-

ряет и обращается за советом, а это уже неплохо. Вопрос был лишь в том, помогут ли нашим мужчинам определиться с подарками мои пожелания?

– Миша, ты правильно сделал, что подошёл ко мне, – издалека начала я ответ, пытаюсь выиграть несколько секунд, чтобы собраться с мыслями. – Когда я не знаю, что подарить подруге, то звоню и прямо спрашиваю о том, что ей нужно, потому что бесполезный подарок – это не только пустая трата денег, но и испорченное настроение виновника торжества.

Я говорила, одновременно стараясь придумать какой-нибудь подарок, который понравился бы и мне, и Юльке, и Лене, но чтобы его цена была разумной, но в то же время, если бы наши мальчишки захотели нас побаловать, то смогли бы купить эту вещь и в более дорогом варианте. Однако прямо спросить у Миши сумму, которую они собирались потратить, я не решилась. Но внезапно мне пришла в голову отличная идея.

– Зеркальце! Вот что нужно! – обрадованно произнесла я. – Понимаешь, Миша, компактное зеркальце должно быть с собой у каждой женщины. Эта вещь нужна всегда и никогда не бывает лишней. У меня, например, в каждой сумочке лежит зеркальце и расчёска. А поскольку количество сумочек имеет свойство со временем увеличиваться, то запасное зеркальце было бы весьма кстати.

– Какой хороший совет! – задумчиво произнёс Михаил. – Нужно будет сообщить нашим мужикам. Думаю, все согла-

сятя, что это будет лучшим подарком вам на праздник.

Поблагодарив меня, Миша пошёл на своё рабочее место, а я на своё. И я села за рабочий стол с чувством исполненного долга.

Хорошо, что Миша обратился за советом ко мне, и хорошо, что я смогла придумать нужный и симпатичный подарок. Это избавит меня и остальных девчонок от неприятного сюрприза, который мог бы произойти, если бы наши мальчики потратили деньги на какой-нибудь бесполезный сувенир.

И я стала ждать праздника, заранее предвкушая хороший подарок. Ведь выбирая зеркальце, практически невозможно ошибиться. Например, я сама видела в переходе метро очень неплохие компактные зеркала всего лишь по двести-триста рублей за штуку. А за более крупную сумму можно купить совсем роскошные экземпляры.

И когда настал долгожданный день, мы пришли на работу в своих нарядных платьях, с маникюром и причёсками, надеясь, что мужская часть нашего коллектива оценит это своими комплиментами и подарками. И начальник не заставил нас долго ждать и сразу же позвал всех к себе в кабинет.

Миша Миронов, Антон Ершов, Алексей Веников и Фёдор Игнатов тоже зашли вслед за нами в кабинет Макарова. Настроение у всех было приподнятое.

– Дорогие девушки! – начал свою речь Анатолий Юрьевич. – Поздравляем вас с Международным женским днём! Оставайтесь всегда такими же красивыми и юными и радуй-

те нас своими улыбками!

– Спасибо! – наперебой ответили мы, то есть я, Юля и Лена.

– А теперь мы хотели бы вручить вам наши скромные подарки, – продолжил Анатолий Юрьевич, и наши мальчишки вручили нам по маленькой картонной коробочке.

Затем Миша Миронов подошёл к каждой из нас, раздавая по скромному букетику жёлтых тюльпанов, которые из-под стола передал ему Макаров.

Поблагодарив за поздравления, мы дружно разошлись по рабочим местам, чтобы открыть свои подарки и ещё сильнее порадоваться.

И хотя по инерции я продолжала улыбаться, смутные предчувствия охватили меня.

Вручённые нам коробочки были уж чересчур скромными. Даже когда я покупала для дочери в магазине небольшое зеркальце за двести рублей, то его упаковка была и то приличнее. А здесь был обычный картон серо-коричневого цвета, который грозил развалиться прямо в руках. И это совершенно не внушало оптимизма. Не говоря уже о букетиках подаренных нам тюльпанов, которые сейчас продаются во всех сетевых магазинах за гроши. Но я до последнего момента надеялась, что упаковка – ещё не подарок. Однако мои сомнения тут же рассеялись, когда присев за рабочий стол, я открыла картонную коробку.

Просто не представляю себе, как можно было испортить

такой простой подарок, как компактное зеркальце, но нашим парням это удалось. Более безвкусной и дешёвой вещи я не видела никогда. Мне даже на ум не могло прийти место, где в современном мегаполисе можно было купить такое безобразие.

В картонной коробке лежало круглое зеркальце, украшенное чересчур яркими стразами, составляющими такой хаотичный и бездарный узор, что создавалось впечатление, что его составляла маленькая девочка ясельного возраста для себя или для своих ровесниц. Признаться, мне было бы стыдно доставать такое зеркальце на людях, если бы возникла необходимость поправить причёску или макияж.

И тогда я взглянула на Юлю Решетникову. На её лице было точно такое же ошарашенное выражение, как и у меня.

– Можно посмотреть, что тебе подарили? – спросила я коллегу.

– Да, – медленно произнесла Юлька, не скрывая недовольства. – Погляди.

Я поднялась со стула и подошла к её рабочему столу и увидела, что Юле подарили точно такое же ужасное зеркальце, как и мне.

– Даже не знаю, что теперь с этим безобразием делать, – произнесла я вслух, возвращаясь на место. – Выкинуть что ли? Потому что передарить это кому-нибудь у меня рука не поднимется.

– Я о том же сейчас подумала, – сквозь зубы процедила

Юлька.

И в этот момент в наш кабинет впорхнула Лена. Глаза её сияли, а на лице играла улыбка.

– Девчонки, а вам что подарили? У меня такое классное зеркальце! Как они угадали, что именно такое мне и нужно?

– Покажи! – в один голос произнесли мы с Юлькой, удивляясь услышанному.

– Вот! – сказала Лена, разжимая руку и показывая нам свой подарок.

Увидев то, что было подарено Лене, серые кошки тут же начали скрести у меня на душе, потому что у Буроватых было совершенно другое зеркальце. Да, оно тоже было со стразами, но, по крайней мере, там был приличный узор в виде бантиков. Да и цвета были не такими вызывающе яркими, как у нас с Юлькой.

Сразу стало понятно, что подарки выбирал Миронов. Найдя симпатичное зеркальце для Лены, он купил для нас с Юлькой то, что завалилось на прилавках магазина, возможно, даже не удосужившись взглянуть на содержимое.

– А у нас другие подарки, – недовольными голосами сообщили мы с Юлькой Лене.

Взглянув на наше добро, она брезгливо поморщилась.

– Да, мне повезло. Даже не представляю, что бы я делала, если бы мне подарили то же, что и вам.

– И мы не представляем, – с горечью произнесла в ответ Юля.

Видимо догадавшись, что в данный момент ей здесь не рады, Лена упорхнула из нашего кабинета вместе со своим зеркальцем.

А мы с Юлькой посмотрели друг на друга, не зная, что сказать.

– Лучше уберу его в сумку, с глаз долой, – произнесла я, потянувшись за сумочкой.

– Наверное, я поступлю также. Потому что если я буду дальше на него смотреть, то выкину его в окно! – сказала Юлька.

И тут я подумала о том, что, по счастью, Юля не знает, что это я подала нашим коллегам идею того, какие стоит выбрать подарки к 8 марта. И лучше об этом помалкивать и дальше, потому иначе часть вины за неудачный выбор падёт и на меня. Хотя мне и в страшном сне не приснилось бы такое.

Праздничное настроение было испорчено, но мы ещё надеялись на то, что возможно, наши коллеги компенсируют плохенькие подарки чаепитием с хорошим тортом. Но не тут-то было! Макаров отправил всех сотрудников мужского пола в Министерство прогрессивных идей, чтобы поздравить с праздником женщин, работающих там. И в итоге мы остались в отделе одни. Анатолий Юрьевич, я, Юля Решетникова и Лена Буроватых.

А в час дня Генеральный директор Корпорации «Делай то, что не делают другие!» собрал всех сотрудников в актовом зале.

Пока я, Юля и Лена спускались в зал на первый этаж, нам посчастливилось услышать множество комплиментов в свой адрес, которыми щедро одаряли нас сотрудники Корпорации. И наше настроение немного улучшилось, особенно после того, как Генеральный директор в своей речи сообщил, что в связи с предстоящим праздником все сотрудницы женского пола могут идти домой.

Мечты о праздничном чаепитии в кругу коллег были тотчас забыты. Радостные, мы вернулись в свои кабинеты и стали переобуваться, чтобы быстрее покинуть свои рабочие места, но в этот момент на пороге появился Анатолий Юрьевич.

– Куда это вы собрались? – недовольным голосом произнёс Макаров, оглядывая нас с ног до головы.

– Домой, – спокойным голосом ответила за всех Юля, продолжая застёгивать сапоги. – Вадим Владимирович только что отпустил всех женщин Корпорации. Вы же слышали?

– А работать кто будет? – пресекая наш энтузиазм, произнёс Макаров. – У меня четыре сотрудника в разъездах, и если ещё и вы вдобавок уйдёте, кто же в отделе останется?

– Но Вадим Владимирович объявил на совещании, что все женщины могут идти домой! – продолжала спорить с начальником Юля.

– Вадим Владимирович может говорить всё, что угодно! Но именно я являюсь вашим непосредственным начальником! И я приказываю вам остаться и продолжать работать до

тех пор, пока я не отпущу вас, – заявил Макаров без тени улыбки на лице. – А если у кого-то из вас нет документов, которые необходимо срочно исполнить, то пусть этот человек зайдёт ко мне, и я дам ему такой документ, – заключил начальник, после чего вышел из нашего кабинета.

Да, теперь настроение было испорчено окончательно. Нехотя мы с Юлькой стали стягивать с себя сапоги и снова переобуваться в туфли.

Совершенно не было никакого желания работать, но пришлось снова открывать папку с документами и начинать печатать, чтобы не вызвать ещё большего гнева начальства.

И так мы просидели до позднего вечера. Мужчины, встречавшие нас в коридоре, делали недоумённые глаза и интересовались, почему мы не ушли домой, как сказал Генеральный директор. И обречёнными голосами мы отвечали, что у нас слишком много работы, и поэтому нам приходится задерживаться. И лишь в седьмом часу вечера, когда наши боевые товарищи по отделу начали возвращаться на свои рабочие места, Макаров разрешил нам уйти домой, правда, предложив немного отметить праздник. Но время и так было поздним, поэтому никто не стал задерживаться.

А когда я, усталая после длинного рабочего дня, вернулась домой, дочь прямо с порога спросила меня:

– Мама, а что тебе подарили на работе?

– Лучше не спрашивай, – недовольным голосом ответила я. – А то я снова расстроюсь.

– Ну, покажи! – продолжала настаивать дочь, и мне пришлось достать из сумки то безобразие, которое сегодня днём подарили мне коллеги.

И пока дочь с удивлением рассматривала зеркальце, из своей комнаты вышла свекровь, которой было уже под восемьдесят и у которой уже начали проявляться признаки старческого слабоумия.

– Какая хорошая вещь! – завистливо произнесла она. – Наверное, дорогая?

– Если Вам нравится, то забирайте это зеркальце себе, – тут же предложила я свекрови, обрадовавшись возможности избавиться от ненужного подарка.

– И тебе не жалко? – обрадованно произнесла свекровь, мгновенно потянувшись руками к неожиданному подарку.

– Нет! Оно не в моём вкусе. Забирайте себе!

И свекровь жадно схватила зеркальце и снова скрылась в своей комнате.

А я облегчённо вздохнула. С глаз долой, из сердца вон! Надеюсь, что сумею позабыть об этом ужасном подарке так же быстро, как мне удалось избавиться от него.

Глава 24

о том, что спешка хороша не только при ловле блох, но и во время пользования банкоматом

Мы сидели и тихо работали в своих кабинетах, как вдруг наш коридор огласился громким голосом Миши Миронова, который так сильно чем-то возмутился, что пришлось прервать свою работу.

Я вышла в коридор и увидела там небольшое собрание сотрудников Корпорации как нашего, так и соседних отделов. Оратором на этом собрании выступал Михаил, которого так переполняли эмоции, что он даже не мог складно объяснить, в чём же дело, и вёл своё повествование сбивчиво и сумбурно, подкрепляя каждую свою фразу бурными жестами.

– Это что же за безобразие творится! – возмутился Миша в кругу своих слушателей. – Бедного человека без зарплаты оставили! Как мне теперь целый месяц жить? Что я жене скажу? И главное, я не пойму, почему нельзя прямо сегодня решить эту проблему? Я даже сам вызвался им помочь! Говорил, что готов с отвёрткой вскрыть этот чёртов аппарат, но меня никто не хотел слушать! Что же мне теперь делать?

Несмотря на ту эмоциональность, которую Миронов вкла-

дывал в свои слова, ничего существенного он не сообщил, и потому я не могла уяснить для себя суть проблемы, которая возникла перед Михаилом, и, соответственно, ничем не могла ему помочь. Поэтому я обратилась к Алексею Веникову, стоявшему тут же, и тихим голосом попросила его объяснить мне, что же стряслось с нашим товарищем. И Алексей, сделав шаг в сторону, поведал мне следующее:

– Дело в том, что Миронов пару часов назад поехал в Министерство с документами и хотел заодно снять там деньги в банкомате, расположенном в холле. Ведь вчера была зарплата, а Михаил ещё не успел ничего обналичить. Но когда он вставил карту в банкомат, в этот момент ему позвонила Лена Буроватых, и он решил ответить на звонок. И пока они разговаривали по телефону, банкомат успел проглотить карту Михаила и обратно её не выдавал. Сначала Миронов самостоятельно пытался достать карту, но ему это не удалось. Тогда он побежал в бухгалтерию Министерства с требованием немедленно вскрыть банкомат и вернуть ему зарплатную карту, но ему ответили, что эти действия могут производить только сотрудники банка, которому принадлежит банкомат. И даже если они прямо сейчас отправят подобный запрос в банк, карту ему вернут всё равно не раньше, чем через месяц. Мол, это стандартная процедура и стандартные сроки. Вот Михаил и возмущается, что остался без денег.

– Я думаю, что если бы кто-нибудь из нас позвонил Мише, то он вряд ли бы ответил на звонок, прежде чем закон-

чил снимать деньги в банкомате, – скептически произнесла я, не ощущая ни малейшего сочувствия к Михаилу, которого чувства к Лене Буровых ослепили настолько, что заглушали все разумные доводы.

– Вот-вот! – хитро улыбаясь, согласился со мной Алексей. – На звонок Леночки он просто не мог не ответить!

Выяснив от Веникова ситуацию, я решила высказать Михаилу свои соображения.

– Миша, но ты же прекрасно знал, что банкомат забирает карту, если в течение сорока секунд на нём не производятся никакие действия! Думаю, Лена вполне могла бы подождать это время, пока ты бы снял деньги! В крайнем случае, потом сам бы ей перезвонил и объяснил, почему не смог сразу ответить на её звонок!

– Как ты не понимаешь! – с новой силой принялся возмущаться Михаил, переключив свой гнев на меня. – У Лены был срочный вопрос! Я должен был ответить!

– Прямо уж такой срочный? И что же ей так срочно нужно было выяснить? – язвительно спросила я.

– Она интересовалась судьбой своего документа! Согласовали ли его? Просила меня выяснить это!

– Уверена, что сорок секунд погоды бы не сделали! – продолжала отчитывать я Михаила, который по собственной вине попал в такую неприятную ситуацию.

– В отличие от тебя и от других сотрудников нашего отдела, Лена переживает за судьбу каждого своего документа! Ей

важно не пропустить ни один срок! Она более ответственно подходит к своей работе, чем любой из вас! – принялся заступаться за любимую девушку Михаил.

– Но даже если ты не мог не ответить на звонок Лены, то почему не сказал ей, что снимаешь деньги в банкомате, и попросил бы подождать её несколько секунд? Это ведь ты мог сделать! Ведь если бы тебе в этот момент позвонил кто-нибудь из нас, ты поступил бы именно так! Разве нет? – всё ещё пыталась я донести до Михаила неправильность его поведения, которая приводит его к вот таким плачевным ситуациям.

– Разумеется, нет! – стал разуверять меня Миронов. – Я бы точно так же ответил на звонок любого! Особенно, если это касалось бы рабочих вопросов!

– Да не любого! – не переставала спорить я с Михаилом, тогда как другие мои коллеги, стоявшие рядом, лишь хитро улыбались, слушая весь этот спор, периодически поддерживая меня кивками. – Например, если бы я тебе позвонила, ты бы не торопился отвечать!

– Нет! – ещё громче закричал Михаил. – Я бы немедленно ответил тебе, даже если бы был очень занят!

– Не ответил бы, – с горечью констатировала я. – Ведь такое уже бывало. Когда мне действительно нужно было срочно с тобой связаться, но у тебя был важный разговор или ещё какие-нибудь дела, ты не только не отвечал на мои телефонные звонки, но даже не перезванивал позже.

– Нет, такого не было! – прокричал на весь коридор Михаил.

– Да было, – понижая голос, ответила я, и тут в мою защиту вступились другие сотрудники нашего отдела, которые тоже начали вспоминать случаи, когда не могли дозвониться до Михаила.

Но Миша не желал видеть правду. Ему проще было обвинить бездушный автомат, чем признать, что виной его сегодняшних неприятностей является его нездоровая страсть к Лене Буроватых. А закончилось всё тем, что Миша стал занимать деньги у всех, кто мог ему их одолжить, чтобы протянуть до того дня, когда ему вернут его зарплатную карту, что случилось только через месяц, как и обещали сотрудники бухгалтерии Министерства прогрессивных идей.

Глава 25, рассказывающая о связи севших после стирки джинсов и широкоэкранного телевизора

– Представляешь, – заговорила со мной Юлька, после того как закончила наводить свой утренний марафет, – какая со мной курьёзная ситуация случилась, когда ко мне вчера пришли гости.

Вместо ответа я посмотрела на Решетникову так, словно мне было всё равно, как она провела воскресный вечер. Собственно, так оно и было. Но Юля даже не взглянула на меня и, более того, не стала дожидаться ответа, а продолжила рассказ, разглядывая своё отражение в зеркале.

– Я тут постирала джинсы, но гости пришли раньше времени, и поэтому я не успела к их приходу переодеться. Впустив их в дом, я быстренько побежала в другую комнату, плюхнулась на кровать, чтобы надеть джинсы. Ведь их же надевают лёжа! – добавила она и посмотрела на меня, чтобы убедиться, что я слежу за ходом повествования, и мне снова пришлось оторвать взгляд от экрана компьютера и посмотреть на Юлю поверх монитора.

Признаться, я первый раз слышала о том, что джинсы

нужно надевать лёжа, о чём я не преминула сообщить коллеге.

– А я всегда надеваю джинсы стоя.

– Ты что, рекламу не видела? – сообщила мне Юлька, а я судорожно начала вспоминать о какой именно рекламе она говорит, потому что ни разу в жизни не видела, чтобы по телевизору рекламировали джинсы.

Заметив непонимание в моих глазах, Юля махнула рукой и вернулась к своему рассказу, не считая нужным давать мне дополнительные пояснения, чтобы не отвлекаться от основной линии своего повествования.

– И вот плюхнулась я на кровать, пытаюсь застегнуть джинсы, а они не застёгиваются! Сели после стирки! И так не вовремя! Пришлось надевать рабочие брюки и весь вечер быть в них.

Я не стала высказывать свои комментарии, потому что не очень уловила смысл рассказанной истории и лишь вечером, когда вернулась домой и рассказала об этом случае дочери, то спросила у неё:

– Как ты думаешь, о какой рекламе говорила Юля? Ты телевизор больше меня смотришь. Может, что-то видела?

– Мама, – ответила дочь и посмотрела на меня так, словно я была наивным несмышлёнышем, не догадывающимся об очевидных вещах. – Она имела в виду не рекламу джинсов, а рекламу средств для похудения, когда девушка не может влезть в джинсы и пытается застегнуть их, лёжа на кровати!

– Но в таком случае это была не инструкция к действию, а наоборот, сарказм!

– Вот именно! – подтвердила дочь.

Странно, что Юля Решетникова по-другому восприняла посыл этой рекламы. Хотя ей и стоило призадуматься о том, что её джинсы подозрительно сильно сели после стирки. Юля вновь начала набирать вес, но воспитание не позволяло мне говорить ей об этом. И лишь Фёдор со свойственным ему чувством юмора периодически отпускал едкие, но культурные замечания по поводу её лишнего веса. Вот, например, на днях, когда Юля прошла мимо, повернувшись спиной, Фёдор сказал:

– Да, Юлия Владимировна, в последнее время твой телевизор стал ещё шире.

Услышав это, я еле сдержала улыбку, а Юля даже не отреагировала на подобное замечание. Может быть, ей нравятся широкоэкранные телевизоры, кто знает?

Глава 26

О том, что даже в самом слаженном и дружном коллективе со временем начинаются ссоры и выяснения отношений

Я не знаю, что стало тому причиной, звёзды ли так сошлись или на Солнце начались магнитные вспышки, но обстановка у нас в отделе стала накаляться. Все стали цапаться друг с другом по малейшему поводу, и даже я, которая всегда славилась своей выдержкой и тактом, тоже не смогла избежать участи по выяснению отношений с коллегами. А началось всё с Лены и Миши.

Когда они долго и громко кричали друг на друга в коридоре, причём кричала в основном Лена, обзывая Мишу нехорошими словами, что не могло не вызвать у всех нас недовольство, потому что Миронов являлся представителем руководящего состава Корпорации и подрывать его авторитет на глазах других сотрудников Корпорации было непорядочно и неэтично, в чём бы он ни был виноват. Мы откровенно Лене об этом говорили, но она нас не слушала. А когда Миронов по делам уехал в Министерство, Лена зашла ко мне в кабинет, благо, в тот момент я находилась там одна, и реши-

ла раскрыть мне причину своего гнева.

– Мне тут понадобилось срочно доработать один документ, который находился в компьютере Миронова, – стала пояснять мне Лена, – и совершенно случайно наткнулась на одну папку. В ней были сохранены мои фотоснимки, сделанные во время отпуска в Доминикане. Где я в купальнике, понимаешь? – понизив голос, добавила Лена. – Спрашивается, зачем он хранит их у себя? Использует в качестве эротических фото?

Тут следует немного отступить от повествования Лены и дать читателю некоторые пояснения, чтобы он понял суть возникшей проблемы.

У нас в отделе есть традиция: когда тот или иной сотрудник возвращается из отпуска, которые он провёл не у себя дома, а в более интересном месте, то он выкладывает свои фото на сервере в своей папке, чтобы представить коллегам, так сказать, фотоотчёт о своём отдыхе. Дополнительно всё это подкрепляется либо магнитиками на холодильник, которые привозятся в подарок всем сотрудникам отдела, либо иным сувениром, например, бутылкой рома или чем-то подобным. Всё это довольно-таки мило и очень приятно, и создаёт впечатление, будто ты сам побывал в далёкой стране.

Эти фотоснимки хранятся на сервере недолго – в среднем, неделю, иногда чуть дольше, для того чтобы все желающие могли разделить твою радость от удачно проведённого отпуска. Затем сотрудник удаляет фотоснимки из своей пап-

ки, и дело закрыто. Все ждут следующего отпускника и следующих сувениров. Но, по-видимому, когда Лена разместила свои фотоснимки на сервере, Миша благополучно скопировал их и сохранил у себя на компьютере. И лично я Мишу понимаю. Его чувства к Лене слишком очевидны и желание иметь у себя хотя бы фотоснимки любимой девушки, уж коли её саму заполучить он не может, вполне объяснимы. Я с самого начала была на его стороне и считаю, что Лена сама виновата в том, что не пресекает чувства Миронова. Мне самой неоднократно приходилось бывать в подобных ситуациях, когда тот или иной парень вдруг начинал откровенно высказывать мне свои чувства, пытаясь добиться благосклонности, и поскольку я замужем, то подобные интрижки мне ни к чему, особенно на работе. Поэтому я всегда на корню пресекаю подобное поведение парней и прямо говорю каждому из них, что он зря тратит время, потому что между нами ничего быть не может. После этого я вообще перестаю общаться с тем, с кем хочу прекратить отношения. И через некоторое время всегда все всё понимали и их увлечение мной заканчивалось. Я и сейчас считаю, что честность – лучшая политика, и потому никаких недоговорённостей и недопониманий у меня ни с кем нет. Поэтому я уверена, что и остальные девушки должны поступать так же. Не хочешь, чтобы парень оказывал тебе внимание – прямо скажи ему об этом! А если по какой-то причине не можешь сказать ему прямо, то просто игнорируй его. Совсем. Рано или поздно

он сам поймёт, что не интересен тебе.

Лена же поступала иначе. Она использовала Мишу по полной программе. О том, что он исполнял за неё документы, я уже упоминала, но она просила его не только об этом. Например, когда ей нужно было отвезти что-то габаритное или тяжёлое с работы домой или наоборот, она, не стесняясь, просила Мишу об этом. И хотя Миронов живёт в одном городе Московской области, а Буроватых – в другом, и им даже не по пути, ни Мишу, ни Лену это никогда не останавливало. Миронов на своей машине отвозил и привозил для Лены всё, что ей нужно, и никогда не брал за это никакой платы. Даже за бензин. К тому же, когда Миронов оставался за руководителя, Лена постоянно отпрашивалась у него с работы, а то и вообще задвигала по несколько дней к ряду. С Макаровым у неё бы такой фокус не прошёл! Анатолий Юрьевич вообще редко кого-то отпускал с работы по личным надобностям, поэтому у него никто и не отпрашивался без особой нужды. Но когда Миронов оставался за старшего, всё становилось гораздо проще. Только вот никто так не наглел, как Лена. Всё это в совокупности и заставляло весь наш отдел осуждать Буроватых, когда дело касалось её отношений с Мишей Мироновым. И как бы я не хотела проявить женскую солидарность с Леной, когда выяснилась история с её фотоснимками, которые Миша сохранил на своём компьютере, я не могла не понимать, что всё это – следствие её возмутительного поведения по отношению к Миронову.

А между тем Лена продолжала негодовать по поводу поступка Михаила.

– Разумеется, я не могла сдержаться! Удалила эту папку и откровенно высказала Миронову всё, что о нём думаю!

– Лена, но ты же сама его всё время поощряешь! – аккурратно произнесла я. – Ты же видела, как он к тебе относится, но ни разу не попыталась всё прояснить!

– О чём ты говоришь? – даже не старалась прислушаться к моим доводам Лена. – Я сейчас говорю о краже моих личных фотоснимков! Как он посмел это сделать? И на что ещё он способен?

– Думаю, ты преувеличиваешь! – снова принялась я заступаться за Миронова. – Михаил безобиден как ребёнок! Он вообще не способен строить коварные планы!

– Ты его совсем не знаешь! – продолжала изливать свою злобу Лена, только в этом она была совсем не права, потому что я работала с Мишей гораздо дольше её и была уверена в том, что Миронова можно читать как открытую книгу.

Он совершенно не способен устраивать никаких козней за спиной. Если он что-то и хочет сделать, то делает это, не скрывая, идя в атаку, как говорится, с открытым забралом. Но Лена не хотела этого понимать. Как не хотела понимать того, что сама виновата в сложившейся ситуации.

В общем, Лена поплакалась мне, но не услышала ни слова сочувствия в свой адрес и вскоре ушла. А уже вечером, когда рабочий день закончился и все дружно стали расходиться-

ся по домам, Миша, который всегда засиживался дотемна, подозвал меня к себе.

– Катя, я хотел бы с тобой поговорить, – деликатно начал Михаил, и я поняла, что и он хочет использовать меня в качестве исповедника.

Что ж, выслушивать я умела, как и умела дать дельный совет тому, кто у меня его просил. Вот народ и ходил ко мне со своими проблемами, даже не интересуясь тем, хочу ли я слышать их исповеди. Но разве я могла отказать своему товарищу, которому требовалась моральная помощь и поддержка?

– Да, Миша, я слушаю тебя, – ответила я Миронову и зашла к нему в кабинет, чтобы выслушать его версию событий сегодняшнего происшествия.

– Я хочу объяснить то, что сегодня случилось, – начал Михаил, и я приготовилась к долгой и обстоятельной беседе. – Лена утверждает, что я тайком выкрал её фотоснимки для каких-то грязных целей. Но это не так! – с чувством произнёс Михаил и посмотрел на меня, ожидая поддержки.

Я не знала, что должна сказать, поэтому промолчала, и Миронов продолжил говорить.

– Ты же знаешь, как я отношусь ко всем сотрудникам нашего отдела. Все вы мне очень дороги, и я хотел бы сохранить у себя то, что связано с каждым из вас. Поэтому я сохраняю некоторые фотоснимки. Просто на память. Я не пытаюсь ни у кого ничего своровать! Я лишь сохраняю у себя то, что каждый из вас выкладывает на всеобщее обозрение!

Но Лена пытается выставить меня таким маньяком, фетишистом, который тайком шпионит за ней и крадёт то, что принадлежит ей!

И хотя Миша говорил очень убедительно, я сильно сомневалась в том, что он сохранил у себя на компьютере ещё хоть чьи-нибудь фотоснимки, кроме Лены. Но я не стала ловить его на слове, потому что была на его стороне.

– Я всё понимаю и не осуждаю тебя, – сказала я Мише. – Более того, могу ответственно заявить, что весь наш отдел находится на твоей стороне.

– Правда? – удивлённо произнёс Михаил.

– Конечно! – подтвердила я. – Неужели ты думал, что мы не видим, как Лена обращается с тобой? Ты слишком много уделяешь ей внимания и слишком многое ей позволяешь, вот она и обнаглела, старается унижить тебя при всех, чтобы показать свою власть над тобой! Вот, например, если бы я обнаружила у кого-то свои фотоснимки, которые этот человек сохранил бы у себя без моего разрешения, я бы не стала устраивать ему сцену в коридоре, крича на него так, чтобы все вокруг услышали, а вежливо бы подошла к этому человеку и попросила дать мне объяснения, после чего потребовала бы удалить фотоснимки. Именно так поступают цивилизованные люди.

– Но я их всё равно восстановил! – заговорщическим тоном сообщил мне Михаил, поняв, что я не осуждаю его поведение. – Лена думала, что удалила их, и даже почистила

корзину, но есть программа, восстанавливающая удалённые файлы. Так что все её фотоснимки снова у меня, только в этот раз я спрятал их гораздо надёжнее.

На это заявление я ничего не смогла ответить. А Михаил продолжил ошеломлять меня.

– Если на то пошло, то с какой стати Лена вообще рылась в моём компьютере? Даже если ей нужен был какой-то конкретный документ, то и работала бы над этим документом, а не лазила бы по всем моим папкам! Я не давал ей разрешения рыться в моих личных документах! Мало ли, что я в них храню! У меня тоже может быть личная информация, которой я ни с кем не хочу делиться!

Да, в этом Миша был прав, потому что я тоже считаю, что необходимо уважать чужие границы. Мне тоже неоднократно приходилось садиться за компьютер Михаила, а также других сотрудников нашего отдела, точно так же, как и им за мой, но у меня и в мыслях не было пользоваться этой возможностью для того чтобы шпионить за своими коллегами, выискивая на них компромат. Хотя, могу сказать с уверенностью, не все отличаются подобной тактичностью, потому что я часто замечала, как в моё отсутствие люди, которым приходилось работать за моим компьютером, открывали не только необходимые им документы, но и шныряли по другим моим папкам, которые уж никак не могли их заинтересовать. Только они не знают, что искать им нечего. На работе я занимаюсь исключительно работой. А если же мне в голову и

придёт вдруг какая-нибудь интересная и неожиданная идея, которую следует записать, то я делаю это по старинке, записывая свои мысли в блокнот, а точнее в еженедельник, который никто никогда не проверяет. Рукописные тексты уже давно никого не интересуют, так что я могу без опаски написать хоть целый рассказ в своём еженедельнике, его всё равно никто читать не будет. Так что я предпочитаю прятаться у всех на виду, ни от кого ничего не скрывая, но и не афишируя свои занятия на всех углах, и потому никому не приходит в голову заподозрить меня в чём-то предосудительном.

Но я отвлеклась, забравшись в свои мысли, пока Миша Миронов распинался передо мной на тему важности уважения чужого личного пространства, нарушение которого приводит к вот таким вот скандалам в коллективе.

Убедительно покивав и в сотый раз повторив: «Миша, я полностью с тобой согласна!», мне удалось-таки убедить Миронова в том, что ни я, ни остальные наши сотрудники ни сколько не осуждают его, и ему не стоит волноваться на этот счёт, после чего вежливо с ним попрощалась и ушла домой, выбросив из головы сегодняшнюю историю, потому что дома меня ждали гораздо более важные дела и заботы.

Глава 27

О том, как сломанный принтер может окончательно расстроить отношения между коллегами

Я уже упоминала о том, какой «сверхскоростной» компьютер мне достался. Принтер был не лучше, и вот настал день, когда он окончательно сломался. И хотя наша Корпорация вполне могла позволить себе закупить целую партию самых лучших принтеров без малейшего ущерба для своего бюджета, руководитель нашего отдела, по-видимому, считал, что нечего баловать личный состав, предоставляя каждому сотруднику возможность работать на хорошей технике. Поэтому когда мой принтер приказал долго жить, и сотрудники технического отдела подтвердили сей факт, заявив, что принтер не поддаётся починке, Макаров скрипя зубами произнёс:

– У нас же сейчас Веников на больничном, вот и будешь распечатывать документы на его принтере.

– А что я буду делать, когда он выйдет? – задала я новый вопрос начальнику.

– Когда Веников выйдет, тогда и будем решать, что делать с твоим принтером, – заявил он, и мне оставалось толь-

ко подчиниться.

В принципе, практика пользоваться чужими компьютерами в отсутствие какого-либо сотрудника у нас существовала, именно поэтому пароли на компьютерах были самыми простыми. Или пять пятёрок или «один, два, три, четыре, пять». Шифроваться от своих товарищей смысла не было. Но даже когда я получила добро, а точнее даже не добро, а прямой приказ от своего начальника на право пользования компьютером и принтером Алексея Веникова, я не спешила его выполнять.

Зная характер Алексея, можно было предвидеть его реакцию на то, что кто-то пользуется его рабочим компьютером. Тем более что Алексей сидел в другом кабинете, и я не могла всё время туда метаться за каждой бумажкой, которую необходимо было распечатать. Проще было сразу сесть за компьютер Алексея, но это было ещё хуже, чем просто пользоваться его принтером. Поэтому я старалась минимизировать время пользования принтером Веникова. Весь день я занималась только работой над документами, а распечатывала их уже вечером, под конец рабочего дня. То есть я включала компьютер Алексея и его принтер всего на десять-пятнадцать минут в день. Но и этого оказалось много, потому что однажды вечером нелёгкая принесла Веникова на работу.

Зачем он пришёл, я так и не узнала, но когда он зашёл в кабинет и увидел меня на своём рабочем месте, он не просто

переменился в лице, он вскипел.

– Ты что здесь делаешь? – закричал он на меня.

Притихши как мышь, которую застали на мешке с крупой, я начала аккуратно объяснять Алексею проблему со своим принтером и про то, как Макаров велел мне пользоваться его, Алексея, техникой, пока тот на больничном.

– Сама могла бы починить свой принтер! У тебя рук, что ли, нет? – продолжал кричать на меня Веников.

– Руки у меня есть, – как можно более спокойным голосом ответила я Алексею. – Но как ты, надеюсь, успел заметить, я здесь работаю юристом, а не техником-инженером. Чтобы устранять технические поломки, у нас существует целый отдел. Но даже сотрудники этого отдела не смогли починить мой принтер, потому что это невозможно. Он своё уже отжил. Поэтому Макаров разрешил мне пока пользоваться твоим компьютером и принтером. Но если ты боишься того, что в твоё отсутствие я буду лазить по твоим папкам и читать твои личные документы, то напрасно. Я пользуюсь только своей папкой, которая находится на сервере, а в твои документы вообще не захожу. Можешь не сомневаться!

– Это не имеет значения! Ты не должна была пользоваться моим компьютером за моей спиной! – продолжал обвинять меня Алексей, и никакие мои доводы о том, что служебная техника не является нашей личной собственностью, на него не действовали.

И хотя рядом были другие сотрудники нашего отдела, ко-

торые видели, как Алексей обращается со мной, никто за меня не заступился. Все молчали, не желая вступать в пререкания, и из-за этого мне было ещё хуже.

Закончив распечатывать документы, я вышла из-за стола Алексея и вернулась в свой кабинет, пообещав себе, что никакая сила в мире не заставит меня ещё раз подойти к его столу и воспользоваться компьютером и принтером этого человека. И на следующий день я с самого утра пошла к нашим инженерам и попросила их хоть как-то решить проблему с принтером, и один товарищ предложил мне подключить мой компьютер к принтеру Юли Решетниковой, на что я согласилась, предварительно, конечно, переговорив с Юлей. И хотя она тоже несильно этому обрадовалась, но не могла не понять, что я нахожусь в безвыходной ситуации, и эта мера носит временный характер, пока в начальнике нашего отдела не разыграет совесть, и он не попросит новый принтер в материально-техническом отделе.

С Алексеем же я вообще перестала разговаривать. Более того, я старалась ни в коем случае не оставаться с ним наедине, даже если это была случайная встреча в коридоре, потому что, заметив меня, Веников даже не пытался казаться вежливым и по любому поводу стремился задеть и унижить меня. Наши отношения накалились до предела, и было неясно, когда и как это должно закончиться.

Глава 28, в которой я пытаюсь всё наладить

Но кроме нас с Алексеем, а также Лены с Мишей, появилась ещё одна пара антагонистов, которые стали открыто ненавидеть друг друга. Это Юля и Фёдор. Причём их ситуация была хуже тем, что они обитали в одном служебном кабинете, отчего страдали не только они, но и все мы.

Даже не знаю, что послужило поводом для их ссоры, я в то время частенько моталась в Министерство и обратно и потому не сильно следила за развитием событий, но предполагаю, что виной тому стал острый язычок Юли, которая благодаря уму и знанию психологии умела задеть человека за живое, и не все могли это стерпеть. Особенно Фёдор, который всегда отличался обидчивостью. И поскольку я была третьим человеком, который сидел с ними в одном кабинете, то мне досталась роль громоотвода в этой компании.

Когда Юле или Фёдору требовалось что-то сказать друг другу (чаще это было поручение начальства), то каждый из них просил меня передать эту просьбу тому, кому она предназначалась. Что, впрочем, не мешало им продолжать пререкаться друг с другом по малейшему поводу.

Находиться в кабинете стало невозможно, и потому Фёдор, подготовив какой-то документ, старался лично отвезти

его в Министерство, вместо того чтобы сдать его в канцелярию на отправку. Я тоже старалась поступать так же, иногда даже специально подходила к руководству, чтобы узнать, не нужно ли что-то куда-то отвезти. А уехав, не спешила вернуться обратно. Но день шёл за днём, а лучше не становилось. В итоге однажды пятничным вечером, когда практически все разъехались по домам, я решила подойти к Макарову, чтобы начальник своей властью как-то урегулировал возникшие проблемы.

Я никогда не была стукачом и сейчас не собиралась им быть. О случившихся в нашем отделе скандалах знали не только все юристы, но и другие отделы, потому ничего нового сообщать Макарову я не собиралась. Я лишь хотела, чтобы он вмешался в ситуацию и наладил работу подчинённого коллектива.

– Анатолий Юрьевич, – обратилась я к нему, – я сейчас скажу Вам то, что Вы и сами хорошо знаете, но, вероятно, не замечаете глубины возникшей проблемы.

Макаров внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал, поэтому я стала говорить дальше.

– Вот уже вторую неделю подряд сотрудники нашего отдела находятся во взвинченном состоянии. Все переругались друг с другом. На работе находиться просто невозможно. Обстановка очень нервная, а работа у нас ответственная и интеллектуальная. Может быть, Вам стоит вмешаться и поговорить с коллективом? В конце концов, пересадить кого-то!

Например, когда Юля и Фёдор одновременно находятся в кабинете, я вообще не могу работать! Напряжение такое, что его можно ножом резать! Сделайте что-нибудь, потому что лично мне очень трудно сосредоточиться в такой обстановке! Думаю, остальных тоже напрягает эта ситуация, которая ничем хорошим закончиться просто не может.

Макаров вновь посмотрел на меня, а затем сказал:

– Думаю, ты преувеличиваешь!

– Наоборот, – с живостью откликнулась я. – О самых неприятных моментах я ещё умалчиваю!

– Уверен, что если немного подождать, всё само собой наладится, – не желал разделять моё беспокойство за судьбу отдела начальник.

– Поверьте, не наладится! Всё станет только хуже! И в итоге всё закончится тем, что половина отдела разбежится!

– Не разбежится! Трения возникают во всех коллективах, но всё наладится! – отказывался признавать очевидное Макаров. – На следующей неделе Фёдор уходит в отпуск, так что обстановка в твоём кабинете сразу станет легче. А когда он вернётся, то забудет обо всех своих ссорах с Юлей. За Фёдором Алексей пойдёт в отпуск, а там и лето не за горами. Сначала Юля пойдёт в отпуск, потом ты, и за это время каждый из вас успокоится и станет гораздо терпимее относиться друг к другу. Ситуация исправится сама собой!

И хотя я знала, что ничего само собой не исправится, а Макаров, сидящий в отдельном кабинете на другом конце

коридора, порой бывал даже не в курсе того, что творилось в подчинённом ему коллективе, продолжать переубеждать начальника я не стала. Он не хочет вмешиваться – это было очевидно. Возможно, он даже боится вмешаться, тем более, как я упоминала ранее, большая часть сотрудников была старше его по возрасту, и он сомневался, что с его мнением будут считаться. Особенно если это мнение не касалось служебных вопросов. И несмотря на то, что как начальник он нёс ответственность за поддержание морального духа и работоспособности в коллективе, Макаров предпочёл пустить всё на самотёк, и повлиять на его решение я не смогла.

С грустью я покинула кабинет начальника, чтобы со страхом дожидаться начала следующей рабочей недели.

Глава 29

о том, как в моём окружении появляется единомышленник, а мечты о Нобелевской премии приобретают реальные очертания

На следующей неделе Фёдор ушёл в отпуск, и напряжение в нашем кабинете чуть снизилось. Лена с Мишей тоже перестали срываться друг на друга, но это случилось скорее потому, что они фактически не общались между собой, хотя было непохоже, чтобы чувства Михаила к Лене пошли на убыль. Мы с Алексеем тоже перестали волком глядеть друг на друга и хотя бы начали здороваться, что уже было прогрессом. Но я понимала, что это всего лишь затишье, потому что любое моё неосторожное слово или поступок снова смогут спровоцировать бурю. А через несколько дней Макаров сказал мне следующее:

– Вот видишь, Катя, я был прав! Всё наладилось, стоило лишь немного переждать!

– Ничего не наладилось! – с горечью ответила я ему. – Просто народ устал ругаться, и наступило временное перемирие. Прежней дружбы между нами уже нет!

– Подожди ещё немного, и всё вернётся, как было! – не

соглашался со мной Макаров.

– Хотелось бы верить! – уныло сказала я, но кое-какие повороты в наших отношениях, действительно, случились и очень скоро.

Буквально через несколько дней, когда на часах была уже половина седьмого, а Макаров как всегда ушёл к Генеральному и пропал, я осталась в кабинете одна, так как Юля ушла на больничный. В соседнем кабинете тоже было подозрительно тихо, что означало, что народ разъехался.

Ещё раз обречённо взглянув на наручные часы, словно они могли контролировать ход времени, я поднялась со стула и вышла в коридор. Весь наш этаж опустел, за исключением кабинета Миши Миронова, который так громко беседовал с кем-то по телефону, что его голос был слышен даже из-за закрытой двери.

Однако соседний кабинет тоже не был заперт, и я решила заглянуть туда и узнать, кто там самый совестливый. Оказалось, это Алексей Веников. Он всё ещё сидел за компьютером.

Услышав шум открывающейся двери, Алексей оторвал взгляд от монитора и посмотрел в мою сторону. Конечно, можно было сразу же закрыть дверь и улизнуть обратно в свой кабинет, но мне показалось это невежливым, тем более что в последнее время мы с Алексеем начали потихоньку общаться.

– Домой хочется, – произнесла я. – А Макаров ещё не вер-

нулся от Генерального.

– Домой? – переспросил Веников. – Где же твоя гражданская сознательность? А как же ежедневный трудовой подвиг во благо Родины? – добавил он без тени иронии в голосе.

Я не собиралась затевать с Алексеем спор, но мне было так скучно, а в тот момент Веников был единственным живым человеком, с которым можно было поговорить. Поэтому я решила ответить на его вопрос.

– Ты хочешь сказать, что те бумажки, которые мы каждый день перебираем у себя на столе, приносят пользу Родине?

– Да. Мы делаем свою работу и тем самым приносим пользу своей стране.

– Знаешь, Лёша, я могла бы сделать для нашей Родины гораздо больше. И для этого мне совсем не нужно просиживать здесь штаны, – произнесла я на полном серьёзе.

– И что же ты могла бы сделать такого, что принесло бы пользу нашей стране? – поинтересовался Алексей в надежде подловить меня на слове.

И хотя я стараюсь вообще не распространяться о своих тайных мечтах и желаниях, в тот момент я поняла, что не стоит скрывать. В конце концов, пусть этот человек узнает, что я тоже не лыком шита и живу на этом свете не только для того, чтобы составлять справки о проделанной работе и отвечать на чьи-то жалобы.

– Например, я могла бы получить Нобелевскую премию. И поверь, для престижа нашей Родины это было бы мно-

го важнее, чем сидеть здесь с утра до вечера и работать на макулатуру.

На лице Алексея появилась улыбка.

– Позволь тебя спросить, в какой области ты могла бы получить Нобелевскую премию?

– Естественно, не по физике, коли я работаю здесь. По литературе, конечно же! Наша страна уже давно не становилась лауреатом в этой области. Думаю, настало пора это изменить.

После этих слов в глазах Алексея появился неподдельный интерес, а улыбка сползла с лица.

– Ты хочешь сказать, что пишешь? – спросил он.

– Да. И у меня есть публикации. Немного, правда, но есть. Есть ещё страница на одном литературном сайте в Интернете. Просто я особо не распространяюсь об этом, потому что литературная деятельность не приносит мне дохода. А стало быть, это всего лишь хобби. И вряд ли кого-нибудь в Корпорации интересует моё хобби.

– И в каком жанре ты пишешь? – снова поинтересовался Алексей, и я заметила, что это было не просто вежливое любопытство.

Он явно принадлежал к числу тех, кто ценит творчество и серьёзно увлечён этим. И как я раньше не замечала в нём этого?

– Во всех. Мне всё интересно, и я пробую себя в разных жанрах. И самое удивительное, мне это удаётся.

– Дашь что-нибудь почитать? – сразу же спросил Алексей.

Его словно подменили. Где тот парень, который был готов сожрать меня с потрохами, когда я села за его рабочий стол и воспользовалась его принтером? Куда делись его отвращение и злоба к моей персоне? Что с ним случилось? Будто по мановению волшебной палочки враг превратился в друга, которому интересно моё увлечение литературой и моя творческая деятельность. И коли такое чудо произошло, грех было отказываться от шанса упрочить нашу дружбу. И я сказала:

– Конечно. Почему нет?

– Тогда я буду с нетерпением ждать.

– Хорошо. Я принесу тебе какой-нибудь рассказик. И приготовься приятно удивиться.

– Хотелось бы верить, – произнёс Алексей, и улыбка снова появилась на его лице.

После этого разговора наши с Алексеем отношения изменились. Мы превратились в единомышленников, которых объединяет общее увлечение литературой. Мы стали часто беседовать о книгах, обсуждая творчество разных писателей, и я была поражена тому, насколько Алексей был начитанным. Раньше мне казалось, что во всём моём окружении никто так много не читает, как я. И я была приятно удивлена, узнав, что Алексей тоже является заядлым книголюбом. И мне было чрезвычайно интересно беседовать с ним, споря по поводу какого-нибудь произведения и обсуждая точку зре-

ния автора на своих героев.

Алексей так хорошо владел литературным материалом, что спорить с ним было одно удовольствие. И во время обеденных перерывов или внезапного затишья на работе, особенно тогда, когда народ разъезжался кто куда, и ни у кого из нас не было срочных документов на исполнении, мы с ним непременно возвращались к нашим литературным спорам.

– Самые лучшие сюжеты придумывает сама жизнь, – сказал мне как-то Алексей, и я не могла с этим не согласиться. – Вот у моего друга такая судьба, что если её записать, несомненно, получится бестселлер.

И он рассказал мне историю своего друга, выслушав которую я поняла, что мой коллега был абсолютно прав.

– Знаешь, Лёша, – это тот самый сюжет, который тянет на Нобелевскую премию.

– Так, пиши! – тут же предложил Веников.

– Нет. Я не смогу создать шедевр с твоих слов. Мне нужен первоисточник.

– Зачем? Я же всё тебе рассказал!

– Ты рассказал лишь о событиях в жизни твоего друга, а мне нужны подробности. Мне нужны его чувства, эмоции, переживания, его мысли! Без этого вместо романа получится газетная статья, которую никто читать не будет.

– Но ты же писатель! Вот и придумай необходимые подробности!

– Нет, я такими вещами не занимаюсь! Всё что я пишу,

вымучено, выстрадано и правдиво. Именно поэтому меня читают. И я не могу обманывать своего читателя. Не могу обмануть его доверие. Я могу соврать начальству, соврать родителям или даже тебе, но в своих произведениях я абсолютно честна и открыта. В своих книгах я как обнажённый нерв. Оголена полностью. Все мои произведения написаны кровью и слезами. Именно в этом и кроется корень гениальности. И если я начну брать идеи с потолка и писать штампами, я потеряю себя и никогда не смогу получить всеобщего признания и Нобелевской премии. Именно поэтому мне и нужен твой друг, чтобы я смогла сама задать ему необходимые вопросы и услышать его правдивые ответы. Иначе нет смысла затевать всё это.

– Катя, но сама подумай! – возражал мне Алексей. – Даже если я вас познакомлю, неужели он захочет поделиться с тобой своими самыми потаёнными мыслями и чувствами? Разве ты сама могла бы рассказать постороннему человеку о своих тайнах?

– Естественно, нет! Именно поэтому я сама рассказываю о них всему миру в своих произведениях.

– Но он не сможет так поступить!

– Не волнуйся, я умею уговаривать! Особенно мужчин. Обычно они мне не отказывают. Ты, главное, познакомь меня с ним, а дальше уж я сама буду общаться.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Алексей. – Для начала мне нужно самому с ним поговорить и это обсудить, –

с сомнением в голосе добавил он.

– Что ж, время терпит. Нобелевскую премию я могу получить и в восемьдесят лет. Хотя не хотелось бы ждать так долго.

– Хорошо, я поговорю со своим другом и потом передам тебе его ответ.

– Надеюсь, он будет положительным. Ведь мы могли бы разделить Нобелевскую премию на троих. Сам подумай, деньги-то большие!

– Да, и мне бы они оченьгодились, – проявил согласие Веников.

– Вот именно! Подумай об этом.

И мы закончили этот необычный разговор и занялись документами. А в моей душе снова загорелся огонёк воодушевления и светлой мечты, которую заронил в мои мысли Алексей своим рассказом о судьбе своего друга.

Желание получить Нобелевскую премию по литературе является, пожалуй, тайной мечтой каждого писателя. И я не была исключением. Если не верить в то, что однажды тебя признают и оценят по достоинству твои произведения, то ни один рассказ не был бы написан. У любого опустятся руки, если он будет знать наверняка, что написанное им никто и никогда не прочтёт. А если и прочтёт, то тотчас забудет и никогда не вспомнит. Каждый писатель хочет остаться в душах своих читателей надолго и потому готов доверить им самое сокровенное, что хранит его сердце. Каждый надеется на ду-

шевный отклик, но, к несчастью, близкие мне люди никогда не поддерживали меня в моих начинаниях, если мои идеи не сулили мгновенной прибыли. Муж откровенно говорил мне, что я зря теряю время, пытаюсь писать, а родители вообще проигнорировали мою просьбу высказать своё мнение о моих произведениях. Друзья, конечно, так откровенно меня не футболият, но говорят, что с удовольствием прочитают мои произведения, но после их публикации. И единственное, что мне остаётся в этой ситуации, так это уповать на свою судьбу, благо, я всегда принадлежала к числу фаталистов, и верить, что настанет день, когда в графе «профессия» я смогу с гордостью указывать «писатель», а не «юрист» или «домохозяйка», потому что мои произведения начнут приносить доход, на который можно будет жить.

Как бы то ни было, узнав мою тайну, Алексей не посмеялся надо мной и не предложил выбросить из головы все эти глупости, а поддержал, поверив в мои силы и талант, за что я всегда буду ему благодарна.

Глава 30

про неурочный день рождения

На календаре был обычный день одиннадцатого апреля. Бодрой походкой я шла к своему кабинету и по пути увидела, что дверь в кабинет Миронова открыта.

– Привет, Миша! – произнесла я, решив сразу же поздороваться со своим коллегой.

– Привет, – ответил он и тут же подскочил с места, не позволяя продолжить мой путь.

Было видно невооружённым взглядом, что эмоции переполняли Миронова, и, чтобы случайно не взорваться, он должен был срочно с кем-то этим поделиться. И поскольку кроме моей скромной персоны перед его глазами никого не было, то мне и предстояло сейчас исполнить для него роль громоотвода.

– Ты даже не представляешь себе, что сегодня произошло! Отдел кадров повесил на доску объявлений поздравление с моим днём рождения!

– Что ж, дело поправимое, – ответила я. – Объявление нужно снять, а отделу кадров сообщить, что они ошиблись с поздравлением на семь месяцев.

– Думаешь, ты самая умная? – подпрыгивая на месте от негодования, произнёс Миронов. – Я всё это давно сделал!

Я же прихожу рано – в 8.20! Поэтому успел и поздравление снять, и отделу кадров всё высказать. Да только к этому времени уже столько людей успело это злосчастное объявление прочитать, что меня теперь на каждом шагу с днём рождения поздравляют! – с чувством произнёс Миронов и с нетерпением посмотрел на меня, ожидая то ли сочувствия, то ли одобрения.

Меня же эта ситуация не могла не позабавить. С Мишей всегда так. Курьёзные неурядицы, в которые он попадает, вызывают в нём не смех, а раздражение и досаду, отчего наблюдать за всем этим становится ещё интереснее. Но вслух сказать об этом я, конечно же, не могла, потому ответила так:

– Миша, ну разве плохо, когда тебя поздравляют с днём рождения два раза в год? Два раза в год тебе приходится слышать приятные слова в свой адрес и два раза в год тебе дарят подарки. Это же прекрасно!

– Ха! – воскликнул Миронов, продолжая негодовать. – Если бы это происходило два раза в год, я бы даже не обиделся, но всё дело в том, что отдел кадров вывешивает поздравление только одиннадцатого апреля, а не четвёртого ноября, как положено. Поэтому в мой настоящий день рождения никто не знает, что меня нужно поздравлять.

– Ну почему же никто? Мы знаем! Нам всё равно, когда отдел кадров вывешивает поздравление на доску объявлений. Весь наш отдел прекрасно осведомлён, что твой день рождения четвёртого ноября, и, согласись, никто из нас ещё

ни разу эту дату не перепутал.

– В том-то и дело, – с грустью в голосе произнёс Миронов.

– Но это уже немало! – ответила я и поспешила покинуть кабинет коллеги, потому что в эту минуту сюда зашёл Антон, и Миша не преминул воспользоваться этим моментом, чтобы поведать утреннюю историю снова.

Прошло несколько часов, и к этому времени Миша успел уже позабыть о том, у него сегодня ещё один день рождения. Закопавшись в груде документов, он сидел и возмущался очередной глупостью, которая попалась ему на глаза, и это возмущение было слышно во всех соседних кабинетах. Нужно было срочно что-то предпринять, чтобы прекратить поток негодования Миронова, перенаправив лишнюю энергию в другое русло. И в этот момент к нам в кабинет вошёл Игорь Королёв из аналитического отдела, и я поняла, что именно он-то сейчас мне и нужен. И не успел Игорь высказать свою проблему, за решением которой он зашёл к нам, как я сама обратилась к нему.

– Игорь, а ты в курсе, что Миша у нас сегодня именинник? Уверена, ты ещё не успел его поздравить.

– Правда? А я и не знал, – ответил Игорь, забыв о своём вопросе, и не откладывая дела в долгий ящик направился в кабинет Миронова.

Я тоже не осталась сидеть на месте, а подскочила с кресла и поспешила вслед за Игорем. Только я не стала входить в кабинет Миронова, оставшись стоять в коридоре, и со сто-

роны наблюдала за развитием событий.

Тем временем Королёв зашёл в кабинет Миронова и, протягивая свою правую руку для рукопожатия, прямо с порога торжественно произнёс:

– Михаил, поздравляю тебя с днём рождения!

Лицо Игоря светилось искренней радостью, и он спешил поделиться своими добрыми чувствами с «именинником». Но не тут-то было! В этот момент «именинник» подскочил с места и, вместо того чтобы поблагодарить своего коллегу за добрые слова, начал возмущаться.

– Ты тоже его увидел? И когда ты только успел? Я ведь снял его! Неужели ты раньше меня пришёл на работу?

Выплёскивая эмоции, Миронов сыпал фразами, не давая Королёву вставить ни слова. Я же поспешила ретироваться, пока меня не поймали на месте преступления.

Вернувшись на своё рабочее место, я села за стол и стала ждать, когда Игорь снова зайдёт к нам, чтобы высказать мне своё недовольство, но так и не дождалась. Вероятно, Миронов так его заговорил, что Игорь и не догадался, что с моей стороны это была всего лишь шутка. Или же он решил, что я тоже была введена в заблуждение ошибкой отдела кадров. Но как бы то ни было, моя шутка достигла цели. Миронов смог выплеснуть свои эмоции и успокоился, а я получила возможность вдоволь посмеяться.

Глава 31,

которая представит читателю НОВЫХ ЛИЦ ЭТОЙ ПОВЕСТИ

Дни шли за днями, народ уходил в отпуска и возвращался из них, но продолжать и дальше мирно работать в Корпорации «Делай то, что не делают другие!» нам не пришлось. В умах сотрудников Министерства прогрессивных идей возникла мысль оптимизировать численный состав всех подчинённых организаций и нашей Корпорации тоже. Предстояла масштабная реорганизация, которая должна была сократить численность сотрудников одних отделов и увеличить численность других, а также повлечь за собой повышение зарплат тем, кто останется работать.

В юридическом отделе всегда было много работы, поэтому нам можно было не беспокоиться о сокращении. Никто из нас не волновался о том, что может потерять место. Вместе с тем, пользуясь случаем, Антон Ершов пошёл на повышение и перешёл работать в отдел межведомственного взаимодействия на должность заместителя начальника отдела. Однако ему следовало немного подождать, потому что штатную структуру нашего отдела тоже расширили, добавив ещё несколько должностей, в том числе и вторую должность заместителя начальника отдела.

Мы надеялись, что её займёт кто-то из нас, что было бы логично, но у руководства Корпорации были иные планы. На должность ещё одного заместителя начальника юридического отдела назначили женщину, которая имела крайне скромный опыт юридической работы, да и образование её оставляло желать лучшего, потому что она закончила один из коммерческих ВУЗов, где главным достоинством были не даваемые студентам знания, а деньги, которые они платили за своё обучение. Да и деньги-то были небольшими.

Звали нашу новую начальницу Натальей Николаевной Вороновой. Она была старше меня всего на год, но выглядела, на мой взгляд, просто ужасно. Она была полной, и тело её было обрюзгшим, как у человека, никогда не занимающегося спортом. Длинный нос, на котором сидели огромные очки. Но не это было самым неприятным в её внешнем виде. Самой отталкивающей деталью её внешности были рот и зубы. Воронова очень много курила, причём делала это прямо в кабинете. Её мелкие зубы покрывал сильный коричневый налёт, и когда она что-то говорила, то запах изо рта был такой, что я старалась не дышать, чтобы не потерять сознание (о своём сверхчувствительном обонянии я вроде бы уже говорила). Разговаривала Воронова исключительно на матерном языке и вела себя как базарная баба, и потому общение с ней превратилось лично для меня в пытку.

До её появления наш отдел был примером того, какой должна быть интеллигенция. Абсолютно все сотрудники на-

шего отдела, независимо от пола и возраста, выглядели безупречно, предпочитая деловой стиль одежды. Все разговаривали друг с другом и с другими людьми исключительно вежливо (за исключением тех немногих случаев выяснения отношений, о которых я уже упоминала). Курила у нас только Юля, но она ограничивалась несколькими сигаретами в день. Все остальные вели здоровый образ жизни, занимались спортом и были примерными семьянинами. Поэтому появление в нашем коллективе такой женщины как Воронова было словно внедрение инородного тела в здоровый организм. Тем более что со временем выяснилось, что эта дама получила свою должность через постель, так как состояла в интимных отношениях с одним лиц, занимавший руководящий пост в Корпорации «Делай то, что не делают другие!». И это притом, что официально Воронова была замужем и имела двоих детей!

И куда только мужики смотрят, когда поддаются власти основного инстинкта? Впрочем, один мой знакомый (а именно, господин Полюшкин, о котором речь пойдёт ниже) говорил, что «мужики двумя головами одновременно думать не умеют, когда одна включается, другая выключается». Наверное, так, но только пострадали от этой страсти ни в чём неповинные люди, которые честно делали свою работу в юридическом отделе Корпорации «Делай то, что не делают другие!», потому что появление Вороновой стало началом конца нашего отдела. Но это случилось не сразу, а пока мы толь-

ко приветствовали в своих рядах новую начальницу, а также других своих коллег – Ольгу Жарикову и Александра Щипачёва, которые пополнили состав нашего отдела.

Александр Щипачёв был молодым человеком двадцати пяти лет. Благодаря связям отца он быстро шёл вверх по карьерной лестнице. Он был неглуп, но всегда выбирал путь наименьшего сопротивления, стараясь, как Фёдор Игнатов, понапрасну не напрягать свои мозги, а пользоваться чужими наработками. Однако в столь молодом возрасте у него уже был солидный опыт судебной работы, потому его и взяли в наш отдел. Но, скажу честно, его опыт немногого стоил, потому что из всех дел, в которых Щипачёв участвовал, он проиграл практически все. Он даже не старался их выиграть. Получая очередное судебное дело, он составлял стандартный иск либо возражения, в зависимости от того, на чьей стороне выступал, и на этом он считал свою работу законченной. Александр честно ходил на все судебные заседания, знал все процессуальные нюансы, но даже не пытался убедить судью в своей правоте. Монотонным голосом он зачитывал подготовленные документы и в прениях не участвовал. На задаваемые вопросы отвечал кратко, а иногда не отвечал вовсе. В итоге ему удавалось выиграть лишь те дела, которые сложно было проиграть, например, взыскание дебиторской задолженности, особенно если расчёт этой самой задолженности готовил кто-то другой. Но поскольку готовность Александра взяться за любое судебное дело всегда бы-

ла стопроцентной, то в глазах нашей новой начальницы, ни разу не бывавшей в суде, Щипачёв выглядел примерным сотрудником, тем более что он никогда с ней не спорил, в отличие от меня, которая считала своим святым долгом отстаивать своё мнение перед всеми, особенно, когда оно основывалось на знаниях права и на положениях Конституции. Но в любом случае я была рада появлению в нашем коллективе ещё одного опытного судьейника, так как это должно было снизить мою рабочую нагрузку.

Ольге Жариковой было тридцать три года. Она была замужем и имела маленькую дочь. Ольга была кандидатом юридических наук, однако весь её юридический опыт носил в основном теоретический характер, так как до прихода к нам она занималась научной работой. Ольга была тихой, скромной девушкой, и мы с ней быстро подружились. Более того, с появлением в нашем отделе этой девушки мне наконец-то удалось избавиться от надоевших справок о проделанной работе, так как теперь их выполнение возложили на Жарикову как на нового сотрудника. Но в то же время, чтобы предоставить Ольге рабочее место, мне пришлось перебраться в другой кабинет и отнюдь не в соседний.

А переселили меня, ни много ни мало, на первый этаж к сотрудникам материально-технического отдела нашей Корпорации. Что общего было между нашими отделами, сказать не могу, но в их кабинете мне выделили стол и стул, и теперь моё рабочее место находилось здесь.

Справедливости ради следует отметить, что Макаров предлагал мне остаться на четвёртом этаже, уплотнив один из наших кабинетов, но это было плохое решение, потому что все кабинеты были маленькими, и дополнительный стол ни в одном из них не поместился бы. Тем более что даже Мишу Миронова уплотнили, посадив к нему Воронову. Мне же предложили укороченный стол, который можно было поставить только в углу, но я решила, что лучше уж буду сидеть вместе с малознакомыми мне сотрудниками МТО, чем уютиться сироткой со своими коллегами. К тому же всем известен солдатский принцип: «Подальше от начальства, поближе к кухне». Вот я и подумала, что если буду меньше мелькать перед начальством, то, глядишь, кое-какие документы будут пролетать мимо меня. И теперь мне предстояло налаживать контакт с новыми товарищами и обустраиваться на новом месте.

Моими новыми товарищами стали Андрей Борисович Полюшкин и Александр Михайлович Уколов. Оба они были старше меня: Полюшкин на год, а Уколов на девять лет, и выглядели они соответственно своему возрасту. Оба были в теле, а Полюшкин вообще был крупным мужчиной, чей вес превышал сто килограммов. Андрей Борисович был женат и имел двоих сыновей, а Александр Михайлович был дважды разведённым мужчиной, и в каждом браке у него родилось по ребёнку. Но при этом оба они – и Полюшкин и Уколов – были бабниками и страшными матершинниками, и моё по-

явление в их кабинете они восприняли как вызов, и вопрос состоял не в том, удастся ли им оказать на меня своё разлагающее влияние, а в том, когда это произойдёт. Но они не знали, с кем имеют дело. Порой за хрупкой внешностью скромной девушки скрывается железный характер, сломить который невозможно в принципе. Но им только предстояло это узнать.

Глава 32, в которой обсуждаются МОЯ ВНЕШНОСТЬ И МОИ предпочтения в отношении представителей мужского пола

Иду я в сторону канцелярии, как вдруг на горизонте появляется Воронова. И хотя я не горела желанием общаться с новой начальницей, спрятаться от неё было негде. Поэтому пришлось натянуть на лицо приветственную улыбку и поздороваться с ней. В ответ Воронова процедила что-то сквозь зубы, после чего стала пристально рассматривать меня, оглядывая с головы до ног, словно надеясь найти изъян в моей внешности, который бы позволил ей сделать мне замечание.

– Мещерякова, ты почему такая тощая? – наконец заявила Воронова, найдя к чему придаться.

– Не такая уж я и худая, – ответила я. – Просто я всегда в одном весе, не поправляюсь и не худею.

– Тебе нужно срочно набрать вес! Сисек совсем нет. Мужикам и посмотреть не на что.

Хотелось мне с ней поспорить, но я сдержалась. Я считаю, что для моей комплекции у меня нормальная грудь. Я ношу бюстгалтер размера 75В, что при весе 49 килограммов

совсем неплохо. У той же Вороновой, полагаю, чашечки в лифчике тоже 2 размера, только весит она килограммов на тридцать больше меня.

– Вот сколько сосисок ты можешь съесть за раз? – продолжала критиковать меня начальница.

– Одну, – ответила я.

– А две сможешь?

– Нет. Две в моём желудке не поместятся.

– А моя трёхлетняя дочь спокойно может съесть две сосиски за один присест. А я съедаю по четыре за раз.

«Вот поэтому Вы носите пятьдесят четвёртый размер одежды, а я сорок второй», – хотела сказать я, но сдержалась, чтобы не спровоцировать начальницу на новый поток упрёков. А когда я вернулась в свой новый кабинет, ко мне с неожиданным вопросом обратился Андрей Полюшкин, заставив мигом забыть неприятный разговор с Вороновой.

– Екатерина Ивановна, а каких мужчин ты предпочитаешь?

Тут следует сказать, что несмотря на свою репутацию, и Полюшкин и Уколов обращались к сотрудникам Корпорации, а особенно к дамам, независимо от их возраста, исключительно по имени-отчеству, что лично мне даже импонировало, так как позволяло сохранять некую дистанцию в общении с новыми товарищами, пока наши отношения ещё не перешли в разряд дружеских.

– Может быть, у тебя есть какие-то особенные требования

к мужчинам? – продолжил расспрашивать меня Андрей Борисович.

– Я бы не сказала, что у меня завышенные требования к мужскому полу. Самые обыкновенные, – запросто ответила я.

– Но хотелось бы узнать поконкретнее, – продолжал настаивать Полюшкин. – Вот, например, мы с Александром Михайловичем могли бы тебе подойти?

– Вряд ли, – ответила я. – Только не обижайтесь, мальчишки. Это исключительно мои тараканы, и вас они никоим образом не касаются.

– Но не могла бы ты всё же озвучить свои требования, чтобы мы с Александром Михайловичем уже точно знали, под какие именно стандарты мы не подходим, – не желал успокаиваться Андрей Борисович.

Несмотря на то, что я вот уже семнадцать лет была замужем, мой законный супруг не являлся героем моих снов. Да, я ошиблась с выбором мужа, но уйти от него, имея на руках двоих детей, но не имея никакой жилплощади и даже перспективы получить её, я тоже не могла. И хотя я старалась быть примерной женой и делать для этого всё, но не могла запретить себе мечтать. Возможно, однажды я стану свободной и смогу позволить себе встречаться с другими мужчинами, но когда это случится, и случится ли вообще, я не знала. Но в любом случае Андрея Полюшкина сейчас интересовал не тот человек, за которым я была замужем, а тот, с кем хо-

тела бы быть, если бы мне представился шанс всё изменить.

– Что ж, попробую перечислить, – немного подумав, ответила я. – Хотя никакого идеального образа в моей голове нет, но всё же есть такие моменты, на которые я всегда обращаю внимание при общении с мужчиной.

И я немного отодвинула стул от стола, чтобы иметь больше свободы для манёвра в разговоре, и, приподняв правую руку для убедительности, начала перечислять.

– Во-первых, он должен быть моложе меня. Не люблю стариков. Во-вторых, он должен следить за своим здоровьем. Старая развалина мне ни к чему. В-третьих, он должен заниматься каким-нибудь видом спорта. Абсолютно любим. Потому что это дисциплинирует и заставляет быть в хорошей форме. В-четвёртых, у него должны быть голубые глаза. И хотя этот пункт необязательный, но желательный, потому что у меня слабость к голубоглазым парням. И в-пятых, – произнесла я, глубоко вздохнув, чтобы перевести дух, и, приподнимая левую руку, продолжила жестикулировать, – у него должен быть соответствующий уровень интеллекта. Совсем необязательно, чтобы он был гением, но он не должен быть идиотом, это точно, потому что общение с тупыми людьми меня бесит.

– Александр Михайлович, ты обратил внимание, на размер, который Екатерина Ивановна показала, когда говорила об интеллекте? – произнёс Андрей Полюшкин, поворачиваясь в сторону Уколова. – Я думаю, что даже если мы с тобой

сложим оба своих интеллекта, то до стандартов Екатерины Ивановны всё равно не дотянем. Неудивительно, что она до сих пор не может найти мужчину своей мечты.

– Фу, Андрей Борисович! – посмотрела я укоризненно в сторону своего коллеги. – У тебя на уме одни пошлости!

– Какие пошлости? – грустным голосом произнёс Полюшкин, тяжело вздыхая. – Это жизнь!

Но я не обиделась на Андрея Полюшкина. Наоборот, этот разговор развеселил меня, и я поняла, что могу хорошо поладить с этими двумя мужчинами, сидящими сейчас передо мной. Их уважительное отношение ко мне и в то же время нескрываемый интерес, который они проявляли ко мне как к женщине, приятно будоражил меня, чего я давно не испытывала ни с мужем, ни с другими своими знакомыми и коллегами мужского пола. К тому же, общаясь со мной, ни Полюшкин, ни Уколов, не употребляли матерных слов, что я также списала на своё положительное влияние на этих людей. И это тоже не могло не повлиять на мою самооценку в собственных глазах.

Глава 33

о том, как безобидная игра на телефоне может привести к приобретению нового компьютера

Ранее я уже упоминала о том, на какой «сверхскоростной» технике мне приходилось работать, и как часто мне приходилось прохлаждаться из-за того, что документы открывались на мониторе так медленно, что я просто не знала, чем себя занять. Не могла же я и в самом деле по нескольку раз в день поливать цветы или каждый час пить чай! Поэтому я подседа на одну безобидную игру под названием «Змейка», имевшуюся в моём телефоне.

Когда я работала на четвёртом этаже, подобное времяпрепровождение было невозможным, так как в глазах начальства это означало бы, что у меня мало работы, и это подвигло бы моих руководителей ещё больше загружать меня документами. Но теперь, вдали от этих больших дяденек и тётенек, я могла позволить себе чуть-чуть расслабиться, тем более что мои новые товарищи не осуждали меня за эти невинные слабости и не спешили заложить меня начальству.

В промежутках между нажатиями клавиш своего рабочего компьютера я успевала пройти в среднем пару уровней. И

теперь, пока открывались документы, благодаря игре было проще коротать время.

Но, несмотря на здравый смысл, не позволявший мне вступать в игру, которая бы потребовала от меня каких бы то ни было финансовых вложений, я всё равно причисляла себя к азартным людям, так как всегда очень эмоционально реагировала на неудачи в игре и не останавливалась, пока не добивалась положительного результата. Именно поэтому я часто выражала свои эмоции вслух, когда в игре что-то шло не так. Например, Полюшкин и Уколов часто слышали от меня следующие фразы:

– Ну чего ты двигаешься так быстро? Я же просила тебя двигаться медленней!

– Зачем ты подошёл ко мне сзади? Спереди подходи!

– Вот опять ты пристроился ко мне тогда, когда я тебя не ждала!

Эти парни не знали, в какую игру я играла, оттого их воображение рисовало гораздо более смачные картины, чем те, какие на самом деле были у меня перед глазами. Поэтому однажды Полюшкин не выдержал и подошёл ко мне.

– Екатерина Ивановна, позвольте полюбопытствовать, что за игра Вас так увлекла? А то мы с Александром Михайловичем даже боимся представить себе, что происходит у Вас в телефоне, судя по тем фразам, которые мы от Вас слышим.

– Да, пожалуйста! Смотрите, сколько хотите! – с готовностью протянула я Андрею Борисовичу свой телефон.

И когда он увидел, что загадочной игрой, заставлявшей меня так бурно выражать свои эмоции, оказалась обычная «Змейка», Полюшкин разочарованно произнёс:

– Я ожидал увидеть что-то более интересное.

– Что есть, – пожимая плечами, ответила я.

Однако эти парни видели, что я отвлекаюсь от исполнения документов не от безделья и не от стремления задвинуть работу, а потому что техника, на которой мне приходилось работать, оставляет желать лучшего. Поэтому они, будучи сотрудниками отдела материально-технического обеспечения и зная, что эту проблему легко решить, сами вышли на начальника своего отдела с просьбой выделить мне более мощный компьютер, пригласив его в наш кабинет и наглядно продемонстрировав работоспособность моей техники. В итоге, очень скоро у меня появился новый рабочий компьютер, а я стала ещё более доброжелательно относиться к моим новым товарищам, проявившим ко мне такое участие, которого я не могла добиться у своих коллег и руководителей за несколько лет исправной службы в юридическом отделе.

Глава 34

о том, что если где-то у тебя всё хорошо, то в другом месте неприменно будет плохо

После проведённой реорганизации моя зарплата выросла в полтора раза, а отношения с новыми коллегами с каждым днём становились всё лучше и лучше. Их стремление научить меня ругаться матом и вести более свободный образ жизни привело к обратному эффекту. Со временем и Плюшкин и Уколов не только перестали употреблять в своей речи нецензурные выражения, но и услышав нечто подобное от кого-то другого, тотчас начинали цыкать на него, заявляя, что в нашем кабинете такие слова не произносятся. Я и сама не заметила, как это произошло, но вскоре наш кабинет стал самым культурным местом во всей Корпорации. А наведя чистоту в кабинете, мы всячески её поддерживали. Все столы и шкафы у нас были новыми. Все обращались друг к другу только по имени-отчеству, и никто не позволял себе повысить голос на другого. И я часто ловила себя на мысли о том, что переселение в этот кабинет было моим самым удачным решением за всё время работы в Корпорации «Делай то, что не делают другие!».

Правда, разговоры на тему ниже пояса всё ещё продолжали вестись в нашем кабинете, но я абсолютно спокойно на это реагировала, так как понимала, что запретить какому-либо мужчине думать о сексе, если он не импотент, невозможно в принципе, поэтому нужно воспринимать представителей сильного пола такими, какие они есть, не пытаясь подходить к ним с женской меркой, и тогда жизнь и для тех и для других будет гораздо проще.

Вот, например, как-то раз прямо с утра Андрей Полюшкин, когда в нашем кабинете присутствовал начальник отдела МТО, громко спросил у меня:

– Екатерина Ивановна, а как Вы относитесь к утреннему сексу?

– К сексу я вообще очень хорошо отношусь, особенно к утреннему, – не моргнув глазом ответила я, заслужив полное одобрение всех присутствующих мужчин.

Однако в жизни не бывает так, чтобы всё было хорошо. И если где-то твоя жизнь налаживается и упрощается, то в другом месте всё будет только ухудшаться.

Не знаю почему, но Воронова сразу невзлюбила меня. Никого она так не загружала работой и ни об кого так не вытирала ноги, как об меня. Кичась своей безграмотностью, эта женщина всё время спорила со мной, стремясь опустить меня на свой уровень. Но ей это не удавалось.

Без мата не обходилось ни одно произнесённое ею предложение, и я заметила, что и наши юристы, речь которых до

появления Вороновой всегда отличалась интеллигентностью и вежливостью, растеряла все свои достоинства. Все тоже стали употреблять мат и перестали уважительно относиться друг к другу. В случае малейшего разногласия каждый вспыхивал, словно спичка, и начинал обвинять другого в глупости и некомпетентности, хотя ранее, если подобное случалось, каждый вежливо объяснял своему собеседнику свою точку зрения, пытаясь переубедить его с помощью знаний, а не с помощью оскорблений. Разлагающее влияние Вороновой стало сказываться во всём, но никто, кроме меня, этого не замечал. Я же старалась поменьше бывать на четвёртом этаже, чтобы случайно не стать участником очередного скандала или выяснения отношений, которые теперь стали обыденностью. Но совсем избежать неприятных встреч с Вороновой мне не удавалось, так как, словно нарочно, Макаров поручил этой женщине курировать моё направление деятельности.

Вот, к примеру, сегодня мне нужно было подготовить письмо в Министерство прогрессивных идей, и поэтому я, отложив в сторону остальные документы, оперативно набросала проект письма. Когда всё было готово, я распечатала его на принтере и побежала показать Вороновой результаты своих трудов.

Как обычно мне пришлось выдержать получасовое ожидание, пока начальница не закончит раскладывать пасьянс на экране своего компьютера, затем не обсудит с подругой

по телефону свой последний визит к парикмахеру, после чего Вороновой потребовалось срочно покурить, пока наконец не дошла очередь и до моего письма.

Не предлагая мне сесть, Воронова положила документы себе на стол и начала медленно читать, глядя на текст сквозь толстые стёкла своих очков.

– Я не поняла, что это за фраза? – через несколько минут произнесла она недовольным голосом и тыкнула пальцем на середину письма.

– Какая фраза? – уточнила я, наклоня голову к документу.

– Вот эта! – сказала Воронова и зачитала. – Закрытый перечень. Что это?

– Как что? Это юридический термин, – растерялась я, не зная, как лучше объяснить начальнице то, что знает каждый студент-второкурсник, обучающийся в юридическом ВУЗе. – Перечень может быть открытым и закрытым. Открытый перечень подразумевает, что возможны какие-то дополнения, а закрытый перечень нельзя дополнять. Разрешено только то, что в нём указано.

– В смысле – исчерпывающий? – недоумённо сказала Воронова, поднимая на меня взгляд.

– В принципе, да, – пожимая плечами, ответила я.

– Так бы и написала! А то придумала какой-то закрытый перечень! Вот и догадайся, что ты имеешь в виду!

– Но это официальный термин! – пыталась я отстоять

свою позицию. – Он употребляется в законодательстве! И поскольку мы пишем официальный ответ в Министерство, то и употреблять должны те слова, которые приняты в деловой переписке, а не в разговорной речи!

– Но к твоему сведению, я в первый раз слышу это слово и понятия не имею, что оно означает! Но зато я прекрасно знаю слово «исчерпывающий»! И именно его я и хочу видеть в тех документах, которые визирую! – повышая голос, рявкнула Воронова.

– Но мы же пишем письмо не древней старушке с тремя классами образования! – продолжала спорить я с начальницей, так как её невежество уже начало бесить меня. – Мы – юристы, и пишем письмо таким же юристам, как и мы! И потому должны составлять свой ответ, дословно цитируя нормы законодательства, а не переиначивая их на общедоступный язык!

– Ты посмела сравнить меня с необразованной старухой? – вскричала Воронова. – А сама-то ты кто? Неуч? Посмела спорить со мной! Кто ты и кто я! Одно моё слово и завтра тебя здесь не будет! Иди, исправляй письмо! А если ещё раз посмеешь мне перечить, можешь распрощаться со своим местом!

Всё это она скрепила целым рядом непечатных ругательств, и мне пришлось пулей выскочить из её кабинета, чтобы прекратить поток сыпавшихся на меня оскорблений.

Вот так! Я думала, что разговариваю с взрослым образо-

ванным человеком, а оказалось, что я говорю со склочной бабой, которая только и умеет, что устраивать скандалы на пустом месте да оскорблять подчинённых сотрудников.

Но больше всего в этой ситуации меня поразило поведение Михаила Миронова, чьё рабочее место находилось в том же кабинете. Он слышал, как со мной разговаривала Воронова, понимал, что она не права, но даже не пытался вмешаться, ни как руководитель, ни как мужчина. И если вы думаете, что после моего ухода он провёл с Натальей Вороновой профилактическую беседу о том, как должен вести себя руководитель с подчинёнными сотрудниками, то вы ошибаетесь. Если бы на моём месте оказалась Лена Буроватых, то смею вас уверить, Миша потом битый час рвал бы на себе рубашку, пытаясь защитить честь любимой девушки. Но ко мне он не испытывал никаких нежных чувств, поэтому ему было всё равно, как со мной обращаются другие. Но по счастью, теперь у меня появились свои защитники, которые никогда не отказывались мне помочь и заступались за меня перед другими. Это Андрей Полюшкин и Александр Уколов. Но, к сожалению, они не имели никакого отношения к работе юридического отдела, а с Вороновой вообще не пересекались, поэтому и разбираться с ней мне предстояло самой.

Глава 35, которая раскрывает читателю «закон звонящего телефона»

Заканчивался воскресный день, и я уже приготовила всё для предстоящей рабочей недели: постирала и погладила одежду, закупила продуктов и приготовила еды на ближайшие два-три дня, позанималась с детьми. И теперь я наполнила ванную горячей водой и сама улеглась в ней, чтобы немного расслабиться перед сном. И тут я услышала, как звонит мой мобильный телефон.

Мгновенно выпрыгнув из ванной, я приоткрыла дверь и крикнула детям:

– Срочно принесите мой телефон!

Дети уже давно знали, что если мама не ответит на звонок, то ей очень сильно достанется от начальства, поэтому дочь быстро встала из-за компьютера и побежала в коридор, где взяла с полки мобильный телефон и сразу же передала его мне. Нырнув снова в ванную, чтобы не замёрзнуть, я взглянула на дисплей.

Как и ожидалось, это был звонок от Вороновой.

– Слушаю, Наталья Николаевна, – произнесла я в трубку.

– Мещерякова, что у тебя с письмом в Министерство с нашими предложениями по улучшению работы Корпорации? –

сразу же спросила Воронова.

– Не знаю, – честно ответила я.

– Как это «не знаю»? Ты что это, вздумала грубить начальству? – продолжила разговаривать в своём духе Воронова.

– Я не знаю, потому что у меня на исполнении ежедневно находится около тридцати документов. И естественно, я не могу постоянно держать в голове информацию по каждому из них. К тому же сейчас воскресенье. Девять часов вечера. Я лежу у ванной. Вот когда завтра я приду на работу и посмотрю в свой ежедневник, то скажу Вам о том, какую работу я проделала по каждому из документов, – ответила я, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Удивляюсь тебе, Мещерякова! Начальник звонит тебе, чтобы поинтересоваться судьбой документа, а вместо ответа ты рассказываешь о том, что лежишь в ванной?

– Я сказала об этом, чтобы напомнить, что сейчас воскресный вечер. И если Вам в это время нечем занять свои мысли, кроме как рабочими документами, то у меня, знаете ли, есть и другие дела.

– Я так понимаю, ты опять в своём репертуаре, Мещерякова! С тобой просто невозможно разговаривать! Чтобы завтра утром в девять утра была у меня в кабинете с готовым письмом в Министерство прогрессивных идей! Иначе получишь взыскание, – отрезала Воронова, и я услышала частые гудки в трубке телефона.

Да, воскресный вечер был испорчен. Я вылезла из ванной,

вытерлась и поплелась на кухню за успокоительным. Но самое интересное случилось завтра, потому что Воронова никогда не приходила на работу к девяти утра. В лучшем случае, к десяти. Но это не мешало ей заставлять своих сотрудников по часу торчать у двери, ожидая её прихода. И наступивший понедельник не стал исключением.

Целый час вместе с папкой документов и подготовленным проектом письма в Министерство я прождала Воронову у двери в её кабинет, а когда она соизволила прийти на работу, то просто прогнала меня, потому что заявила о том, что прежде чем разговаривать со мной, ей нужно выпить кофе, а моё общество испортит ей аппетит. Так что торопиться бежать к ней ранним утром понедельника было абсолютно бесполезной затеей и стало для меня напрасной тратой времени, которое я могла бы потратить более продуктивно.

С появлением в нашем коллективе Вороновой моя загруженность стала такой большой, что мне довелось познакомиться с таким явлением, которое я назвала «закон звонящего телефона». Он означал следующее. Когда звонил один телефон, неважно, какой: мобильный, местный или городской, то в ту же секунду начинали звонить все остальные, причём для полноты картины в этот момент кто-то заглядывал ко мне в кабинет и говорил:

– Катя, тебя срочно вызывают к Вороновой!

И так было всегда. Я даже выработала алгоритм действий в такой ситуации. Первым делом я смотрела на экран мо-

бильного телефона, чтобы узнать имя того, кто звонит. И если это была не дочь и не воспитатели детского сада, где пребывал мой сын, то я сбрасывала звонок. Мужа я тоже сбрасывала, потому что он никогда не умел быстро излагать свои мысли, а причиной его звонков чаще всего было обычное желание поболтать ни о чём. Затем я поднимала трубку местного телефона, потому что на другом конце провода мог быть кто-нибудь из моего многочисленного руководства, в том числе руководства Корпорации, включая Генерального, которому неожиданно могла понадобиться информация по какому-нибудь судебному процессу, находящемуся в моём производстве. И ради разговора с одним из вышестоящих руководителей можно было опоздать с визитом к Вороновой, которая в любом случае, как бы быстро я к ней не примчалась, нашла бы за что меня упрекнуть. Но если выяснялось, что на другом конце провода был кто-то из коллег, то я просила, чтобы перезвонили позже. А городской телефон в этой ситуации я игнорировала вовсе, потому что это означало, что звонит какой-то посторонний субъект, который вполне может пообщаться со мною позднее.

И после всех этих манипуляций, занимавших по времени несколько секунд, я подскакивала со стула и бежала в кабинет к Вороновой, чтобы выслушать очередную порцию претензий в свой адрес или же получить ещё одну стопку документов для срочного исполнения.

И вот как-то раз, улучив минутку в своём загруженном

графике, я подскочила с места и побежала в туалет. По счастью, одна из кабинок была свободна, и я тотчас забежала в неё. И только я принялась делать свои дела, как зазвонил мой мобильный телефон.

В соответствии с требованиями нового начальства расставаться хоть на минуту с мобильным телефоном было запрещено, поэтому я брала его даже в туалет. И вот когда он зазвонил в самое неподходящее время, я растерялась. Что было делать? Остановиться и выйти из туалета, чтобы поговорить, я уже не могла, но и не ответить на звонок тоже. Поэтому находясь в этой неудобной ситуации, я всё же нажала на кнопку соединения с абонентом и ответила.

– Я слушаю.

На другом конце телефонной линии был Алексей Юрьевич Малышев, начальник юридического отдела в Министерстве прогрессивных идей. Очень хороший человек. И он проявил большую любезность по отношению ко мне, позволив лично. Но если бы он знал, что я сейчас сижу в туалете, пытаюсь справить нужду, возможно, он бы и повременил со своим звонком.

– Екатерина Ивановна, я звоню по поводу документов, которые Вы привозили к нам на согласование. Они уже подписаны, и если они нужны Вам срочно, то можете приехать и забрать их. А если нет, то мы можем отправить их Вам по почте.

– Спасибо, Алексей Юрьевич. Я сегодня же приеду и за-

беру их, – ответила я и выключила телефон.

В этот момент из соседней кабинки донёлся голос Юли Решетниковой, которая оказывается, тоже находилась в это время в туалете.

– Катя, ты закончила телефонный разговор?

– Да, – ответила я.

– Значит, я могу спокойно слить воду? – снова переспросила Юля.

– Конечно, можешь. А в чём проблемы?

Вместо ответа я услышала шум сливающейся воды, после чего Юля вышла из кабинки.

– Я вообще-то могла нажать на кнопку слива и во время твоего разговора с Алексеем Юрьевичем, – обращаясь ко мне, продолжила говорить Юля. – Но подумала, что это будет не очень-то красиво.

– Да, ты права, – ответила я, заканчивая свои дела в туалете и выходя из кабинки.

– Катя, в следующий раз, пожалуйста, не бери телефон с собой в туалет! И уж тем более не нужно разговаривать по нему, когда ты находишься в кабинке. Ведь тем самым ты ставишь в неудобное положение не только себя, но и других!

– Ох, Юля, я бы с радостью! Веришь, я даже готова прямо сейчас выкинуть телефон в окно! Да только кто мне это позволит? Это тебя курирует Миронов, а он всегда проявлял больше понимания к нуждам других, чем Воронова. А она так гайки закручивает, что и дышать трудно. Она требует,

чтобы все её подчинённые сотрудники были на связи с руководством круглые сутки. И на работе и дома. В противном случае нас накажут. Неужели ты думаешь, что я по своей воле хожу с телефоном в туалет?

– Как всё плачевно, – ответила Юля и, вымыв руки, вышла из туалетной комнаты.

А я же помчалась к руководству, чтобы доложить о звонке Алексею Юрьевича начальству и затем лететь в Министерство за подписанными документами.

Глава 36

о том, что даже кусок торта может стать поводом для демонстрации власти

– О чём думаешь, Екатерина Ивановна? – спросил меня Андрей Полюшкин, когда я оторвала взгляд от монитора и посмотрела в окно.

– Да всё о нём, – задумчиво ответила я.

– О ком? – недоумевающим тоном спросил Андрей.

– Не о ком, а о чём, – поправила я его. – О процессе, конечно же.

– А каком ещё процессе, позволю себе спросить?

– Как о каком? О судебном, конечно же! У меня в производстве сейчас только один процесс.

– А-а, – протяжно произнёс Полюшкин. – А я-то подумал, мало ли какой процесс может быть у Екатерины Ивановны? А, главное, с кем?

– Как с кем? С антимонопольной службой, конечно! С кем ещё у меня может быть процесс?

– Не знаю. Дело-то молодое! – ответил Андрей, хитро улыбаясь.

– А у тебя всё одно на уме, – ответила я, улыбаясь в ответ.

– Само собой. А разве что-то ещё может меня волновать?

– Весело мне с тобой, Андрей Борисович!

– Прямо обхохочешься, – ответил Полюшкин без тени иронии.

В тот день был день рождения у Антона Ершова, бывшего сотрудника нашего отдела. И поскольку за несколько лет совместной работы мы сдружились, то решили, что следует его поздравить, несмотря на то, что теперь он – член другого коллектива.

С утра мы собрали деньги и потом должны были все вместе пойти в кабинет Антона, чтобы вручить ему наши поздравления. Но Воронова решила, что для меня будет слишком много чести участвовать в столь приятном мероприятии, где каждому может перепасть по куску торта или даже чего повкуснее, поэтому в спешном порядке отправила меня с документами в ФАС.

И хотя десять-пятнадцать минут ничего не решали, задержаться даже на это короткое время Воронова мне не позволила, из-за чего мне пришлось оставить своих коллег заниматься более приятными делами, а самой помчаться в ФАС.

Сделав то, что было велено, я не торопясь двинулась обратно в Корпорацию. На календаре было начало июля, и я медленно шла, подставляя лицо летнему солнышку и наслаждаясь свободой. Но тут моё прекрасное настроение было прервано звонком мобильного телефона. На экране высве-

тилась фамилия «Воронова», что не предвещало ничего хорошего.

– Да, Наталья Николаевна, – сказала я в трубку.

– Мещерякова, ты там далеко? – услышала я в ответ голос начальницы.

– Нет, – ответила я. – Уже вышла из метро и подхожу к зданию Корпорации.

– Очень хорошо, – сказала Воронова. – Живо бери ноги в руки и поднимайся на четвёртый этаж в кабинет Антона Николаевича. Я жду тебя здесь.

Услышав эти слова и тон, которым Воронова их произнесла, моё сердце снова сжалось от недобрых предчувствий. Когда эта женщина говорила таким тоном, то для меня это означало срочное поручение, которое необходимо было выполнить ещё вчера. Поэтому забыв о тёплом солнышке, я спешно убрала телефон в сумку и, что было сил, помчалась к зданию Корпорации, пугая прохожих.

Пройдя через проходную, я посмотрела поверх двери лифта и увидела, что он сейчас находится на пятом этаже. И чтобы не терять драгоценное время на ожидание, я побежала на четвёртый этаж по лестнице.

Запыхавшись от бега на каблуках, я подлетела к кабинету Ершова и, постучавшись, открыла дверь. Внутри был весь наш отдел, включая Воронову, и все они сидели с чашками в руках и пили чай с тортом. Увидев меня, Воронова отставила в сторону свою кружку и произнесла строгим голосом:

– Мещерякова, как съездила в ФАС?

– Хорошо, – пытаюсь отдышаться, ответила я сбивчивым голосом. – Все необходимые документы я сдала, а копии с отметками о получении привезла обратно.

– Это похвально, – сказала Воронова. – А теперь беги в свой кабинет за кружкой и возвращайся сюда есть торт. Как видишь, пока тебя не было, мы поздравили Антона Николаевича, и он решил угостить нас тортом.

– Зачем же Кате бежать на первый этаж, а затем возвращаться обратно, когда у меня в кабинете есть запасная кружка, – вмешался в разговор именинник. – Катя, присаживайся на свободное место и бери себе торт, – сказал Ершов, поднимаясь со своего места, чтобы достать ещё одну кружку.

– Нет! – тут же одёрнула его Воронова, тоже поднимаясь со стула и хватая Антона за рукав. – Мещеряковой совершенно несложно сходить в свой кабинет за кружкой! Антон Николаевич, Вы же не хотите, чтобы Вам потом пришлось мыть посуду за моими сотрудниками?

Если бы я могла, то впечатала бы этот торт в лицо Вороновой за то, что она пригнала меня сюда, как шавку, лишь для того, чтобы показать остальным свою власть надо мной.

Сжав зубы, чтобы не сказать лишнего, я посмотрела на своих коллег, которые здесь сидели. По их лицам было видно, что от всей этой ситуации они испытывают ещё большую неловкость, чем я. Опустив глаза, мои товарищи разглядывали дно своих кружек так, словно там было что-то интерес-

ное. Даже Антон Ершов стоял за своим столом потупив глаза.

И хотя я очень люблю сладкое, но решила не давать Вороновой возможность до такой степени помыкать мною.

– Спасибо, Антон, за торт, но я вынуждена отказаться. У меня слишком много работы и совершенно нет времени на чай. Поэтому, с вашего позволения, я вернусь в свой кабинет, чтобы продолжить работу, – ответила я и, чтобы Воронова не успела меня остановить, вышла из кабинета и закрыла за собой дверь.

Еле сдерживая обиду, на дрожащих от гнева ногах, я направилась к лестнице и медленно спустилась на первый этаж и незаметно нырнула в свой кабинет. По счастью, ни Полюшкина, ни Уколова там не было, поэтому я могла вдоволь нареветься. А приблизительно через час, когда я пошла в туалет, то столкнулась там с Юлей Решетниковой.

Я хотела быстренько нырнуть в кабинку, чтобы лишиться Юлю возможности сказать что-то, что мне не понравится, но не успела.

– Катя, я хотела бы извиниться перед тобой за всех нас, – произнесла она, чем несказанно удивила меня.

– Юля, ты о чём? – спросила я её.

– Я о сегодняшней ситуации на дне рождения Антона, – без тени иронии и сарказма грустным голосом ответила Юля. – Воронова унизила тебя при всех, а мы ни слова ей не сказали. Когда ты вбежала в кабинет с красным лицом, а она

снова заставила тебя бежать на первый этаж за кружкой, просто для того чтобы показать всем, что она имеет право тебе приказывать, а ты обязана ей подчиняться, это было словно плевок в лицо. Поверь, мы все чувствовали себя ещё хуже, чем ты. Воронова – плохой человек! Она пытается тешить свои комплексы за твой счёт. Ты помни об этом и постарайся не принимать близко к сердцу её слова.

– Спасибо, Юля, – сказала я. – Я думала, что никто не замечает того, как Воронова помыкает мной.

– Да нет. Все видят, да только сказать боятся, – невесёлым голосом произнесла Юлька и, вымыв руки, вышла из туалета.

Я же быстренько нырнула в кабинку и, закрыв за собой дверь, снова разревелась. Вот, оказывается, как обстоят дела! Я-то надеялась, что все неприятности с начальством является моими сугубо личными делами, которые никого не касаются. Но оказывается, это давно уже стало общественным достоянием. И тот факт, что симпатии коллег находятся на моей стороне, не меняет сути дела, потому что быть объектом всеобщей жалости – не самая лучшая перспектива. Лучше бы никто ничего не замечал, и тогда мне было бы легче нести свой тяжкий крест. Но, к сожалению, Воронова выносит все свои жестокие поступки на всеобщее обозрение, как демонстрацию своей власти, и я ничего не могу с этим поделать. Лишь ждать. Смириться и ждать.

Глава 37

о море, о солнце и о телефонных звонках

Среди всех этих чёрных будней, которые мне пришлось пережить, настал день, когда восход солнца стал предвещать мне только хорошее. Мой отпуск, который должен был начаться со дня на день, наконец-то наступил.

Конечно, будь воля Вороновой, мне бы вообще пришлось забыть об отпуске, но график составлялся ещё тогда, когда её не было в нашей Корпорации. Да и утверждён этот график был Генеральным директором, так что идти против воли самого главного человека в нашей организации Воронова не решилась.

Более того, чтобы отпуск действительно был отпуском, я купила билеты на юг, чтобы и дети отдохнули на море, да и у моего начальства не возникло искушений вызывать меня на работу каждый день. А такое у нас практиковалось.

Лучших работников, которых, по идее, должны всячески поощрять и ценить, в нашей Корпорации выжимают, как лимон, выпивая из него все соки. За малейшую оплошность наказывают и всё время грозят увольнением. И когда такой человек уходит в отпуск или на больничный, его каждый день выдёргивают из отпуска или с больничного, заставляя приез-

жать на работу и трудиться, пока тот не протянет ноги, причём в прямом смысле этого слова. В нашей Корпорации реально были прецеденты, когда сотрудники умирали от переутомления, просто вернувшись домой с работы, либо в спешном порядке увольнялись, заработав целый букет хронических заболеваний, не позволявших им более трудиться. И чтобы избежать подобной перспективы, я, как могла, старалась беречь себя. Поддерживать свой моральный дух на работе мне помогали Уколов и Полюшкин, а дома я держалась ради детей, которым нужна была здоровая мать.

Я уже решила, что непременно уйду с этой работы, как только сын пойдёт в школу. Может чуть раньше, если получится. Но пока сын был слишком мал, потенциальные работодатели не сильно стремились заполучить меня в свои сотрудники. Мне даже не давали шанса проявить себя, ссылаясь, как и в случае с дочерью, на то, что сотрудница с таким маленьким ребёнком непременно будет всё время отпрашиваться и прыгать с одного больничного на другой. А работая в Корпорации «Делай то, что не делают другие!» я хотя бы получала неплохие деньги и увеличивала свой стаж юридической службы. К тому же после реорганизации нам всем повысили зарплату, и это было весомым доводом держаться за своё место, пока не стало совсем худо.

И вот в первый же день отпуска моя семья в полном составе улетела на море, и я предвкушала хороший отдых, который мы должны были получить, живя в маленьком частном

пансионате в Лоо. Однако мои надежды были напрасными.

Едва мы заселились в номер, мне позвонила Воронова. Но отнюдь не для того, чтобы узнать, как мы долетели, а чтобы сказать, что она уже отписала мне новые документы, которые необходимо исполнить, как только я вернусь.

– Помни, Мещерякова, чем больше ты там бока отлёживаешь, тем больше тебе потом придётся отрабатывать! Ради тебя сроки исполнения документов никто увеличивать не будет, так что если хоть один из них будет просрочен, будем рассматривать вопрос о твоём соответствии занимаемой должности!

Вот так! В нашей Корпорации полный штат юристов, но Воронова ведёт себя так, словно я – единственный сотрудник, который способен работать. Правда, иногда мне думается, что так оно и есть.

И подобное продолжалось каждый день. Воронова звонила мне минимум пару раз на дню, чтобы сообщить, что в стопке документов, требующих немедленного исполнения и лежащих на моём столе, очередное пополнение, а заодно чтобы упрекнуть меня в безответственности за халатное отношение к своей работе.

Из-за этих звонков мне приходилось всё время быть на связи и не расставаться с телефоном даже тогда, когда мы ходили на море.

Кстати, из-за подобного самодурства, которое теперь на регулярной основе происходило в нашем отделе, Миша Ми-

ронов утопил свой новенький телефон, когда тоже отправился в отпуск.

Вместе со своей семьёй Михаил поехал на испанский курорт. И для того чтобы даже там оставаться в зоне доступа, он подключил роуминг и купил себе плавки с карманчиком для телефона. И однажды произошло то, что должно было произойти. Отправившись поплавать, Михаил забыл выложить телефон из кармана, а когда вернулся на берег и обнаружил свою оплошность, телефон был безнадежно испорчен. Миша очень переживал по этому поводу, потому что раскошелился на дорогой смартфон, который приобрёл с отпускных денег, но от плавков с предательским карманом всё равно не отказался. И купив новый телефон, продолжал носить его в этих самых плавках, только постарался впредь быть более внимательным.

Я же, извините, не могла носить телефон в купальнике. И когда ходила купаться в море, оставляла телефон на берегу. Правда, на пляже мне приходилось лежать с телефоном в руке, не позволяя себе ни на секунду забыть о рабочих проблемах. Однако тюлений отдых никогда не был мне по душе. Я и на море-то согласилась поехать из-за детей. И чтобы совсем не скиснуть от тоски, я решила разнообразить свой отпуск кое-какими экскурсиями, которые во множестве предлагаются туристам на нашем юге. Но беда была в том, что я не могла себе позволить те туры, маршрут которых проходил вдали от цивилизации, потому что там не было телефонной

связи. Собственно, даже Интернета в нашем пансионате не было – настолько он был маленький. А до ближайшего населённого пункта было три километра. Вокруг были лишь многочисленные открытые кафе и рестораны, частный сектор и дома отдыха. Но экскурсия, на которой я очень хотела побывать, проходила в горах, и агент, продававший нам тур, сразу предупредил, что весь день мы будем вне зоны доступа, и чтобы мы предупредили своих родных и друзей, что они не смогут весь день до нас дозвониться.

За подобный фортель Воронова меня бы убила, но я подумала, что если поехать на экскурсию в воскресенье, то есть шанс избежать гнева начальницы. В конце концов, у неё тоже, насколько мне помнится, есть семья! Вот и пусть проводит время с семьёй, а не за телефонными переговорами с подчинёнными сотрудниками!

В общем, экскурсию я приобрела, но, на всякий случай, предупредила начальницу, что в воскресенье у меня намечен тур по горным тропам, и я буду вне зоны доступа. Всё-таки воскресенье – официальный выходной день, и в Корпорации «Делай то, что не делают другие!» вряд ли возникнет острая необходимость во мне, скромном юрисконсульте Екатерине Мещеряковой.

Услышав об этом, Воронова попытала-попытала, но сильно возмущаться не стала. И в назначенный день мы с семьёй поехали на экскурсию. Телефон же я оставила в номере, поставив его на зарядку.

День удался на славу. Мы вдоволь нагулялись, сделали кучу великолепных фотоснимков, посмотрели красивые места и, усталые и голодные, вернулись в свой номер.

Едва я зашла в комнату, как первым делом взглянула на экран мобильного телефона, чтобы убедиться в отсутствии плохих новостей. Но мои ожидания не оправдались. На экране высветилось четыре неотвеченных вызова от Вороновой и одно сообщение следующего содержания: «Срочно перезвони мне!»

Я ещё раз глянула на календарь, висевший на стене, полагая, что я что-то напутала с датами. Возможно, сегодня – рабочий день, и потому Воронова с лёгкой совестью занимается своим любимым делом: названивает мне с утра до ночи по поводу и без него. Но нет. Календарь свидетельствовал об обратном. Сегодня было воскресенье, а значит, у Вороновой не было ни малейшего повода трезвонить мне. Но когда её это останавливало? Поэтому скрепя сердце я набрала на телефоне номер своей начальницы, которая отчего-то в этот выходной день предпочитала общаться со мной, а не со своей семьёй.

– Мещерякова, ты где целый день шляешься? – вместо приветствия услышала я голос Вороновой, едва в трубке пошло соединение с абонентом.

– Я же Вас предупреждала, что сегодня буду на экскурсии в горах, где нет мобильной связи! Я специально заказала эту экскурсию на выходной день, чтобы не доставлять никому

неудобств на тот случай, если вдруг кому-то понадобится.

– Но ты мне понадобилась! Я весь день не могла до тебя дозвониться! – громовым голосом рявкнула Воронова.

– Но сегодня же – воскресенье! Нерабочий день! – почему-то стала я оправдываться.

– Это для тебя сейчас все дни нерабочие! А я, даже находясь дома, продолжаю думать об интересах нашей Корпорации! – продолжала упрекать меня Воронова.

Я не знала, что ей ответить, поэтому молчала, полагая, что начальница сама пояснит мне причину своих звонков и своего недовольства.

– Мещерякова, ты ещё долго будешь отлёживать бока на море? – не думая о тактичности, поинтересовалась Воронова.

– Ещё неделю, – ответила я, сердцем чувствуя недоброе.

– А не могла бы ты вернуться раньше? Например, завтра? – неожиданно предложила Воронова.

От услышанного я чуть не поперхнулась воздухом. О том, что у Вороновой нет совести, одна наглость, я знала давно. Но о том, что у неё полностью отсутствует логическое мышление, до сегодняшнего дня ещё не успела догадаться.

– Но это невозможно! – воскликнула я. – Я ведь здесь не одна нахожусь, а с детьми! А до аэропорта ехать два часа на такси. И я не могу так просто сорваться с места! К тому же я не уверена, что сейчас, в разгар сезона, смогу обменять билеты на более ранний вылет! С чего вдруг возникла такая

необходимость? К тому же в воскресный день? – выпалила я своей начальнице.

– Потому что у нас слишком много работы, – ответила Воронова.

– Работы у нас всегда много, – произнесла я. – Что ж мне теперь вообще в отпуск нельзя уйти?

– Уйти можно, уезжать нельзя, – строгим голосом сказала Воронова. – Ты должна быть всегда на связи, чтобы в случае необходимости иметь возможность быстро прибыть на рабочее место!

– Но у меня дети! Я не могу всё лето держать их в душном городе! Неужели я не имею права раз в год на две недели вывезти их на море?

– А работать в это время кто за тебя будет?

– Когда я вернусь, то сразу же примусь исполнять все свои документы! – принялась я убеждать начальницу в том, что ей не стоит поднимать панику из-за моего отсутствия на рабочем месте.

– А суды? Вдруг, пока ты там поджариваешь свой зад на солнце, кому-то придёт в голову подать в суд на нашу Корпорацию? И кто в этом случае, по-твоему, должен идти на судебное заседание?

– Щипачёв, – спокойно ответила я.

– Он на следующей неделе уезжает в командировку, – сообщила мне Воронова.

– Значит, – рассудительно заявила я начальнице, не зна-

ющей даже основ гражданского процесса, – можно заявить ходатайство об отложении судебного заседания.

– И кто же его будет делать, по-твоему?

– Кто угодно, – продолжила я растолковывать Вороновой элементарные вещи. – Ходатайство можно подавать в электронном или в письменном виде через канцелярию суда, прикладывая при этом мою доверенность. Или доверенность Щипачёва. А уж доехать до здания суда или набросать ходатайство, состоящее из одного предложения, я думаю, сможет любой сотрудник нашего отдела. Всё-таки у нас работают лица с высшим юридическим образованием!

– Нет, меня это не устраивает, – продолжала проявлять упрямство Воронова. – Если уж ты не можешь выйти на работу завтра, то хотя бы подготовь сегодня это самое ходатайство и сбрось его мне по электронной почте.

– Но у меня нет компьютера! И нет бланков нашей Корпорации, на которых следует писать ходатайство! – еле сдерживая раздражение от общения с тупым руководителем, ответила я.

– Значит, найди! – не отставала от меня Воронова.

– Но какой в этом смысл? Разве кто-нибудь предъявил к нам иск? Или в канцелярию уже поступила повестка о вызове на какое-либо судебное заседание?

– Мещерякова, ты опять меня не слушаешь! – переходя на крик, одёрнула меня Воронова. – Я сказала тебе: вдруг кто-нибудь подаст в суд на нашу Корпорацию, пока ты там

валяешься на пляже! Я хочу предусмотреть все ситуации заранее!

– Но я возвращаюсь в Москву уже через неделю! – снова попыталась я достучаться до рассудка начальницы. – И уже тогда смогу поехать в суд, если конечно, возникнет такая необходимость! Зачем прямо сейчас огород городить? На дворе – середина июля! И большинство судей, также как и большинство других людей, сейчас находятся в отпуске. Это я Вам по опыту говорю! В середине лета судебных заседаний бывает меньше всего! И даже если кому-то прямо сейчас в эту самую минуту захочется предъявить к нашей Корпорации исковые требования, то предварительное слушание по этому делу назначат где-нибудь в конце августа, не раньше. К этому времени мой отпуск, точно так же, как и командировка Щипачёва, давно закончится. И любой из нас сможет со спокойной совестью пойти в суд.

– Как я поняла из твоих слов, Мещерякова, ты там, на море, настолько заплыла жиром, что совершенно не хочешь исполнять моих прямых приказаний! После твоего выхода на работу я буду вынуждена рассмотреть вопрос о твоём дальнейшем пребывании на занимаемой должности, – заявила Воронова и бросила трубку.

С тяжёлым сердцем я положила мобильный телефон на место. Вот зачем, спрашивается, нужно было звонить Вороновой именно сегодня? Чтобы испортить мне настроение после хорошей экскурсии? Видимо, что так. Потому что дру-

гих объяснений её бесчисленным звонкам и грубому тону у меня не находилось.

Остаток моего пребывания на море прошёл точно так же. И я была уже не рада тому, что поехала на юг. Но с другой стороны, если бы я осталась дома, то отпуска у меня не было бы вовсе, потому что пришлось бы весь его провести на работе, не получив никакой компенсации за переработку.

Глава 38

о том, как любовь к математике порой играет горькую службу, когда пытаешься подсчитать подаренные деньги

Вскоре я вышла из отпуска. Около десяти утра к нам в кабинет заглянул Миша Миронов.

– Катя, зайди, пожалуйста, ко мне в кабинет, – сказал он, и я тотчас же поднялась со своего места и отправилась в офис Миронова.

Я знала, зачем он меня позвал, потому что недавно у меня был день рождения, и вот теперь коллеги должны были поздравить меня с этим праздником. И я не ошиблась. Через несколько минут весь наш отдел в неполном составе, поскольку Макаров был в отпуске, а Юлия Решетникова болела, прибыл в кабинет Миши Миронова. В руках у Миронова был букет хризантем, а сам он сиял, как новенький доллар, хотя повода для этого у него не было, так как я терпеть не могла эти цветы и регулярно всем об этом напоминала. Но отчего-то когда дело касалось финансовых трат, все начинали дружно страдать провалами в памяти.

– Катя, поздравляем тебя с прошедшим днём рождения!

Оставайся такой же милой и красивой девушкой, и пусть у тебя всё будет хорошо! – произнёс Миронов и подошёл ко мне, чтобы вручить букет цветов.

Затем он вынул из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул его мне.

– А это тебе небольшой подарок от нашего дружного коллектива!

– Спасибо вам! – сердечно ответила я и в благодарность поцеловала каждого своего коллегу в щёку. – В обеденный перерыв я схожу за тортиком, и мы сможем попить чай, – добавила я.

После этих слов народ разошёлся, и я тоже собиралась уйти, но Миронов окликнул меня.

– Катя, задержись на минутку.

– Да, Миша. Что нужно?

– Поскольку ты была в отпуске, то тебе нужно сдать четыре тысячи рублей.

– На что? – удивлённым голосом спросила я.

– На два дня рождения и ещё двум сотрудникам Корпорации, у которых в этом месяце родились дети.

– Миша, о каких днях рождения ты говоришь? В этом месяце день рождения только у меня!

– Вот именно! Об этом я и говорю!

– Миша, ты шутишь? Ты предлагаешь мне сдать деньги для самой себя? – не веря услышанному, проговорила я.

– Какие шутки? Я же сдал деньги за тебя, и теперь ты

должна мне их вернуть!

– Но я не просила тебя это делать!

– Просила или не просила, теперь неважно. Я деньги сдал, и пожалуйста, верни мне их.

– Ладно. Один день рождения мой, а чей был второй день рождения?

– У Карпова Сергея Мелентьевича – нового заместителя Генерального. У него на прошлой неделе был день рождения, и я сдал деньги за тебя.

– Прости, а этот самый Сергей Мелентьевич сдавал деньги на мой день рождения?

– Разумеется, нет, – тут же сообщил Михаил.

– А почему? – продолжала я вести логическую цепочку.

– Потому что он – руководитель! Как я могу просить его сдать деньги на твой день рождения? Он и знать-то тебя не знает!

– О чём и речь! Ни он меня не знает, ни я его не знаю! Если вы без меня решили его поздравить, то делали бы это от своего имени, а не от моего!

– Мы и поздравили его без тебя, но чтобы собранная сумма была больше, было принято решение сдать и за тех сотрудников, которые отсутствовали!

– Здорово придумано! Вас за ваши деньги, небось, ещё и угостили чем-нибудь, я а-то с какой радости должна тратиться?

– Да, угостили! Но это ничего не меняет! Ты – член нашего

коллектива и должна быть как все. Все сдают деньги и ты должна сдать! – продолжал упорствовать Миронов.

– Ладно, поехали дальше, – сказала я, продолжая рассуждать вслух. – А для кого я должна сдать ещё две тысячи?

– У Ивана Фенькина из бухгалтерии и у Юрия Ходырева из технического отдела родились девочки. И я собирал для них деньги.

– Миша, но ведь с других отделов нам сдают по двести рублей! Тогда почему мы должны сдавать им по тысяче?

– Ты же знаешь, в таких делах никто не устанавливает конкретных сумм! Кто-то сдаёт по двести рублей, кто-то по пятьсот, а я сдал по тысяче.

– Миша, ты мог им всю свою зарплату отдать! Это твоё личное дело. Но почему ты распоряжаешься моими финансами? Я, может быть, сдала бы им по двести рублей, как и они мне, когда у меня родился сын. Почему ты меня не спросил, сколько я хочу дать им денег?

– Потому что ты была в отпуске! – повышая голос, ответил Миронов, которому явно не нравился этот спор.

– Ну и что? Телефон у меня включён круглые сутки! Ты мог со мной связаться в любое время. Например, Воронова это делала каждый день!

– Катя, ну что ты сейчас со мной споришь? Всё это – дело прошлое! Давай не будем выяснять, что я должен был сделать, а что – нет. Просто отдай мне те деньги, которые я потратил.

– Хорошо, я отдам тебе эту сумму, но только впредь больше так не делай. Если меня нет на работе, значит, позвони мне и выясни, кому я хочу сдавать деньги и сколько.

Я положила букет хризантем на стол и открыла подаренный мне конверт, чтобы вынуть оттуда четыре тысячи рублей, но увидев содержимое конверта, новая волна возмущения захлестнула меня. Я протянула Миронову четыре тысячи рублей, которые он тут же убрал в кошелёк.

– Здесь же только шесть тысяч! – воскликнула я, не сдержав неприятного изумления.

– И что тебя в этом удивляет? – непонимающим тоном спросил Миронов.

– У нас в отделе работает десять человек! Так почему же здесь было всего шесть тысяч рублей, если все сдали по тысяче, исключая меня? Причём, как я поняла, за меня ты тоже сдал.

– Ну, во-первых, Макаров не сдавал, – начал оправдываться Миронов.

– А почему? – тут же спросила я.

– Он же в отпуске! – ответил Михаил.

– Я тоже была в отпуске, но почему-то с меня эти деньги удержали!

– Сравнила! Макаров – начальник! Как я могу распоряжаться его деньгами за его спиной?

– А за моей спиной можно? У меня, если ты не забыл, вообще-то двое детей!

– Но на поездку к морю ты деньги нашла? Вот и на то, чтобы сдать деньги своим товарищам тоже найдёшь!

– Миша, ты тоже был на море, но я в твой кошелёк не заглядываю! И не указываю, как и на что тебе тратить свою зарплату! И ты мне тоже не указывай!

– А никто тебе и не указывает! Просто раздай долги и делай со своей зарплатой всё, что хочешь!

Говоря это, Михаил начал выходить из себя, и я поняла, что стоит придержать коней, если я не хочу поссориться с Мироновым. Но беда была в том, что мне очень этого хотелось.

– Ладно. Минус тысяча. Должно быть девять.

– Решетникова болеет, – продолжал рассуждать Миронов.

– Подожди. Если Юлька на больничном, то почему за неё никто не сдал деньги? Она ведь не начальник!

– Да, но за тебя я могу спокойно сдать деньги, потому что знаю, что ты мне их вернёшь, а за Юльку Решетникову я, например, сдавать деньги не хочу, потому что она никогда долгов не возвращает!

– А я-то почему должна страдать из-за этого? Когда у Юльки был день рождения, а мой сын болел, ты сдал ей за меня тысячу рублей и даже не сказал мне об этом, а когда я вышла на работу, просто потребовал с меня эти деньги!

– Я же тебе уже сказал, что сдал за тебя потому, что знаю, что ты всегда отдаёшь долги!

– И именно поэтому меня можно обдирать как липку? –

возмущалась я, не выбирая слов. – Знаешь, Миша, что-то здесь неправильно. Так нельзя поступать!

– А мне непонятно одно, – нервно произнёс Миронов. – Зачем ты сейчас затеяла это выяснение отношений? Мы просто хотели тебя поздравить, а ты вместо благодарности начала упрекать нас за то, что мы мало собрали денег!

– Потому что хочу разобраться, – рассудительно проговорила я. – Понимаешь ли, математика всегда была моим любимым предметом. И когда уравнение не сходится, я должна выяснить, почему. Поэтому я продолжу свои вычисления, – сказала я, продолжая искать пропавшие деньги. – От десяти тысяч отнять две. Получается восемь, а в конверте всего шесть тысяч. Миша, опять не сходится. Кто не сдал деньги?

– Все сдали! – прокричал Миронов. – Можешь проверить!

– И проверю, не сомневайся, – сказала я. – Но может быть, ты упростишь мои поиски и скажешь сразу, кто не захотел сдавать деньги на мой день рождения?

– Все сдали! – снова прокричал Миронов. – У меня всё записано, – добавил он, доставая из нижнего ящика стола скомканную бумажку. – Вот, читай. Миронов – тысяча рублей. Воронова – тысяча рублей. Веников – тысяча рублей. Жарикова – тысяча рублей. Мещерякова – тысяча рублей. Буроватых – пятьсот рублей. Щипачёв – пятьсот рублей.

– Подожди-ка, – прервала я Мишино чтение. – А Фёдор? Почему его нет в списке?

– Потому что у него не было с собой денег! – ответил Ми-

ронов. – Сколько ещё тебе можно объяснять?

– А почему Буроватых и Щипачёв сдали по пятьсот рублей?

– Потому что у них больше не было.

– Ну и что? Они могли занять нужную сумму!

– Значит, не захотели.

– Мало ли что они не хотели! Я тоже, может быть, не хотела бы сдавать им по тысяче рублей, но ведь моего мнения никто не спрашивал!

– Но ты же сдала! Зачем снова поднимать этот вопрос?

– Потому что мне непонятно. Почему молодые сотрудники, которые живут вместе с родителями, сдают по пятьсот рублей, а я, семейная женщина, мать двоих детей, у которой каждая копейка на счету, должна отдавать последние деньги на общественные нужды, лишая своих малолетних детей последнего куска хлеба?

– Опять ты всё преувеличиваешь! Никто у твоих детей последний кусок хлеба не отбирает!

– Миша, это – оборот речи! Да, может быть, мои дети и не умрут с голоду после всех этих поборов, но при этом они могут лишиться того, что принадлежит им по праву! Может быть, этих четырёх тысяч, которые ты сейчас забрал у меня, мне не хватит, чтобы сходить с ними в кафе или на какую-нибудь интересную выставку. Я и так их почти не вижу, просиживая до ночи на работе! Могу я хоть в выходной день нормально пообщаться со своей семьёй?

И тут Миша психанул. Он вынул из кошелька четыре тысячи, которые я ему отдала несколько минут назад, и начал размахивать ими, крича:

– Можешь забрать свои деньги обратно! Я как-нибудь переживу их потерю!

– Миша, я не собираюсь забирать эти деньги, я просто хочу выяснить, отчего происходит такая несправедливость по отношению ко мне! Ведь получается, что я в течение года сдала девять тысяч на дни рождения своих коллег, а точнее десять, учитывая, что с меня удержали даже за мой собственный день рождения. И эта же сумма должна была ко мне вернуться сегодня. А вместо этого ты вручил мне только шесть тысяч, из которых четыре забрал обратно. То есть получается, что я в течение года должна была потратить только две тысячи рублей, которые осталась у меня в конверте.

– А я тебе отвечаю, что мне надоели твои вычисления! Забери свои деньги и уходи отсюда! – продолжал психовать Миронов.

– Не волнуйся, уйду. А деньги оставлю тебе, чтобы ты впредь лишний раз подумал, прежде чем забирать у меня последнее, – сказала я и, схватив со стола букет хризантем, поспешила покинуть кабинет Миронова, пока его гнев не принял более угрожающую форму.

После всех этих вычислений и неприятных открытий мне вообще не хотелось организовывать чай для своих коллег. Но я напомнила себе, что некоторые из ребят всё же посту-

пили честно по отношению ко мне, поэтому ради них стоит купить торт и организовать небольшое чаепитие, коль на большой стол денег у меня всё равно не хватит. Что я и сделала, только вот радости от этого не получила никакой.

Глава 39

о том, как Андрей Полюшкин решает взять себе новую фамилию и против воли позволяет мне узнать о своих тайных страхах

– Вот, Александр Михайлович, я наконец-то выбрал фамилию, которую мне следует взять, – неожиданно начал разговор Андрей Полюшкин в один из наших рабочих дней.

Услышав эту фразу, я отвлеклась от документов, над которыми работала, и наострила уши. Я и подумать не могла, что моего коллегу не устраивает его фамилия, и потому удивилась затеянному разговору, который, вероятно, возникал у моих товарищей не в первый раз.

– И что это за фамилия? – поинтересовался Уколов.

– Пердяш, – торжественно объявил Полюшкин. – Теперь я буду Андрей Борисович Пердяш.

Не сдержав эмоций, мы с Уколовым прыснули.

– Андрей Борисович, что за странная фантазия взбрела тебе в голову? – спросила я у Полюшкина.

– А что? Хорошая фамилия! Подходящая, я бы сказал, – без тени иронии ответил мой коллега.

– Это ж надо было постараться, чтобы выдумать такую фа-

милию! – сказала я.

– Ничего я не выдумывал! – насупившись, сообщил мне Полюшкин. – Вот, сама посмотри!

И он протянул мне письмо одного из наших низовых подразделений, подписанное его начальником. И к моему величайшему изумлению, фамилия этого самого начальника была действительно Пердяш. Но я всё равно не могла поверить увиденному и потому подняла листок вверх, чтобы посмотреть на просвет. Вдруг какая-то буква не пропечаталась? Но нет. Все буквы были на месте, и оставалось признать, что у какого-то начальника и в самом деле фамилия Пердяш, и он нисколько этого не стесняется.

А тем временем Александр Уколов тоже захотел посмотреть на диковинную фамилию и тоже не мог поверить своим глазам.

– Я, конечно, всё понимаю, – комментируя новость, сказала я, – но если бы у меня была такая фамилия, я бы её сменила. Или уж, во всяком случае, постаралась устроиться на работу, где мне не нужно было бы каждый день её называть либо выставлять на всеобщее обозрение.

– Люди бывают разные, Екатерина Ивановна! – ответил мне Андрей Борисович, забирая у Уколова письмо, подписанное человеком с удивительной и немного неприличной фамилией Пердяш, а я подумала про себя, что зря Полюшкин не доволен своей фамилией, которая лично мне очень даже нравится.

Однако после столь веселой истории рабочее настроение у нас пропало, и мы продолжили болтать на отвлечённые темы, и Александр Михайлович решил поделиться со мной одним занятным эпизодом, свидетелем которому он стал, пока работал с Андреем Полюшкиным.

– Однажды затеяли мы перестановку в нашем кабинете, – начал Уколов свой рассказ. – Стали двигать столы, и тут из-под урны с мусором выбежал таракан. Не успел я и глазом моргнуть, как Андрей Борисович тут же запрыгнул на стол. Я даже не понял, как это произошло, а он уже стоит на столе и показывает пальцем на таракана.

Слушая рассказ Уколова, я живо представила себе эту сцену и не могла удержаться от смеха. Крупный, грузный Андрей Борисович, стоящий на небольшом деревянном офисном столе, – картина поистине комичная.

– Я даже не думал, что наш Андрей Борисович может так лихо запрыгивать на стол! – продолжал тем временем Александр Михайлович. – И главное, стол его выдержал!

– И чем всё закончилось? – поинтересовалась я.

– Ну, он отказывался слезть со стола, пока я не уберу таракана, – поведал Уколов. – Причём таракана нужно было непременно выбросить в окно, иначе Андрей Борисович отказывался спускаться на пол.

– И как? Ты выкинул таракана в окно? – продолжила я выведывать подробности этого забавного происшествия.

– Вообще-то я не хотел этого делать, так как мне было

интересно узнать, как долго Андрей Борисович сможет про- вести, стоя на столе. Но потом зашёл наш начальник, и при- шлось выкинуть таракана в окно, чтобы Андрей Борисович смог спуститься на землю.

Всё это время Полюшкин сидел с непроницаемым лицом, словно разговор его вообще не касался, а мы с Уколовым вдосталь насмеялись. Никто из нас и не думал упрекать Ан- дрея Борисовича в том, что он боится тараканов. Нам про- сто была интересна сама ситуация, когда большой дяденька, словно лёгкая серна, запрыгивает на мебель, чтобы избежать встречи с крошечным насекомым, который заведомо не при- чинит ему никакого вреда.

Глава 40

О ТОМ, КАК Я ПЫТАЮСЬ СПЛАНИРОВАТЬ СВОИ НОВОГОДНИЕ КАНИКУЛЫ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫХОДИТ

На дворе стоял октябрь, и следовало уже начать решать вопрос с новогодними каникулами. Признаться, для меня это очень животрепещущая тема, потому что официально эти дни являются выходными, и, по идее, никаких проблем с планами на этот период времени у людей быть не должно. Но это только в теории всё так замечательно, потому что на практике мне уже приходилось работать и 31 декабря до десяти часов вечера, и 1 января с девяти часов утра до поздней ночи, и в другие январские дни. Потому что конец года всегда предвещает огромный объём работы, с которым невозможно справиться, если свалить весь его на одного человека в последний предпраздничный день года. И к сожалению, этим несчастным энтузиастом, проводящим все праздничные дни на работе, всё время оказывалась я, благодаря особому вниманию руководства к моей скромной персоне. Так что в моей жизни уже были сорванные новогодние ёлки и пропавшие билеты на новогодние представления, на которые я должна была пойти вместе с детьми, но на которые ни мне,

ни детям так и не удалось попасть. Поэтому я стала хитрить.

Поскольку руководство никогда не позволяло мне отгулять весь отпуск целиком, то я специально стала оставлять несколько дней заслуженного отдыха на конец года и оформлять остатки своего отпуска на новогодние праздники.

На работе меня никто не понимал. Все утверждали, что эти дни и так считаются выходными, и глупо брать отпуск в это время. Может быть, кому-то и в самом деле это было невыгодно, но только не мне, потому что благодаря этому манёвру я могла спокойно встретить Новый год дома со своей семьёй, могла посетить все новогодние ёлки, на которые удавалось достать билеты, могла, в конце концов, выспаться без опасения, что меня неожиданно вызовут на работу доделывать чей-то отчёт.

Правда, эта хитрость спасала меня только в первое время. С появлением в нашем коллективе Вороновой мои трудовые права стали попирацца на каждом шагу. Для неё отпуск не был святым правом человека на отдых. Она стала постоянно вызывать меня на работу и в выходные дни и в отпускные. Поэтому мне пришлось пойти на новую хитрость. Конечно, это могло влететь мне в копеечку, но зато результат того стоил. Я решила проводить отпуск за границей. Причём выбирать те страны и те маршруты, куда сложно было добраться и, соответственно, вернуться, чтобы у начальства не возникло искушения вызвать меня из отпуска. Именно поэтому такие страны как Турция, Египет, Таиланд и даже Финляндия

не рассматривались мной в принципе, потому что самолёты туда летают несколько раз в день.

В нашей Корпорации уже бывали подобные прецеденты, когда одного сотрудника вернули из Финляндии, потому что потребовалось его срочное присутствие на работе, а другого – из Турции. Причём никакой компенсации за пропавшие путёвки им не заплатили. И если вы думаете, что это были действительно экстраординарные случаи, которые грозили плачевными последствиями, если бы эти люди так быстро не вышли на работу, то вы ошибаетесь. Просто их начальникам было лень перепоручать эту работу другим сотрудникам. Из-за этой неправильной политики в распределении должностных обязанностей получалось, что по факту всего лишь несколько сотрудников Корпорации «Делай то, что не делают другие!» выполняли всю работу, а остальные лишь перебирали бумажки да получали зарплату. И беда была в том, что каким-то невероятным образом я попала в число этих самых бедолаг, на которых всё наваливалось, но которые всегда всё разгребали. Причём делали это быстро и в лучшем виде.

Воронова даже сама как-то обмолвилась, что специально поручает всю работу мне, потому что за мной не нужно проверять и следить, чтобы я сделала работу в срок. С другими сотрудниками юридического отдела это не проходит, так как любой из них мог в последний момент завалить самое ответственное дело и умудриться напортачить даже там, где это

невозможно сделать в принципе. Я же была безупречным работником с высокой исполнительской дисциплиной. А если иногда и позволяла себе спорить с начальством, так эту проблему Воронова решала оскорблениями в мой адрес и угрозами выгнать с работы. Все знали, что молодым мамочкам сложно найти себе высокооплачиваемую работу, вот начальство этим и пользовалось. Но обращаясь со мной подобным образом, они не хотели думать, что любому, даже ангельскому терпению приходит конец. И когда он наступит, мне будет плевать на все их угрозы, потому что я сама предпочту уйти, чем буду продолжать терпеть все эти издевательства, которым меня подвергают в этой Корпорации.

И вот, пораскинув мозгами, я подумала, что наилучшим решением для отдыха в новогодние праздники будет речной круиз по Европе. В таких путешествиях и со связью могут быть проблемы, да и возвращаться в столицу из какой-нибудь провинциальной европейской деревушки будет сложно-вато, если Вороновой или какому-нибудь другому руководителю вздумается срочно вызвать меня на работу.

И я нашла очень интересный тур. Речной круиз по Рейну в период с 30 декабря по 5 января. Круизная компания предлагала за это время посетить четыре страны: Швейцарию, Францию, Германию и Нидерланды. В общем, не тур, а мечта. И если мы хотели всё это увидеть, то следовало забронировать этот тур, не откладывая дела в долгий ящик. Но для этого простого дела существовала одна маленькая, но

неприятная засада в лице Натальи Николаевны Вороновой. И засада состояла в том, что она никогда не подписывала мне заявление на отпуск заранее. Только впритык.

Однако в этом прекрасном туре всё обстояло не так просто. Во-первых, места на теплоход разбирались очень быстро, и в последний момент их могло не остаться вовсе. А во-вторых, для этого тура требовалась немецкая мультивиза, а из всех европейских государств Германия является страной с самым строгим визовым режимом. Сотрудники немецкого посольства всегда очень долго и тщательно изучают кандидатуру каждого въезжающего в их страну туриста. Для них требуется масса дополнительных документов, которые призваны убедить их в благонадёжности и финансовой состоятельности всех туристов. Поэтому если я поздно подам документы на визу, то, вероятнее всего, я её не получу. Так что нужно было решать этот вопрос, не откладывая. А для этого следовало поговорить с Вороновой о своём новогоднем отпуске, чтобы хоть попытаться заручиться её устным согласием. Выбрав момент, когда Воронова была в более или менее благодушном настроении, я обратилась к ней с вопросом.

– Наталья Николаевна, я хотела бы у Вас кое-что спросить, – аккуратно произнесла я, чтобы посмотреть на реакцию, которую произведут на неё мои слова.

И поскольку она сразу же не выгнала меня из кабинета и не наорала, осыпав оскорблениями, я решила продолжить.

– Может быть, Вы помните, что у меня остались неисполь-

зованные дни от отпуска, и я хотела бы использовать их во время новогодних праздников.

Воронова посмотрела на меня как на полоумную, а затем повернула голову в сторону календаря, висевшего у неё за спиной.

– Мещерякова, на дворе октябрь! Зачем ты сейчас ко мне пришла?

– Понимаете, Наталья Николаевна, я хотела бы в этот период вместе с семьёй поехать в речной круиз по Европе. Бронировать тур нужно сейчас. Потом я могу не успеть собрать необходимый пакет документов для оформления визы.

– А я здесь при чём? – снова спросила Воронова.

– Дело в том, что этот тур довольно-таки дорогой, и мне хотелось бы иметь гарантию того, что заплатив эти деньги, я их не потеряю, потому что меня не отпустят в отпуск. И хотя практически все дни этого тура попадают на выходные, 30 декабря является рабочим днём. Правда, в прошлом году Генеральный директор нашей Корпорации разрешил всем женщинам не приходить в этот день, но я всё равно хотела сейчас у Вас попросить разрешения оформить отпуск с 30 декабря.

– Мещерякова, ты совсем совесть потеряла? – тут же рявкнула Воронова. – Ты собираешься указывать мне, когда я должна отпускать своих подчинённых, а когда нет? Если я считаю, что подчинённый не справляется со своей работой, то я заставляю его отрабатывать в выходной день, потому что

никто не должен класть зарплату в свой карман за просто так! И если я прикажу, то ты будешь работать все праздники и даже в новогоднюю ночь, если потребуется! Ишь, куда она собралась! Европу, видите ли, посмотреть! Единственное место, куда тебе нужно смотреть, это твой рабочий компьютер! В отпуск ей, видите ли, захотелось! К твоему сведению, ко мне сегодня уже несколько человек подходили с просьбами отпустить их в отпуск на Новый год! И с кем прикажешь мне работать в это время? Одной? Я и так одна за вас пашу, пока вы по заграницам разъезжаете! Пошла вон из моего кабинета! Не будет тебе никакого отпуска!

«Вот и поговорили!» – подумала я, выбегая из кабинета Вороновой. И хотя я не надеялась, что начальница сразу же подпишет мне заявление на отпуск, но я не ожидала с её стороны такого откровенного хамства и вранья, к которому всё никак не могла привыкнуть.

Ах, если бы я работала в каком-нибудь другом отделе, или хотя бы начальником у меня была не Воронова, то никаких проблем у меня сейчас совсем бы не было, потому что Генеральный директор нашей Корпорации, проявляя человечность, всегда отпускал женщин в предпраздничные дни домой. И та же Воронова пользовалась этой льготой. Её никогда не бывало на рабочем месте в предпраздничные дни. Но своих подчинённых она всегда лишала возможности лишний день побыть с семьёй. Накануне она всегда строго-настроено приказывала нам быть на следующий день на работе во

избежание наказания с её стороны. Из-за этого я постоянно попадала в неловкие ситуации, когда кто-то из руководства Корпорации видел меня в неурочный день и час на работе, приходилось придумывать какие-то нелепые отговорки по поводу неожиданных и срочных документов, требующих моего немедленного присутствия на рабочем месте. А один раз Вороновой даже чуть не попало из-за этого.

Как раз в канун 9 Мая один из заместителей Генерального директора нашей Корпорации увидел меня в предпраздничный день в коридоре с пачкой документов и, естественно, поинтересовался, что я здесь делаю.

В ответ я пролепетала старую песню о срочных и неотложных документах и поспешила скрыться с глаз долой, но этого оказалось недостаточно. Руководитель не стал церемониться и позвонил лично Вороновой, чтобы узнать её мнение по поводу того, что сотрудница её отдела делает на работе в нарушение распоряжения самого Генерального директора. И что вы думаете? Конечно же, Воронова всё свалила на меня, заявив, что я слёзно умоляла её разрешить мне выйти в предпраздничный день на работу, чтобы исправить свои ошибки, которые я допустила накануне.

В итоге Вороновой всё сошло с рук, а я узнала об этом от своего товарища Полюшкина, который лично присутствовал при этом телефонном разговоре заместителя Генерального директора с моей начальницей.

Как же всё это мерзко, когда твой непосредственный на-

чальник сначала подставляет тебя, а потом за твою же спину и прячется!

Но как бы то ни было, я не собиралась отказываться от своих новогодних планов. Если не получилось поступить по-честному, придётся хитрить. Но для этого нужно было сначала выяснить, сколько человек планирует отправиться в отпуск на Новый год, потому что если эта цифра действительно внушительная, то, возможно, мне придётся подкорректировать свои планы. Хотя, сомневаюсь, чтобы таких энтузиастов было много, ведь в большинстве своём народ никогда не использует свой отпуск в праздничные дни, потому что мало кого заставляют работать по выходным. Это только мне так везло. Но, судя по словам Вороновой, по какой-то неведомой причине в этом году очень многие сотрудники решили пойти по моим стопам, и я решила выяснить, кто же именно это был, чтобы, так сказать, знать в лицо своих конкурентов.

И я обошла всех без исключения. И ни один из моих коллег не сказал мне, что желает использовать свой отпуск в новогодние праздники, которые и без того являются выходными. И это означало лишь одно: Воронова в очередной раз обманула меня только для того, чтобы навредить мне и лишить возможности сбежать от неё хоть на короткое время, помешав моей поездке.

И за что она так на меня взъелась? Неужели ей завидно от того, что я собралась поехать границу? Так кто ей мешает поступать так же? Ведь в наше время это не проблема!

Пошёл в туристическую фирму, и там за тебя всё сделали. Нужно лишь поднять свою попу и дотащить её до самолёта в нужное время. А на месте тебя уже подхватят представители туристической фирмы и будут возить тебя повсюду, повторяя фразу: «Посмотрите направо, посмотрите налево!». Но, по-видимому, даже эти минимальные телодвижения являются для моей начальницы непосильными, потому что Воронова любит кичиться тем, что никогда не была за границей и у неё никогда не было заграничного паспорта. Нашла чем бравировать! В наше время люди стараются скрыть этот факт, а она, наоборот, выставляет свою лень напоказ! Но если это её выбор, так зачем же мне завидовать? Не понимаю. И, наверное, никогда не пойму.

И я решила не отказываться от своих планов. И поскольку теперь Воронова ни за что не отпустит меня в поездку 30 декабря, я решила отправиться в круиз по Рейну в другие дни. А именно с 3 по 10 января. А отпуск буду оформлять именно 30 декабря, когда Воронова будет дома бока отлёживать. Подойду к Макарову и объясню ему всю ситуацию. Надеюсь, он мне не откажет, хотя и несомненно отчитает за то, что я прыгаю через голову своего непосредственного начальника.

Впрочем, от Вороновой мне тоже достанется. Но это будет потом, когда я вернусь из круиза, и мне будет уже всё равно, что она думает по этому поводу.

Глава 41

о том, как потоп в квартире может помочь матери выполнить свои родительские обязанности перед сыном

В последнее время меня начало грызть непреодолимое чувство вины перед сыном. Ведь за всё время, пока он ходил в детский сад, я ни разу не была у него на утренниках. Я не видела ни одного его выступления и не поделила с ним радость детского праздника. Особенно мне было стыдно за своё отсутствие на празднике, посвящённом Международному женскому дню, когда все дети танцевали со своими мамами.

– И только я танцевал вместе с Максимом, потому что его мама тоже не пришла, – заключил своё повествование сын, и моё сердце сжалось от боли.

Какая же я мать, если по моей вине ребёнок должен испытывать неловкость вместо радости, как остальные дети!

И тогда я пообещала сыну:

– Сынок, в следующий раз я обязательно приду к тебе на праздник. Во что бы то ни стало. Обещаю тебе.

И я была полна решимости сдержать своё слово, но толь-

ко сделать это было совсем непросто. Ведь все предыдущие утренники я игнорировала не потому, что мне было наплевать на собственного ребёнка. Я совершенно искренне пыталась на них попасть, но меня просто не отпускали. Особенно тяжело стало при Вороновой, которая не отпускала меня не только на детские утренники, но и на родительские собрания ни к дочери в школу, ни к сыну в детский сад. Что, впрочем, совершенно не мешало ей посещать все детские утренники своей дочери и ходить на все родительские собрания, а также отпускать других сотрудников нашего отдела, имеющих детей, на эти мероприятия. Щипачёва, к примеру, она даже отпускала на свидания с девушками. Мне же Воронова всегда отвечала одно и то же:

– А работу твою кто в это время делать будет?

– Я! Кто же ещё? – всегда говорила я в ответ. – Приеду после утренника и всё сделаю! А если понадобится, то я готова даже задержаться после окончания рабочего дня, чтобы всё доделать.

– Тебе и без того придётся задержаться после шести, – отвечала Воронова, – потому что у меня для тебя есть новые документы. Поэтому отправляйся на своё рабочее место и продолжай работать, пока не получила взыскание за халатное отношение к своим должностным обязанностям.

И я возвращалась за компьютер и продолжала отвечать на многочисленные письма, составлять конкурсную документацию, готовить отчёты, пытаюсь этой бесполезной и рутинной

работой заглушить в себе чувство вины перед сыном. И мне это удавалось до тех пор, пока мой ребёнок не рассказал мне о танце с другим мальчиком на празднике, посвящённом 8 Марта.

И вот приближался Новый год и очередной утренник в детском саду. Каждый день я мысленно готовила пламенную речь, которая была призвана убедить Воронову проявить человечность и отпустить меня на праздник к сыну.

Я дотянула до последнего дня, надеясь на какое-нибудь чудо, которое помогло бы мне в этой ситуации. Например, Воронова могла бы уйти на больничный или уехать в командировку, и тогда мне было бы несложно отпроситься у Миронова, который всегда лояльно относился к решению подобных вопросов.

Но чуда не произошло. Воронова сидела в своём кабинете как скала, которую невозможно сдвинуть с места человеческими силами. Её приверженность к работе, за которой она пряталась от семейных проблем и пустоты собственной натуры, служила забралом, скрывавшем её истинное лицо, создавая иллюзию значимости и занятости. И теперь мне предстояло идти к Вороновой, чтобы попытаться добиться у неё разрешения прийти завтра на работу чуть позже, потому что у моего сына в детском саду будет проходить утренник, посвящённый Новому году.

И вот я сидела за рабочим столом, собираясь с духом и снова перебирая в уме те слова, которые необходимо было

произнести в разговоре с Вороновой, чтобы отстоять свою позицию и в то же время случайно не вызвать её гнев. И в это момент зазвонил городской телефон.

«Кого ещё нелёгкая сподобила позвонить мне под конец рабочего дня?» – недовольно подумала я и взяла трубку.

– Привет, Катюшка! – услышала я в трубке голос своей подруги Маши, и от сердца сразу отлегло.

Полагаю, тут следует отступить от моего разговора с подругой и дать читателю некоторые пояснения, чтобы было понятно, почему я вдруг вздумала вести личные разговоры на своём рабочем месте, в то время когда этой самой работы, по моим же словам, у меня был непечатый край.

Несмотря на то, что работа в Корпорации «Делай то, что не делают другие!» отнимала у меня уйму времени, которого у меня не оставалось даже на семью, я никогда не считала, что моя жизнь – это только работа. Кроме семьи, у меня были друзья, общение с которыми в последнее время, к сожалению, сократилось до минимума. Но после того как Воронова ввела моду задерживать меня допоздна на рабочем месте, и, если я пыталась уйти домой сразу после шести, то просто вручала мне новую стопку с документами и говорила: «Да, я стерва!», стало понятно, что единственный способ не сдохнуть на работе – это немного её задвигать. Днём делать это было нереально, разве что устраивать небольшие перемены на несколько минут, чтобы перекинуться несколькими фразами с Уколовым и Полюшкиным, которые всегда стара-

лись подбодрить меня и поднять настроение. Но после шести, когда весь основной народ расходился по домам, и на рабочих местах оставались лишь отпетые трудоголики вроде Миронова, либо самодуры вроде Вороновой, и тех, кого они вынуждали сидеть вместе с ними, можно было лишь делать вид, что работаешь, забросав свой рабочий стол документами, что было совершенно нетрудно, а также оставив открытым на экране компьютера проект какого-нибудь письма, чтобы неожиданный визитёр не смог застать врасплох. И просидеть таким образом часа полтора-два, а потом с чистой совестью и исполненными днём документами заявиться к начальству, показав свою работу. И был шанс, что после такого проявления служебного рвения тебя отпустят домой.

Вопрос состоял лишь в том, что делать эти полтора-два часа, если не хочешь напрягать свою голову, а смотреть в окно – не вариант? И я придумала, чем можно заняться. Я стала обзванивать всех своих друзей и родственников, которым было удобно в это время общаться со мной. Мы беседовали за жизнь, и это хоть немного отвлекало меня от того безобразия, которое творилось вокруг.

Возобновив таким образом все свои прежние знакомства, я вновь почувствовала, что моя жизнь не ограничивается только стенами Корпорации, и это хоть немного укрепляло мой моральный дух, позволяя верить, что все переживаемые мной трудности носят временный характер.

И вот сегодня, когда мне на рабочий телефон позвонила

одна из моих подруг, заранее зная, что я всё ещё страдаю на работе и буду рада немного пообщаться, я и в самом деле очень обрадовалась.

– Привет, Машуня! – сказала я в ответ. – Рада тебя слышать!

– У тебя снова завал? – спросила подруга.

– Да, но это полбеды. Завтра у сына утренник в детском саду, и нужно идти к Вороновой, чтобы отпроситься, но, боюсь, она снова меня не отпустит, да ещё и оскорбит впридачу.

– А ты и не ходи к ней! Я научу тебя, как поступить в этой ситуации, – сказала Машуня, и я вся обратилась в слух. – Ты ведь ещё не говорила Вороновой, что тебе нужно будет завтра идти на утренник? – уточнила Маша.

– Нет, – подтвердила я.

– Вот и хорошо. Сегодня вечером уходишь домой, как ни в чём не бывало. А завтра утром звонишь Вороновой и говоришь, что у тебя дома трубу прорвало и ты ждёшь сантехника. А сама спокойно идёшь к сыну на праздник.

– Ты предлагаешь мне соврать? – удивилась я.

– А сама-то ты как думала поступить?

– Подойти к Вороновой и попытаться объяснить ей по-человечески, – неуверенно ответила я.

– И сколько раз ты уже подходила к ней с подобными просьбами? – поинтересовалась Машуня.

– Много, – тут же ответила я.

– И сколько раз она тебя отпускала?

– Ни разу.

– Так почему ты думаешь, что сегодня всё будет иначе?

– Не знаю, – замялась я. – Вдруг сегодня у меня получится?

– А если не получится? – продолжала отстаивать Маша свою точку зрения. – Завтра ты уже не сможешь рассказать ей байку про потоп в своей квартире, так как она сразу смекнёт, в чём тут дело.

– Но я так не люблю врать! – пыталась я оправдаться.

– А кто любит? Воронова сама загнала тебя в такие рамки, что ты вынуждена защищаться любыми способами. Сама подумай, кому лучше соврать: Вороновой, которая каждый день измывается над тобой, или же сыну, своей кровиночке, который любит тебя и ждёт на завтрашнем празднике? Решай, кого ты можешь подвести, а кого – нет!

И я поняла, что Машуня была права. Воронова сама загнала меня в такой угол, что выбраться из него с помощью честности и порядочности было невозможно. Или я заставлю себя пойти на эту маленькую ложь или же буду продолжать мучиться чувством вины перед сыном, а мой мальчик будет снова один на детском празднике, в то время как другие дети будут вместе со своими родителями радоваться Деду Морозу и подаркам, которые они от него получают.

– Но ей нужны подробности, – сказала я подруге, после того как приняла нужное решение. – Понимаешь, Воронова

очень любопытна, к тому же любит всех проверять. И когда я сообщу ей об аварии в квартире, она начнёт у меня интересоваться всеми подробностями потопа, чтобы проверить, говорю ли я правду.

– Не волнуйся, – начала успокаивать меня Машуня, – подробностями я тебя обеспечу.

И она рассказала мне, как бывает, когда в квартире с трубы слетает вентиль и вода хлещет на пол. И чем больше она мне рассказывала об этом, тем сильнее росла моя уверенность в правильности выбранного решения. Я поступлю именно так, как сказала Машуня, и тогда и волки будут сыты и овцы останутся целы.

По совету подруги я ни словом не обмолвилась ни Вороновой, ни кому бы то ни было ещё из нашего отдела о завтрашнем утреннике в детском саду. Как ни в чём не бывало, я ушла домой и уверила сына, что завтра непременно буду у него на празднике. И мой зайка так обрадовался, что все остатки сомнений, которые ещё оставались в моей душе на этот счёт, улетучились.

Мы легли спать. А утром я отвела сына в детский сад, а сама вернулась домой, чтобы начать хитроумную операцию по дезинформированию вредной начальницы. На часах было всего лишь двадцать минут девятого, и рабочий день ещё не начался. Но звонить следовало именно сейчас, потому что если я сделаю это позже, то будет непонятно, каким образом я узнала об аварии в своей квартире в то время, когда долж-

на была уже быть на работе. Этот шаг лишил меня временного запаса, так необходимого мне сейчас, но требовалось быть максимально достоверной. И поэтому прежде чем набрать номер телефона Вороновой, я решила создать у себя в квартире обстановку, максимально приближенную к той, которая мне была нужна. Я зашла в ванную и включила кран на полную мощность, после чего позвонила Вороновой.

– Наталья Николаевна, – встревоженным голосом произнесла я, едва услышала её ответ в телефонной трубке, – у меня дома серьёзные проблемы! С трубы сорвало вентиль, и в квартире сейчас потоп. У нас рядом с домом идёт стройка, поэтому постоянно отключают то воду, то свет. И сегодня на ночь тоже отключали воду, а когда утром включили, трубы не выдержали, и сорвало вентиль. Я уже вызвала сантехника, и пока он не пришёл, сию и вычерпываю воду с пола. Поэтому я немного задержусь сегодня.

– Да, мне это знакомо, – на удивление понимающим тоном ответила Воронова. – Ладно, убирай там воду и жди сантехника.

Закончив разговор, я чуть не подпрыгнула от радости! Как всё хорошо получилось! А главное, как Машуня угадала, какую причину следует сообщить Вороновой, чтобы та позволила мне опоздать на работу, не пригрозив увольнением? Вот только утренник в детском саду начинался лишь в десять утра, и мне нужно было продержаться до этого времени, продолжая играть роль потерпевшего кораблекрушение.

Чтобы не терять времени зря, я занялась домашними делами, но нельзя было недооценивать Воронову. Какую бы правдоподобную песню я ей не спела, она любит всё проверять и контролировать, поэтому приблизительно через полчаса мой мобильный телефон зазвонил снова.

– Да, Наталья Николаевна, – ответила я в трубку.

– Как у тебя дела, Мещерякова? Удалось ликвидировать потоп?

– Да. Пришёл сантехник и перекрыл воду. Но оказалось, что у него нет с собой нужных инструментов, поэтому он снова ушёл. И я жду, пока он вернётся, чтобы закончить ремонт.

– Ладно, – ответила Воронова и положила трубку.

Ещё через полчаса она снова позвонила.

– Сантехник уже всё отремонтировал? – сразу же спросила она, едва я нажала на соединение.

– Не совсем, – ответила я, продолжая действовать по составленному Машуней сценарию. – Он только что вошёл в квартиру и собирается начать всё ремонтировать.

В ту же секунду Воронова сбросила звонок, а я стала собираться к сыну на праздник.

Едва я зашла в детский сад, как поняла, что телефон следует отключить немедленно, не дожидаясь ничьих звонков. В детском саду так шумно играла музыка, что я могла бы легко спалиться, если бы ответила на чей-либо звонок. Проще было объяснить случайно выключенный телефон, чем посто-

ронние звуки, несоответствующие окружающей обстановке.

Поздоровавшись с сыном, я направилась в актовый зал, чтобы занять место. И когда праздник начался, я заметила, как сияет лицо моего мальчика, который всё выступление не сводил с меня глаз, и я поняла, как важно было для него моё присутствие. А я столько времени лишала его этого счастья! Мне снова стало стыдно, и я заплакала.

Я старалась аккуратно вытирать слёзы платком, чтобы не смазать косметику и заодно не привлекать к себе излишнее внимание других родителей. И надеюсь, мне это удалось, потому что другие родители тоже, как и я, не смотрели по сторонам, а следили за выступлением своих чад.

И как только праздник закончился, я подскочила с места и понеслась к выходу. Я быстренько подбежала к сыну и сказала ему, что мне нужно спешить на работу, после чего, расталкивая всех, побежала на улицу. И уже там я снова включила мобильный телефон и увидела на экране три неотвеченных вызова от Вороновой. Нужно было немедленно ей перезвонить, чтобы избежать возможных неприятностей, вызванных её гневом.

– Наталья Николаевна, у меня, оказывается, телефон разрядился. Я только сейчас это заметила, – начала я лепетать в трубку прямо на ходу.

– Мещерякова, мне плевать, что там сейчас творится в твоей квартире, но ты должна немедленно явиться на работу! Проси соседей, родственников, кого угодно, чтобы они

дежурили у тебя в ванной, но чтобы через час ты уже была на рабочем месте! – не давая вставить мне ни слова, выпалила Воронова.

– Наталья Николаевна, я уже бегу на работу. Сантехник всё починил, поэтому я уже в дороге.

– Поторопись, потому что моё терпение иссякает, – ответила Воронова и бросила трубку.

Но мне было уже всё равно. Я успела побывать на празднике у сына, и теперь готова была к встрече с вечно недовольным начальством.

В тот день в разговорах с коллегами мне пришлось продолжать петь песню о затопленной квартире, чтобы кто-нибудь случайно не выдал меня начальству. А Воронова даже не поинтересовалась моими делами. Для неё я была лишь роботом, выполняющим необходимую работу. А мои личные и семейные проблемы её не касались.

Глава 42

О том, что если женщине всё время предлагать заняться сексом, то однажды она может согласиться

На календаре было 31 декабря, и в этот день, когда все нормальные женщины нарезают салатики и пекут пироги, я ни свет ни заря поплелась на работу. И естественно, кроме меня, горемычной, во всей Корпорации из женщин была только Ольга Жарикова, которой начальница также не разрешила провести этот день дома, хотя себе Воронова решила устроить выходной.

С самого утра многочисленные друзья и знакомые звонили мне на мобильный телефон, чтобы поздравить с праздником, и каждому из них я отвечала, что у меня, к сожалению, нет времени на разговоры, потому что я до сих пор на работе. И само собой, это вызывало у них чувство недоумения. Но мне было не до деликатности, потому что требовалось разгрести огромный бумажный завал, который создала на моём рабочем столе Воронова, словно постаравшись окончательно испортить мне и без того невесёлое предпраздничное настроение.

Приблизительно в семь часов вечера все сотрудники Кор-

порации, которым так же, как и мне, «посчастливилось» работать в этот день, стали расходиться по домам. И увидев меня, бегающую по этажам на шпильках высотой 10 сантиметров с кипами документов в руках, все недоумённо спрашивали:

– Катя, что это ты делаешь в это время на работе? Да ещё и не пьяная?

– Работаю, – отвечала я и бежала дальше.

Хотя, признаться, силы мои были на исходе. Ноги уже дрожали от усталости, а голова была как в тумане. Когда я смотрела на документы, то строчки рябили у меня в глазах, и я совершенно не могла собраться с мыслями, чтобы сформулировать нужные фразы. А ведь нужно было ещё как-то доползти до дома и приготовить праздничный стол, насколько это было возможно! Поэтому я решила оставить все свои рабочие дела в том состоянии, в каком они были сейчас, и идти домой, а уже после праздников на свежую голову всё доделать. И поскольку в настоящий момент из руководства юридического отдела на месте был только Миша Миронов, я направилась к нему.

– Миша, – измученным голосом проговорила я, когда зашла в его кабинет, – время позднее, может быть, я пойду домой?

– А ты все документы отработала?

– Нет. Но все срочные документы я исполнила.

В этот момент Миша посмотрел на свои наручные часы и

произнёс:

– Катя, всего семь часов! Ты могла бы ещё часок-другой поработать!

– Миша, да у меня сил уже нет! Глаза ничего не видят, а голова совсем не соображает! Если я начну сейчас что-то делать, то наляпаю столько ошибок, что для того, чтобы их переделать, понадобится больше времени, чем если бы пришлось исполнять документ с самого начала!

– Но я-то работаю! – привёл свой стандартный аргумент Миронов. – У меня-то сил хватает!

– А ты не сравнивай себя и меня! Ты – трудоголик! И чем больше ты работаешь, тем больше у тебя появляется сил. Для тебя работа является допингом. А мне нужны другие допинги.

– Ах, тебе нужен допинг? – произнёс Миронов, поднимаясь со своего места. – Тогда давай ко мне на стол, устрою тебе допинг!

Тут следует сказать, что фраза «давай на стол», произнесённая Мишей Мироновым, была его излюбленной фразой, адресованной женщинам-коллегам. Произносилась она с юмором и в тех случаях, когда кто-то из женщин жаловался на усталость, и оттого никто не воспринимал эти слова всерьёз, а многие даже подыгрывали Мише. Юлька Решетникова, например, как-то раз сказала ему:

– Дождёшься, Миронов! Возьму и соглашусь! Что тогда будешь делать?

В этот момент Миша растерялся и быстро выпроводил Юлю из кабинета. Я же обычно отмалчивалась. Но в этот раз настроение у меня было слишком воинственным, чтобы не отреагировать на произнесённую шутку.

И хотя я категорически против интимных отношений с коллегами, к тому же у меня табу на взаимоотношения с женатыми мужчинами, но сейчас я была в таком обессиленном и одновременно обзлѐнном на весь мир состоянии, что ответила Миронову:

– Давай. Закрывай дверь, я согласна. Оба получим удовольствие.

Наверное, в тот момент Миронов понял, что я не шучу. Поэтому его лицо стало медленно заливаться краской, и он ответил:

– Иди лучше домой! А мне нужно работать.

Собственно, именно за этим ответом я и зашла в кабинет Миронова. Пожелав Мише счастливого Нового года, я вышла в коридор и побежала в свой кабинет, чтобы как можно быстрее выключить компьютер, одеться и убежать из здания Корпорации, пока начальство не передумало и не решило озадачить меня новой служебной проблемой.

Глава 43

«Здравствуй, Новый год!»

Домой я приползла, окончательно обессилив. Хотелось только одного – спать и никакого празднования Нового года. Муж тоже пропал на работе. Но только он был там не потому, что трудился в поте лица, а потому, что пил там со своими коллегами. Это было не в первый раз, когда муж по собственной инициативе вызывался пойти работать в предпраздничный и даже в праздничный день, чтобы иметь там возможность напиться от души за спиной у жены. А придя домой подшофе, уже не нужно будет исполнять никаких домашних обязанностей, включая даже супружеский долг. Какой с пьяного спрос? Никакого! И потому мне приходилось одной влачить на себе и дом, и детей, и даже мужа.

Поэтому как бы сильно я не устала, но всё же заставила себя пойти на кухню, начистила картошки, порезала колбаски и сделала бутерброды с красной икрой, после чего сказала детям:

– Можете поесть, а я пойду и немного посплю. Разбудите меня около двенадцати часов. Или не будите. Как хотите.

И ушла в комнату спать. А дети остались сидеть на кухне и играть в компьютер.

Я же выключила мобильный телефон, чтобы неожидан-

ные звонки не отвлекали меня от отдыха, и уснула.

Без двадцати двенадцать дочь разбудила меня.

– А я вам очень нужна? – произнесла я сонным голосом. – Может, я лучше посплю, а вы сами отмечайте Новый год!

– Мама! – недовольным голосом воскликнула дочь. – Это же Новый год! Ты хочешь всё проспять?

– Да, – ответила я.

– Поднимайся и пойдём за стол! – заявила дочь, и я нехотя поднялась в кровати.

Я пошла в ванную и умылась, а затем надела нарядное платье. Да, никакого праздничного настроения у меня не было, да и вообще никакого настроения не было. Больше всего на свете я хотела спать. И превозмогая себя, я вышла к детям и мужу, который сидел перед телевизором и мутным взглядом смотрел на экран. Я попыталась сделать вид, что мне весело, а дождавшись полуночи, мы выпили шампанское и пошли на улицу пускать петарды. И где-то в половине второго ночи я снова легла спать и уснула в ту же секунду, как только прислонила голову к подушке, несмотря на непрекращающийся ни на секунду грохот фейерверков за окном.

Такой у меня была встреча Нового года, и практически по такому же сценарию проходили все остальные праздники, а также другие дни.

Даже моя поездка в Европу, круиз по Рейну, о котором я говорила, и который всё же состоялся благодаря моему ма-нёвру с подписанием документов на отпуск в последний день

года за спиной Вороновой, не сильно прибавил мне сил. Я почти всё время спала, поднимаясь лишь покушать и сходить на запланированную экскурсию. Всё прошло как во сне, но в эти дни я хотя бы смогла поспать, и мне не нужно было бегать по магазинам и готовить три раза в день, чтобы накормить семью. А когда праздничные дни, как и мой отпуск, закончились, я снова вернулась в круговорот рабочих будней, которые нескончаемым потоком неслись у меня перед глазами, съедая дни, месяцы и годы моей жизни.

Я прибегала с работы и, если оставалось хоть немного сил, по-быстрому готовила детям и мужу поесть, а если сил совсем не было, то по пути заходила в рестораны быстрого питания или в пиццерию, брала еду на вынос и несла домой. А придя домой, иногда ужинала, иногда – нет, после чего ложилась спать. Иногда я засыпала сидя. Иногда – стоя. Мои силы были на исходе, но я держалась за эту работу, потому что она давала мне гарантированный и очень неплохой заработок. А если бы я решилась уйти из Корпорации, то мне понадобилось бы время, прежде чем я смогла бы найти себе другую подобную работу с приличным источником дохода. А этого времени у меня как раз и не было. Как и не было финансовой подушки, которая помогла бы продержаться мне и детям весь тот период, пока я не найду себе новую работу.

У меня даже не было возможности ездить на собеседования, так как Воронова не только не отпускала меня по личным делам, но и заставляла каждый день засиживаться до-

поздна. И даже выходить в выходные и праздничные дни. И у меня не хватало времени даже на то, чтобы почитать объявления о работе в Интернете.

Я не смотрела телевизор, не слушала радио, не сидела в Интернете. Я вообще не знала, что творилось в мире. Я занималась лишь бесконечной рутинной бумажной работой, которой заваливала меня Воронова, и не имела понятия о том, насколько меня хватит. Но подозревала, что ненадолго.

Глава 44

о том, как Миша Миронов позволил себе распуścić руки, а я почувствовала себя в этом виноватой и постаралась исправить свою ошибку

Рабочий день приближался к концу, а на моём рабочем столе лежала целая куча документов и ждала подписи начальства. Идти к Макарову было бесполезно, так как он не брал документы на подпись, если они не были завизированы одним из его заместителей. Воронова же была на больничном, а Миронов весь день провёл в Министерстве. И чтобы завтра не выслушивать упрёки в свой адрес за неисполненные документы, я решила позвонить Мише Миронову на мобильный, чтобы узнать, вернётся ли он сегодня в Корпорацию или же нет.

– Миша, у меня тут ряд неподписанных документов. Скажи, пожалуйста, стоит ли сегодня тебя ждать или нет?

– Да, Катя, я обязательно вернусь, так что дождись меня, – ответил Миронов, и мне ничего не оставалось, как приготовиться к терпеливому ожиданию начальства.

Прошёл час, затем второй, а Миронова всё не было. Я снова позвонила ему на мобильный в надежде услышать от него что-то хорошее, например, «до свидания», после чего я бы со спокойной совестью поехала домой. Но он уверил меня, что непременно вернётся на рабочее место, чтобы просмотреть мои документы, и я снова вернулась к ожиданию.

В половине девятого вечера Миронов вернулся в свой кабинет. Подхватив пачку документов, я поспешила к нему. Михаил всё посмотрел и завизировал, после чего спросил:

– Как твои дела, Катя?

Этого я и боялась. Мише Миронову всегда было мало официального общения с коллегами. Он любил поговорить за жизнь, и эти беседы порой заканчивались очень поздно, и сегодня это было совсем некстати. Я и так уже порядком задержалась, и у меня не осталось ни малейшего желания вести задушевные беседы с кем бы то ни было.

– Всё по-старому, Миша, – ответила я и, поворачиваясь в сторону двери, добавила, – уже поздно. Я пойду?

– Подожди, – произнёс он, и я поняла, что так легко сегодня я от него не отделаюсь. – Расскажи, как у тебя дела с мужем? У вас всё хорошо?

– Миша, ты же сам видишь, я с утра до вечера на работе! – резко ответила я, обрывая возможные вопросы. – Какие тут могут быть взаимоотношения, когда единственное на что я способна, вернувшись домой, это упасть в постель и уснуть?

– Ни за что не поверю, чтобы хоть один мужчина, лёжа в

постели с такой девушкой как ты, мог просто спать! – вызывая меня на откровенность, проговорил Миронов.

И в этот момент мне стоило слукавить и что-нибудь соврять про безоблачную супружескую жизнь, чтобы погасить в Миронове всяческий интерес к моей персоне, но моя патологическая честность никогда меня до добра не доводила.

– Миша, ты же сам знаешь, что мой муж пьёт, и никакие мои попытки излечить его от этой пагубной привычки ни к чему не привели. Поэтому интим у нас с мужем уже давно на нуле и отнюдь не из-за меня.

– Может быть, ты плохо старалась? – с ехидцей в голосе спросил Михаил.

– Все вы, мужчины, так говорите, чтобы скрыть свою немощность! – в сердцах ответила я. – Да у меня такая фигура, что любой здоровый мужик, увидев меня без одежды, тут же придёт в боевую готовность! К тому же, можешь поверить мне на слово, в постели я тоже много чего умею!

– А, может быть, тебе практики не хватает? – спросил Миронов, и его взгляд стал подозрительно сальным.

– Конечно, не хватает, – снова отрезала я, предвосхищая возможные вопросы. – Но задерживаясь допоздна на работе, я уж точно не смогу её набрать! – и я снова стала перемещаться в сторону двери.

Но тут Миронов подскочил с места и подошёл ко мне.

– А, может быть, закроем дверь, и я устрою тебе практику? – произнёс он и положил руки мне на грудь, больно сдав-

ливая её.

И если бы на его месте был кто-то другой, то непременно получил бы от меня по роже, но это был Миша Миронов, которого я знала больше семи лет. И всё это время я знала его как верного мужа своей жены, и то, что сейчас происходило, возможно, было следствием моей вины.

– Миша, опусти руки, – произнесла я каменным голосом.

– Почему ты отказываешься? Хранишь верность мужу?

– Я отказываюсь, потому что это будет большой ошибкой, – ответила я. – Причём не для меня, а для тебя. Если сейчас это произойдёт, то завтра ты не сможешь со мной спокойно разговаривать и работать. А я смогу! И возможно, я сама каким-то образом спровоцировала тебя на этот шаг, поэтому извини меня, но между нами ничего не будет. По крайней мере, до тех пор, пока мы работаем вместе в одном коллективе.

Миша убрал руки с моей груди и произнёс:

– Значит, если кто-то из нас уйдёт с этой работы, у нас с тобой что-то может быть?

– Возможно. Но сейчас мне лучше уйти домой.

И Миронов сделал шаг в сторону, пропуская меня.

– До свидания, Миша, – сказала я, выскальзывая из его кабинета.

– До свидания, Катя, – услышала я в ответ, но не обернулась.

«Бог мой, что же я натворила!», – думала я, убегая до-

мой со всех ног. Нужно будет какое-то время избегать общения с Мироновым, чтобы тот успел успокоиться и выбросить из своей головы всякие крамольные мысли на мой счёт! И несколько последующих дней я старалась как можно реже заходить в кабинет к Мише Миронову. И делала это только тогда, когда там был кто-то ещё.

Не могу сказать, чтобы после того дня Миша испытывал неловкость, общаясь со мной, но я боялась повторения подобной ситуации. Раньше Миронов никогда не позволял себе подобное поведение с женщинами. И причиной того, что нехорошие мысли оказались в его голове, вероятнее всего, было моё неосторожное поведение и слишком свободные беседы, которые я позволяла себе с ним вести.

Впрочем, я со всеми знакомыми мужчинами вела себя подобным образом, и все понимали, что небольшой флирт и откровенность в разговорах с моей стороны – это не призыв к действию, а просто особенность моей натуры. И я не строю из себя великомученицу и оскорблённую невинность, когда какой-нибудь мужчина начинает флиртовать со мной в ответ. Я поддерживаю эту игру, потому что понимаю, что на работе мы проводим большую часть своей жизни, и наши коллеги порой нам ближе, чем все наши родственники вместе взятые. И вполне естественно, что на каком-то этапе общения мы становимся настолько близки друг другу, как самые старые друзья, у которых нет никаких секретов друг от друга и которые понимают тебя с полуслова. С помощью флирта и

неприличных шуточек мы просто поддерживаем друг друга в тонусе, не позволяя забывать о том, что все мы – живые люди, а не роботы, созданные для выполнения строго ограниченного количества функций. Мы делимся друг с другом своими эмоциями, чтобы не забывать о том, что жизнь проходит мимо нас, пока мы сидим с утра до вечера за своими рабочими столами и перебираем бумажки, которые, по большому счёту, никому не нужны. А лишь мы сами нужны друг другу. И пока мы помним это, мы остаёмся людьми.

Но Миша Миронов отличался от всех нас. Он был чересчур честным и чересчур эмоциональным, воспринимая каждый взгляд в свой адрес и каждое слово буквально. И если бы он не был женат, кто знает, может, я бы и закрутила с ним небольшой роман. Хотя, признаюсь честно, я всячески стараюсь обходить тему служебных романов, так как считаю, что подобные вещи ничем хорошим не заканчиваются. И самым ожидаемым итогом таких отношений является увольнение одной из сторон служебного романа. Поэтому следовало пресечь на корню то недопонимание, которое неожиданно возникло между мной и Мироновым. И я решила поговорить с Михаилом, чтобы избавиться от последующей неловкости наше с ним общение, и, конечно же, в целях исключения повторения того неприятного эпизода, который случился между нами несколько дней назад.

И вот когда очередной рабочий день подошёл к концу и сотрудники других отделов Корпорации дружно стали рас-

ходить по домам, а многие из сотрудников юридического отдела благополучно уехали в Министерство, чтобы потом тоже отправиться домой, я и Миронов, заваленные горами бумаг, всё ещё оставались на своих рабочих местах.

Когда коридор опустел, и можно было не опасаться случайных встреч с другими людьми, я зашла к Михаилу в кабинет.

– Миша, мне нужно с тобой поговорить, – сказала я Миронову, и он предложил мне присесть рядом с ним на стул, но я села в кресло напротив.

Я старалась говорить спокойным голосом, но внутри меня всё клокотало и кипело. Я очень сильно волновалась, но понимала, что необходимо прояснить обстановку и расставить все точки над «i», потому что в противном случае мне придётся избегать Миронова всё время, пока я работаю в Корпорации. А это было очень проблематично, учитывая, что мы работали в одном отделе, и нам по любому приходилось пересекаться. И поскольку, вероятно, я сама спровоцировала Михаила на неподобающее поведение по отношению ко мне, то именно мне и следовало положить этому конец.

– Я должна попросить у тебя прощения, – произнесла я, глядя Михаилу в лицо.

– За что? – удивился он.

– За тот случай в твоём кабинете неделю назад, – пояснила я. – Мы знакомы с тобой очень давно, и я знаю, что ты бы никогда не позволил себе так вести себя со мной, если

бы я сама своими словами не спровоцировала тебя на такое поведение. В тот раз, когда ты пригласил меня «на стол», и я согласилась, это было сказано мной стгоряча. Ты бы и не подумал относиться ко мне как к сексуальному объекту, если бы не те мои слова. И сейчас я чувствую вину за то, что сказала. Я категорически против интима с коллегами, потому что это осложнит рабочие отношения. И так как мы работаем вместе, нам эти сложности ни к чему. Надеюсь, ты простишь меня, а я, в свою очередь, постараюсь больше не болтать лишнего, даже когда чертовски устала.

Миша слушал меня, и я видела грусть в его глазах. Неужели он и вправду заинтересовался мной как женщиной? Он, самый верный муж на свете, которого я знала? Ведь ещё никому не удавалось сбить Миронова с пути истинного! Даже Лене Буроватых, к которой он испытывал исключительно платонические чувства! Это просто ужасно! Как глупо и опрометчиво я поступила!

Да, видимо, лёгкий флирт и безобидные заигрывания для Михаила не были таковыми. Он всё принимал за чистую монету. Только, к сожалению, мне одной удалось заронить грешные мысли в его голову. Какая досада! И теперь, когда его ожидал очередной облом с моей стороны, Миша не скрывал своей грусти.

Да, больше можно было не опасаться повторения неприятных инцидентов, в которых он позволил бы себе лишнее по отношению ко мне или к какой-нибудь другой женщине,

но мне было горько от того, что я внесла очередное разочарование в его душу. А я не привыкла обманывать чужие ожидания. Но в этом случае мой отход был оправдан. Пусть Миша поворачивает все свои мысли и желания в сторону жены, а я буду всячески способствовать этому.

– Я понял, – произнёс Михаил с тоской в глазах и после паузы добавил. – Но когда в тот раз ты предложила закрыть дверь, я был уверен, что ты говорила серьёзно.

– Так и было, – честно ответила я.

– То есть ты хочешь сказать, что если бы я тогда согласился, у нас бы с тобой был секс?

– Да, – кивнула я. – В тот момент у меня было такое настроение, что я была не прочь заняться сексом.

– Жаль, что я тогда отказался, – вздохнув, произнёс Михаил.

– Наоборот! Ты правильно сделал, потому что это могло создать кучу проблем для нас обоих! – стала уверять его я.

Но грусть из Мишиных глаз не уходила.

– Думаю, мы всё с тобой прояснили и снова станем друзьями? – с надеждой в голосе спросила я его.

– Да, разумеется! – тут же подтвердил он, но его взгляд всё ещё был наполнен сожалением об упущенной возможности.

Я же не стала тянуть резину, растягивая до бесконечности этот разговор, и попрощалась с Мишей, пожелав ему «до свидания», после чего ушла, но горечь всё ещё оставалась в моём сердце.

Миронов так часто употреблял в своей речи шуточки на тему ниже пояса, называя, к примеру, каждую пятницу «развратницей», и приглашая каждую женщину к себе «на стол», что я и помыслить не могла, что все эти разговоры могут быть для него чем-то большим, чем просто безобидной шуткой.

А может быть, дело во мне? Каким-то образом мне удалось заставить его проявить интерес к моей персоне. И в этом случае хорошо, что мы с ним всё прояснили, чтобы впредь Михаил не страдал напрасными иллюзиями, а приспособивался к тому образу жизни, который ведут все остальные, воспринимая женщин-коллег как обычных сотрудников, равных им во всём, но с которыми иногда, просто ради того, чтобы немного разрядить обстановку, можно и пошутить на разные темы, в том числе и на тему ниже пояса, и быть при этом уверенным, что они весело подыграют тебе, прекрасно понимая, что это всего лишь шутка.

Глава 45

о том, как передо мной открывается заманчивая перспектива карьерного роста, и какие препятствия возникают на пути к ней

Не прошло и года, как у нас снова случилась реорганизация, которая практически ничего не меняла. Некоторые отделы и управления сменили свои названия, а начальники одних подразделений стали начальниками других. Кое-кого, правда, отправили на пенсию, но в целом существенных изменений не произошло. Однако очередная реорганизация повлекла за собой новый виток бумажной работы, связанной с переименованиями и переназначениями, и я надеялась воспользоваться этой ситуацией и попросить у начальника повышение. И тут, как нарочно, ко мне подошёл Филатов Сергей Фёдорович, начальник Управления межведомственного взаимодействия нашей Корпорации, и предложил перейти на работу в их отдел.

– В нашем управлении не хватает человека с юридическим образованием, – сообщил мне Филатов. – Того, кто бы

проводил правовую экспертизу всех составляемых нами документов. Сама понимаешь, бегать с каждой бумажкой в ваш отдел и просить её посмотреть и посоветовать, как юридически грамотно написать ту или иную фразу, не всегда получается. Особенно, если документ срочный. Вы же все так заняты! А мы бы тебе предложили должность главного специалиста. Это на две ступени выше должности юрисконсульта, которую ты сейчас занимаешь. Да и оклад будет в полтора раза больше, чем твой нынешний. И хотя работа на этой должности официально не будет входить в твой юридический стаж, но работать ты будешь исключительно по специальности. Подумай, посоветуйся с мужем! Всё-таки лишний рубль для семейного бюджета не помешает.

Едва я выслушала Сергея Фёдоровича, как тут же ответила:

– Я согласна!

– Ты даже не хочешь подумать? – не ожидая такой быстрой реакции, удивился Филатов.

– Я уже подумала, – мгновенно ответила я. – У вас в Управлении хороший коллектив, со многими у меня дружеские отношения. Специфику вашей работы я тоже знаю, потому что мне приходилось просматривать документы, подготовленные вашим Управлением. К тому же ваши сотрудники в шесть вечера всегда уходят домой, и для меня, как для семейной женщины, это особенно важно. Ну и, разумеется, ощутимая прибавка к зарплате мне бы тоже пригодилась.

– Отлично! – обрадованным голосом сообщил Сергей Фёдорович. – Тогда в самое ближайшее время я поговорю с Генеральным по поводу твоей кандидатуры на должность главного специалиста нашего Управления и уверен, что мы прекрасно будем работать вместе!

– Очень на это надеюсь! – ответила я, и моё настроение сразу же улучшилось.

Какая замечательная новость! Наконец-то в моей унылой жизни появился хоть какой-то просвет! Перспектива больших денег и нормальной работы с адекватным начальником без переработок и измотанных нервов, – всё это не могло не радовать!

Признаться, я даже втайне завидовала сотрудникам Управления межведомственного взаимодействия. У них никогда не было такого бумажного завала, как у нас, у юристов. Лишь чистенькая работа и общение с образованными и культурными представителями других министерств и ведомств. Неудивительно, что все сотрудники Управления межведомственного взаимодействия ходили по зданию нашей Корпорации медленно и степенно, не суетясь и не бегая. На их лицах всегда было приветливое и доброжелательное выражение, а сами они были приятными в общении людьми. В нашем отделе всё это тоже когда-то было. Но давно, ещё до моего второго декрета. А потом объём бумажной работы увеличился, сроки исполнения документов уменьшились, а появление Вороновой окончательно всё испортило.

Да, перспектив карьерного роста в юридическом отделе для меня не предвиделось, так что стоило попробовать себя на другом поприще.

Вечером я рассказала мужу о предложении начальника Управления межведомственного взаимодействия, и супруг согласился с моими доводами. Впрочем, его устроил бы любой расклад, если это повлекло бы за собой ощутимые вливания в наш семейный бюджет. В общем, целые сутки я пребывала в благостном настроении, пока на следующий день Макаров не вызвал меня к себе в кабинет.

– Пиши заявление на должность, – сразу же предложил он, протягивая мне чистый лист бумаги.

– На какую? – мигом поинтересовалась я, полагая, что вопрос с моим переводом в Управление межведомственного взаимодействия благополучно решён.

– На ту же, что была у тебя, – спокойным голосом произнёс Макаров.

– Тогда я не буду писать это заявление, – ответила я, отодвигая от себя лист бумаги.

– Почему? – удивился начальник.

– Потому что я перехожу в Управление межведомственного взаимодействия, – снова ответила я.

– И на какую должность?

– На должность главного специалиста, – сказала я.

Нескрываемое удивление отразилось на лице Макарова. Вероятно, он был не в курсе планов Филатова в отношении

меня. Однако нужно отдать ему должное, он сразу сообразил, что теряет ценного сотрудника, и принялся отговаривать меня.

– Но ведь ты не сможешь работать по специальности! Не сможешь ездить по судам! Ты будешь заниматься только бумажной работой, которая тебе никогда не нравилась! – принялся выкладывать он свои доводы.

– Да, это не самый приятный момент в моей предстоящей работе, но, по крайней мере, меня не будут загружать так, как здесь! Мне не придётся каждый день задерживаться на рабочем месте. Ровно в шесть часов я буду уходить домой и проводить каждый вечер со своей семьёй! Может быть, Вы не помните, но у меня двое детей, и я должна приходить домой живая, а не мёртвая! И это не говоря о том, что зарплата у меня будет больше!

Макаров внимательно посмотрел на меня, и я надеялась, что он сейчас пожелает мне всего хорошего, и мы попрощаемся с ним. Но не тут-то было.

– Будет тебе должность главного специалиста. А точнее, главного юрисконсульта, с окладом как у главного специалиста, – ответил он. – Я обещаю тебе, что как только закончится реорганизация, я лично подойду к Генеральному директору и подпишу у него все бумаги на твоё повышение. А пока пиши заявление на должность юрисконсульта отдела правового обеспечения.

– Я не буду этого делать, – твёрдо произнесла я. – Потому

что для себя я всё решила. Я перехожу работать в Управление межведомственного взаимодействия.

– Это мы ещё посмотрим, – каменным голосом проговорил Макаров, забирая из моих рук чистый лист бумаги. – Можешь идти, – добавил он, и я немедленно вышла из кабинета начальника.

Я была очень довольна собой. Я сумела устоять перед сомнительной перспективой карьерного роста, которую пообещал мне Макаров, потому что знала: этому не бывать. Он пообещал мне должность главного юрисконсульта от отчаяния, лишь бы заставить меня передумать. И я очень сомневалась, что он сдержит своё слово. К тому же я по опыту знала, что если решишься уйти, то нужно это делать, не оглядываясь в надежде, что кто-то остановит тебя. Ни к чему хорошему это не приведёт. Нужно идти дальше, нарабатывать опыт и расширять деловые контакты, а пребывание на протяжении долгих лет в одном трудовом коллективе на одном участке работы ведёт к стагнации. И в итоге начинаешь ненавидеть свою работу, которая превращается из средства зарабатывания денег в каторгу, которая тяготит и лишает жизненных сил. И сейчас я пребывала именно в таком состоянии. Нужно было уходить, менять место работы, чтобы не скиснуть, превратившись в зловредную старую клюшку, вымещающую своё недовольство на всех и каждом.

Но человек предполагает, а Бог располагает.

Когда на следующий день Филатов увидел меня в коридо-

ре, то отозвал в сторонку для конфиденциальной беседы.

– Катя, вчера я подошёл Генеральному директору по поводу твоей кандидатуры на должность главного специалиста в нашем Управлении, и он мне чётко сказал, что не будет утверждать твою кандидатуру. Мне ясно дали понять, что ты должна остаться в юридическом отделе. И я догадываюсь, чьих рук это дело, но не могу с этим спорить. И как бы мне не хотелось видеть тебя в нашем коллективе, тебе придётся остаться на своей должности.

Услышав это, я чуть не расплакалась. Ну почему всё складывается против меня? Почему бы Макарову не отпустить меня восвояси? Ведь у него остаётся опытный судебник Щипачёв и все остальные юристы, которых с места не высидишь! Они будут очень рады избавиться от меня! Ну зачем я им?

И Филатов пошёл своей дорогой, а я своей.

И в тот же день Макаров снова пригласил меня в свой кабинет и снова положил передо мной чистый лист бумаги, на котором в этот раз я написала всё, что он хотел. И чтобы утешить меня, Макаров снова заверил меня в том, что обещает повысить меня в самое ближайшее время. Ага! Свежо предание, да верится с трудом!

Я продолжила работать на старой должности, но с большим объёмом работы, который Макаров аргументировал тем, что я должна заслужить новую должность. А вскоре долгожданного повышения лишилась не только я, но и сам Ма-

каров.

Глава 46, которая представляет читателю ещё некоторых лиц этой повести

Наверное, так происходит во всех организациях, когда должности с хорошей зарплатой становятся слишком заманчивой приманкой для тех, кто желает поживиться. Долго усидеть на «хлебном» месте не удаётся никому, даже самому главному начальнику. Так и случилось в нашей Корпорации.

Шурин заместителя Генерального директора Корпорации «Делай то, что не делают другие!» резко пошёл наверх и занял должность заместителя Министра прогрессивных идей, после чего решил, что негоже мужу его сестры отсиживаться на вторых ролях, и, пользуясь возникшим влиянием, добился его назначения на должность Генерального директора нашей Корпорации, отправив его предшественника в спешном порядке на пенсию. Соответственно, все ставленники бывшего Генерального директора мгновенно оказались под угрозой увольнения, включая начальника юридического отдела Макарова Анатолия Юрьевича. А учитывая, что юристом он был просто никудышным, то подобное решение было вполне оправданно. И чтобы не пополнить ряды армии безработных, Макаров быстренько договорился с начальником аналитического отдела о том, чтобы тот принял его к

себе. И в итоге Анатолий Юрьевич с понижением перевёлся в другой отдел, тогда как нам тут же назначили другого начальника – Мытникова Сергея Леонидовича.

Ему было сорок четыре года, и он имел внешность тренера фитнес-клуба. Лысый, накачанный, с упругой походкой и резкими движениями, – он совершенно не был похож на юриста-судебника, коим являлся. На моё счастье, у Сергея Леонидовича был большой опыт судебной работы, что сразу позволило мне найти у него понимание, а ему, в свою очередь, выделить меня из круга своих подчинённых сотрудников как единственного юриста, с которым можно было на равных обсуждать любые юридические проблемы и возникающие вопросы, связанные с судебными процессами. И если бы новый начальник вдобавок к этому меня бы повысил, я бы, наверное, только выиграла от проведённой реорганизации. Но, к сожалению, на имевшуюся в нашем штате должность главного юрисконсульта Мытников тут же назначил своего знакомого, которого сам привёл в Корпорацию «Делай то, что не делают другие!». Этим знакомым оказался Тришин Николай Викторович.

Николаю было тридцать четыре года. Он был женат и имел дочь пяти лет. В общении с нами Николай проявлял исключительную вежливость, но держал дистанцию, не стараясь сблизиться. Порученные документы исполнял исправно. Но проблема заключалась в том, что от появления в нашем коллективе нового сотрудника легче работать нам не стало, по-

тому что Тришин исполнял в основном личные поручения Мытникова, являясь кем-то вроде его личного секретаря, в результате чего мы могли целыми днями не видеть Николая и гадать о причинах его отсутствия на рабочем месте. Но затем он вновь появлялся за своим рабочим столом и корпел над бумагами, как ни в чём не бывало. И нам оставалась лишь смириться с тем, что новый сотрудник работает по своему графику и со своим объёмом работы, который устанавливает для него наш начальник.

В общем, перемены, произошедшие в Корпорации «Делай то, что не делают другие!» были, лично для меня, не такими уж плохими, и я стала надеяться, что новая метла будет мести по новому, и энергичный Сергей Леонидович Мытников встряхнёт весь наш отдел, заставив всех работать в равной степени или хотя бы в соответствии с занимаемыми должностями. И я очень надеялась, что ненавидящую меня Воронову он тоже поставит на место, популярно объяснив, кто здесь начальник. Но, видимо, покровитель Вороновой сразу же сообщил Мытникову об исключительно привилегированном положении своей любовницы, потому что Сергей Леонидович не только не ограничил власть своей заместительницы, но и, как прежде Макаров, предоставил ей полный карт-бланш на те методы работы, которые она сочтёт нужным применять по отношению к своим подчинённым. Так что мне оставалось лишь молиться о том, чтобы меня не съели живьём, пока я не подыщу себе другое место работы.

Глава 47

о кофейных посиделках

Наш новый начальник оказался заядлым кофеманом. Едва обосновавшись в новом кабинете, после выселения оттуда Макарова, Мытников купил на собственные деньги и кофе, открыв бесплатную кофейню для всех желающих. К нему реально можно было зайти в любое время (разумеется, если в тот момент на работе было относительно спокойно) и попросить сделать кофе. И он никому не отказывал.

Более того, Мытников взял за привычку устраивать в своём кабинете кофейные посиделки, приглашая к себе по очереди того или иного сотрудника, как нашего, так и других отделов. Вероятно, таким образом он пытался познакомиться со всеми, а заодно собрать необходимую для работы информацию. И никто не отказывался от таких приглашений, и отнюдь не потому, что они исходили от начальника, а потому что кофе действительно был вкусный. Да и почему не поговорить с человеком, если тебя вежливо приглашают на кофе? Лично мне скрывать было нечего, и я без проблем позволила Сергею Леонидовичу задавать мне абсолютно любые вопросы. И надо отдать должное новому начальнику, он не злоупотреблял своими правами. Например, со мной он разговаривал исключительно о судебной работе, параллельно делясь

своей собственной практикой.

Он объяснил мне, что каким бы грамотным юристом ты ни был, и даже если правда полностью на твоей стороне, дело всё равно может быть проиграно, и подобные вещи нужно принимать со стоическим спокойствием.

Ах, если бы я и в самом деле могла так к этому относиться!

По жизни я – перфекционист и считаю, что если не могу делать что-то на «отлично», то лучше я вообще не буду это делать. Поэтому если мне пытаются поручить судебное дело, заведомо проигрышное, я сделаю всё, чтобы от него отказаться. Один раз я даже ушла на больничный, чтобы не браться за подобное дело. Однако в свою защиту хочу сказать, что с моим опытом, образованием и мозгами я могу вытянуть практически проигрышное дело. Даже такое, которое уже было проиграно в первой инстанции, и срок на обжалование был пропущен. Если я вижу хоть малейшую лазейку исправить ситуацию, я её исправлю. Но иногда бывает, что лазеек нет. И тогда мне даже неинтересно тратить время и нервы понапрасну. Но Мытников долго пытался переубедить меня в неверности моей позиции, что работа есть работа, но я всё равно осталась при своём мнении, которое не стала ему озвучивать.

О чём начальник разговаривал с другими сотрудниками нашего отдела, я не знаю, но очень скоро все дружно начали скидываться на кофе и кофеварки, и в каждом нашем ка-

бинете появился кофейный столик, где можно было попить кофе.

Честно говоря, я тоже не осталась в стороне от этой кофейной лихорадки и купила кофеварку себе домой, потому что уже не могла довольствоваться растворимым кофе, который пила раньше.

Глава 48

о том, как по вине Вороновой я попала в глупейшее положение

Разгар рабочего дня, и я работаю над документами. Плюшкин с кем-то громко разговаривает по городскому телефону, а Уколов втихоря смотрит какой-то фильм на экране своего компьютера, воткнув в ухо наушник. И тут раздаётся звонок моего мобильного телефона, и я вижу, что это Воронова.

– Мещерякова, ты одна в кабинете? – тут же спрашивает начальница, едва я ответила на звонок.

– Нет, – отвечаю я, не понимая, какое это имеет значение.

– Тогда срочно выйди в коридор! – приказывает Воронова, и я опрометью выскакиваю из кабинета, будучи полностью уверенной в том, что за порогом увижу свою начальницу. Однако в коридоре стоит лишь группа ребят из технического отдела, которые оживлённо что-то обсуждают. При моём появлении на сцене они резко прекратили разговор и посмотрели в мою сторону.

Заметив мой ошалелый вид, ребята вежливо поинтересовались:

– Катя, с тобой всё в порядке?

– Да, – спешно ответила я, оглядывая коридор и ища там

признаки присутствия своего начальства. – Просто мне только что позвонила Наталья Николаевна и просила выйти, – пояснила я им.

Вслед за мной ребята тоже оглядели коридор, но кроме меня и их там никого не было. И что мне следовало сделать в этой ситуации? Стоя на месте, я набрала номер Вороновой.

– Наталья Николаевна, я вышла в коридор, – сообщила я ей. – Что мне делать дальше?

Полагая, что это очередная причуда начальницы, которая любит отрабатывать на мне свой навык дрессировщика, я приготовилась выслушать новое задание того квеста, который она для меня приготовила. Ребята-техники тоже навестили уши. О моих натянутых отношениях с Вороновой знали все, и потому всем было любопытно, какой новый трюк мне придётся для неё выполнить. И в воцарившейся тишине, когда становится слышно, как пищит комар, Воронова произносит своим громким голосом, который слышали абсолютно все, кто стоял в коридоре:

– Мещерякова, у тебя прокладки есть?

После этих слов краска мгновенно залила моё лицо. Ребята-техники тоже ощутили неловкость и попытались возобновить прерванный разговор, а я едва слышно прошептала в трубку:

– Есть.

– Тогда хватай их и срочно неси в женский туалет! – максимально громко проорала Воронова, и я поспешила на-

жать на отбой, чтобы больше никто не стал свидетелем этого неприятного разговора.

Вернувшись в свой кабинет, я заметила, что Полюшкин уже закончил разговаривать по городскому телефону. Он посмотрел в мою сторону и спросил:

– Что случилось, Екатерина Ивановна? Ты как-то странно выглядишь!

Уколов тоже отвлёкся от просмотра фильма и вынул из уха наушник.

– О чём беседуем? – спросил он.

– Да я расспрашиваю Екатерину Ивановну о том, что произошло за то короткое время, пока она выходила из кабинета, – пояснил Полюшкин товарищу. – У неё такое выражение лица, словно её кто-то обидел!

– Кто посмел обидеть нашу Екатерину Ивановну? – мигом вступился за меня Уколов. – Сейчас пойдём, разберёмся!

– Да всё в порядке, ребята! – попыталась я улыбнуться своим защитникам, однако была уверена, что улыбка получилась жалкой. – Просто очередное задание от начальства.

– Задания начальства нужно выполнять! – тут же резюмировал Полюшкин, а мне пришлось повернуть чудеса эквилибристики, чтобы незаметно от своих коллег-мужчин достать из сумки резервную прокладку, которая всегда хранится у меня на экстренный случай.

Но это было полбеды. Как нарочно в тот день на мне было платье без единого кармана. В чём, спрашивается, мне было

нести прокладку, чтобы не привлечь к себе ничьё внимание?

Времени на раздумья не было, так как я и без того задержалась, выполняя задание Вороновой. В итоге, я схватила со стола пустую папку, положила туда прокладку и снова выскочила из кабинета.

Ребята-техники всё ещё стояли в коридоре, отчего я снова испытала чувство ужасной неловкости и потому опустила взгляд, а затем быстро-быстро зашагала по направлению к женскому туалету. Зайдя в туалет, я обнаружила там одну закрытую дверь.

– Наталья Николаевна! – произнесла я громко.

– Принесла? – сквозь дверь, крикнула Воронова.

– Да! – ответила я, доставая из папки прокладку и подходя к закрытой кабинке.

А там временем Воронова слегка приоткрыла дверь и протянула мне руку. Вложив в её руку прокладку, я позволила себе спросить:

– Зачем Вы велели мне выйти в коридор, чтобы поговорить с Вами?

– Ну, у тебя же в кабинете были мужики! – через дверь ответила она. – Не могла же я при мужиках просить у тебя прокладки!

– Да, но в кабинете у меня было всего два мужика, и ни один из них не слушал мой разговор, а в коридоре стояло восемь ребят из технического отдела, и они прекрасно всё слышали! Тем более, если бы Вы сразу сказали мне, что Вам

нужно, я бы тихонечко достала прокладку из сумки, не привлекая лишнего внимания. А так мне пришлось это делать под пристальными взглядами десяти мужчин! – принялась высказывать я недовольство поведением начальницы.

– И откуда я могла это знать? – прорычала через дверь Воронова, и я поняла, что в её глазах я в любом случае окажусь виноватой.

– Ну, я пойду к себе работать? – спросила я тогда у начальницы.

– А почему ты всё ещё здесь? – услышала я новый рык и поспешила обратно в свой кабинет, пока меня не обвинили ещё в чём-нибудь.

Глава 49

о закрученных гайках

Между тем рабочая обстановка в нашем отделе заметно накалялась. Я полагала, что с появлением такого энергичного начальника в наш коллектив вольются новые силы, но всё стало только хуже, и отнюдь не из-за Сергея Леонидовича, а из-за политики нового Генерального директора Корпорации «Делай то, что не делают другие!».

Пытаясь выслужиться перед высокопоставленным шуриным, наш Генеральный принялся рьяно закручивать гайки. Бумагооборот в Корпорации увеличился в несколько раз, и львиную долю этой работы приходилось делать юристам.

Новый Генеральный взял за привычку сидеть на рабочем месте до десяти-одиннадцати часов вечера и, соответственно, его подчинённые сотрудники должны были точно так же каждый день задерживаться на своих рабочих местах.

Конечно, ему-то подобный образ жизни вряд ли был в тягость, так как Генеральный приезжал на работу, самое раннее, после обеда, а то и вовсе к четырём часам дня. Да и домой он отправлялся на служебной машине, а не на общественном транспорте. Мы же, бедолаги, должны были всегда приползать на работу к девяти утра. А о том, как мы будем добираться до дома вечером, особенно те, у кого нет личного ав-

тотранспорта, никого не волновало.

Кроме того, всем сотрудникам Корпорации «Делай то, что не делают другие» были выданы именные электронные ключи, а на проходной установлены турникеты с датчиками, которые фиксировали, в какое время тот или иной сотрудник пришёл на работу. Причём приходиться полагалось, самое позднее, без десяти девять утра, чтобы к девяти ноль-ноль каждый успел зайти в свой кабинет, включить и прогрузить компьютер и начать работать. Опоздание даже на несколько секунд наказывалось выговором. А за два выговора возникла явная угроза увольнения.

Из-за всех этих нововведений мне пришлось спать ещё меньше, а вставать ещё раньше. Я стала приводить сына в детский сад к половине восьмого утра. В это время воспитатели даже не всегда успевали прийти, поэтому я оставляла сына с охранником, поручая ему передать моего мальчика воспитательнице, когда та придёт в группу. Ужас, одним словом!

Несмотря на покровительство любовника, Вороновой тоже досталось, так как она жила в области и всегда опаздывала. Но, по совету своего любовника, она пошла на хитрость. Написала Генеральному заявление, согласно которому попросила официально сместить ей рабочий день на час, так как у неё маленькая дочь, которую необходимо водить в детский сад. И хотя Воронова никогда не занималась своими детьми (она постоянно бравировала этим фактом, заявляя,

что даже не готовит дома, а её дети полностью находятся на попечении мужа и няни), она получила это разрешение, и теперь её рабочий день официально начинался в десять утра и заканчивался в семь вечера. А учитывая, что уходили мы домой всегда ближе к ночи, это не играло никакой роли. Так что она выиграла лишний час для своего утреннего сна, тогда как никому из нас такую роскошь Генеральный не позволил.

А насчёт вечернего трансфера домой Воронова тоже считрила. Водительских прав она не имела и потому пользовалась общественным транспортом. Но добираться на общественном транспорте после одиннадцати вечера – удовольствие сомнительное. Тогда она, пользуясь своей наглостью и безотказностью Миши Миронова, а также тем фактом, что они работают в одном кабинете, уговорила его отвозить её каждый день домой, несмотря на то, что жили они в совершенно разных городах области.

Как ей это удалось, ума не приложу, но Миша стал безропотно исполнять роль личного водителя Вороновой, из-за чего стал возвращаться к себе домой лишь к середине ночи.

Отношения Миши с женой ещё больше испортились, а сын вообще перестал видеть отца. Но Михаил безропотно выполнял все приказания Вороновой в ущерб собственным интересам и интересам своей семьи.

Начали поговаривать, что у Вороновой с Мироновым роман, но я ни на секунду в это не верила. Да и Воронова была

не в его вкусе – в этом я совершенно не сомневалась. Полагаю, что эта женщина просто манипулировала им, возможно, даже грозила увольнением, потому что ничем иным заставить Михаила плясать под свою дудку она просто не могла.

Глава 50

о мухах и людях

Я всегда удивлялась поведению мух. Вот влетит какая-нибудь из них в окно и потом не может найти выход обратно наружу. Она будет летать по всей квартире, биться о потолок и о стены, пролазить в самые узкие щели, но при этом так и не сможет увидеть распахнутого окна, находящегося прямо перед ней.

Так и люди. Вместо того чтобы войти в распахнутые двери, которые открывает перед ними судьба, они будут искать лазейки, оправдания и отговорки для того, чтобы поступать так, как им не нравится, и выполнять то, что причиняет им кучу неудобств и трудностей, лишь бы не делать того, что, казалось бы, является очевидным и единственно приемлемым выходом из сложившейся ситуации.

Вот и я весь последний год понимала, что так не может продолжаться дальше. Нужно уходить с этой работы, пока не поздно. Потому что если и дальше сидеть сиднем и ждать, пока ситуация разрешится сама собой, всё может закончиться очень и очень плохо. И первый, наиболее вероятный исход, который ожидает меня, это моя собственная смерть, потому что я чувствовала, что нахожусь на последнем издыхании. Нельзя издеваться над своим телом, нагружая его до

бесконечности, и надеяться, что оно не подведёт. Подведёт. Я знаю это по собственному опыту и по опыту других. Как говорил один мой знакомый: «Сколько их, незаменимых, сейчас лежит на Митинском кладбище!».

И это – горькая правда. Смерть от инфаркта или инсульта – наиболее вероятная перспектива для меня. Но если вдруг каким-то чудом моё здоровье позволит мне отпахать на работе ещё несколько лет, то меня ждут тревоги почище этой, потому что если Воронова решила от меня избавиться, то она сделает это. И постарается уволить меня по отрицательной статье. И полбеды будет, если меня просто уволят за несоответствие занимаемой должности, испортив тем самым только мою трудовую биографию. Хуже будет, если меня подведут под статью Уголовного кодекса. Ведь тогда будет испорчена не только моя жизнь, но и жизнь моих детей. И что в таком случае их ожидает? А то, что им всю жизнь придётся указывать в своих анкетных данных о судимости своей матери, что перекроет им не только возможности профессионального роста, но и много других перспектив. А то, что мои опасения имеют под собой реальные основания, доказывали последние события. Воронова ни перед чем не остановится, чтобы навредить мне.

Когда человек один раз позволяет себе ради выгоды переступить через моральные принципы, то потом делать это ему гораздо проще. Ради того, чтобы получить руководящую должность в нашей Корпорации, Воронова поставила

на карту всё: свою семью, супружескую верность и друзей. И неужели она сможет отказаться от своего тёпленького хлебного местечка ради того, чтобы какая-то Катя Мещерякова смогла однажды подсидеть её? Конечно же, нет! Я знала, что она в любой момент может бросить меня на амбразуру без малейших колебаний совести. И поэтому я не должна была позволить ей сделать это.

Я знала, кто именно крышует её, и могла бы найти управу на её любовника, используя более влиятельных людей. Будучи умнее и хитрее Вороновой, я смогла бы сама подставить её и выжить с насиженного места, используя грязные приёмы, которые с такой лёгкостью использует она. Но это означало бы одно: я должна была уподобиться ей. Стать такой же грязной и мерзкой стервой, не имеющей моральных принципов, вечно прячущейся за спину своего влиятельного любовника. Но только я – не такая. Я выше всех этих мелких тварей, которые ради денег готовы предать всё, что им было когда-то дорого.

А что такое деньги? Бумажки, которые однажды потеряют цену, потому что на них не купишь того, что на самом деле важно. К тому же деньги имеют свойство кончаться. И неважно, тратишь ты их или нет. Если ты их копишь, а не тратишь, то их съест инфляция. А если тратишь, то они закончатся ещё быстрее, и ты даже не заметишь, что твой кошелек опустел. Поэтому, как бы человек не старался заработать больше денег, их всё равно не будет хватать. Никогда.

Да и, честно говоря, неужели наша Корпорация – единственное место на земле, где можно заработать деньги? Если Воронова не может отсюда никуда уйти, потому что с её купленным дипломом и знаниями, объём которых не превышает Гулькин нос, а внешность и умение общаться с людьми вообще в минусе, то у меня другая ситуация. Учитывая моё образование и опыт работы, а также личные качества, я легко могу найти себе работу в другом месте. И для этого мне не нужен влиятельный любовник. Я сама без посторонней помощи могу справиться с любыми трудностями.

Так что же я медлю? Чего жду? Нужно взять себя в руки и написать заявление об увольнении. И пусть это будет шаг в никуда, это не значит, что у меня ничего не получится. Я не пропаду, потому что крест, который мне достался, настолько тяжёл и велик, что по нему я перейду любую пропасть, которая будет у меня на пути. Главное, не поддаваться слабости и не отступать. Я смогу. Я пройду этот путь, потому что я очень сильная. И смелая. И потому что я верю в себя. А мнение остальных меня не волнует.

Но, как на беду, мой муж, который всегда только добавлял мне проблем, решил и в этот раз выкинуть очередной фортель, к которому я была совершенно не готова. Явившись в очередной раз пьяным на работу, он добился того, что его уволили, и я осталась единственным добытчиком в нашей семье. В довершение всех неприятностей выяснилось, что муж, для которого хорошие отношения с его приятелями бы-

ли превыше всего на свете, втайне от меня стал поручителем одного своего дружка, который взял кредит на покупку машины. Однако долго порадоваться новому автомобилю приятель мужа не успел, так как вскорости попал в аварию, не только разбив свою машину, но и врезавшись в другую, стоимость которой равнялась стоимости небольшой квартиры в ближнем Подмосковье. Естественно, оформленная страховка не покрыла всех издержек, не говоря уже о том, что кредит банку так до конца и не был выплачен. Но приятель мужа не сильно переживал по этому поводу, так как в его договоре с банком был указан поручитель, способный взять на себя все необходимые выплаты. В результате чего банк обратился с требованием к моему мужу, чтобы тот продолжил производить причитающиеся за покупку автомобиля выплаты, грозившись наложить арест на нашу квартиру. А мой муж, понимая, что пахнет жареным, предпочёл самоустраниться, переложив на меня решение всех возникших проблем. И в итоге мне пришлось самой оплачивать долги незнакомого человека, пока банк за чужие грехи не лишил нас того немногочисленного имущества, которое у нас было. Увольняться с работы сейчас я просто не могла, иначе бы мы увязли в такой долговой яме, из которой ещё не скоро смогли бы выбраться. Правда, через некоторое время муж всё-таки устроился на новую работу с зарплатой вдвое меньше предыдущей, но я и тому была рада. Однако жить всей семьёй на эти деньги, да ещё и делать выплаты банку, было нереально. Потому я ре-

шила повременить с увольнением, хотя бы до того времени, пока мы не рассчитаемся с банком за долги приятеля мужа. Но на свою беду, я имела неосторожность поведать о свалившихся на меня горестях своим коллегам в надежде получить если не помощь, то хотя бы моральную поддержку, и это стало большой ошибкой. Руководству нашего отдела стало очевидно, что в ближайшие несколько месяцев я никуда отсюда не денусь, и потому меня стали нагружать ещё больше, а относиться ко мне ещё хуже.

Глава 51

которая подтверждает, что проблемы негров шерифа не волнуют

Как-то давно я смотрела по телевизору передачу про известную киноактрису Светлану Крючкову, и когда телеведущий спросил её сына: «А что вы с мамой любите делать дома?», мальчик ответил.

– Мама дома только тогда, когда болеет или спит.

И в тот момент я подумала о том, какая же это мать, если она совершенно не занимается детьми, полностью игнорируя свои родительские обязанности ради карьеры? Что ж, как говорится, не судите, да не судимы будете, потому что теперь я стала именно такой женщиной. Я бывала дома либо когда мне совсем плохо, и я не в состоянии подняться с постели, либо когда я в еле живом состоянии приползала домой и сразу же ложилась спать, чтобы утром ни свет ни заря поднять с постели сына, отвести его в детский сад и бежать быстрее на работу. Дочерью я не занималась вовсе, так же как и мужем. У меня на это не было времени.

За последние полгода я ни разу не убрала квартиру, не помыла пол, не пропылесосила, не протёрла пыль. Я не глади-

ла бельё, за исключением офисных рубашек, в которых мне нужно ходить на работе. Я не готовила еду. Моя семья питалась либо фаст-фудом в сетевых ресторанах быстрого питания, либо в пиццерии. Сама же я питалась святым духом, потому что вечером, как бы сильно мне не хотелось есть, я была не в состоянии приготовить даже самое простое блюдо. А рассчитывать в этом плане на мужа мне не приходилось, так как он принципиально не занимался домашней работой. Свекровь же готовила лишь на себя, не думая даже о внуках, не то, что обо мне. Потому я часто ложилась спать голодной. А утром съедала купленный накануне вечером йогурт, сделала пару бутербродов с собой на обед и, схватив сына за руку, мчалась сначала в детский сад, а затем на работу. Мои рёбра уже можно было просматривать без рентгена, но позаботится обо мне или хотя бы немного помочь было некому. Поэтому я продолжала из последних сил ездить каждый день на работу, где на рабочем столе, кроме груды срочных документов, меня поджидала целая пачка витаминов и таблеток для повышения давления. Без них бы я давно протянула ноги.

Когда в выходные дни сын просил меня посмотреть вместе с ним телевизор, я с радостью соглашалась. Но стоило мне сесть на диван, я тут же закрывала глаза и сидя засыпала. Сын расталкивал меня, но это не помогало, потому что, едва открыв глаза, я снова засыпала.

А недавно мы с детьми пошли погулять. Это было прекрасное воскресное утро. Мы погуляли на детской площад-

ке, затем сходили в магазин за продуктами. А когда пришли домой, я сказала:

– Я прилягу на полчаса отдохнуть. А потом встану и приготовлю обед.

Но проснулась я от того, что дети пытались растолкать меня. К тому времени за окном уже стемнело.

– Мама, с тобой всё в порядке? – услышала я взволнованный голос дочери.

– Да, а что случилось?

– Мы весь день пытаемся разбудить тебя, а ты не просыпаешься.

Заподозрив неладное, я спросила.

– А сколько сейчас времени?

– Десять вечера, – ответила дочь.

– Значит, я проспала весь день?

– Да.

И несмотря на то, что я проспала всю ночь и весь день, я не чувствовала себя выспавшейся или отдохнувшей. Поэтому я перевернулась на другой бок и снова уснула, и совершенно не помню того, как легли спать дети.

Да, однозначно, у меня синдром хронической усталости. У меня даже появилась одышка, хотя никогда раньше этого не было. У меня начались головокружения, а головные боли практически не прекращались. И было очевидно, что долго я так не протяну.

И вот, еле живая, как зомби, я снова поднималась с кро-

вати, заваривала очень крепкий кофе и съедала йогурт, поднимала с постели сына, одевала его и вела в детский сад, а затем изо всех сил бежала к метро и, как селёдка в бочке, ехала на работу.

Но однажды я не успела доехать до здания Корпорации, чтобы там принять очередную порцию лекарств и витаминов, которые бы слегка меня взбодрили. Приблизительно через полчаса своего пути я снова почувствовала головокружение и онемение в пальцах. В ушах начался сильный звон, который предвещал скорую потерю сознания, и я поняла, что не в состоянии сегодня совершать трудовые подвиги. Нужно было отправляться к врачу, если я хотела дожить хотя бы до вечера.

На ватных ногах я развернулась и поехала в обратную сторону.

Добравшись до поликлиники, я заняла очередь и достала из сумки мобильный телефон, после чего набрала номер начальницы.

– Что тебе, Мещерякова? – услышала я вместо приветствия.

– Наталья Николаевна, я сейчас в поликлинике. Мне очень плохо. Как выйду от врача, я Вам перезвоню.

– Надеюсь с тобой ничего серьёзного, – ответила Воронова. – А то документы тебя ждать не будут.

– Я тоже надеюсь, что ничего серьёзного, – ответила я и выключила телефон.

Дождавшись своей очереди у терапевта, я зашла в кабинет.

– Что у Вас случилось? – безразличным тоном произнесла женщина-врач, не отрывая взгляда от бумаг, лежащих у неё на столе, и не глядя в мою сторону.

– Я ехала на работу, и внезапно мне стало плохо, – ответила я и, не дожидаясь приглашения, присела на стульчик. – Поэтому я приехала к Вам.

– И правильно сделали, – ответила врач и посмотрела в мою сторону.

Она достала тонометр и стала измерять моё давление.

– Сколько? – спросила я, когда врач закончила.

– Восемьдесят на сорок, – ответила она и достала бланки. – Вам нужно будет сейчас подняться на пятый этаж и сделать кардиограмму. И ещё я выпишу направление на анализы.

Врач говорила и одновременно заполняла бланки.

– Как Вы вообще ходите на работу в таком состоянии? – спросила она у меня. – Если Вы проснулись и почувствовали себя плохо, нужно было вызывать врача и ждать его дома.

– Но я почувствовала себя плохо в метро, – стала оправдываться я. – Ехала стоя в переполненном душном вагоне.

– А если бы Вы потеряли сознание? – спросила врач. – И упали бы не в вагоне метро, а, к примеру, на эскалаторе? Или же тогда, когда переходили дорогу? Что было бы тогда?

Врач продолжала говорить, и я понимала, что она права.

Абсолютно права. А ещё я понимала то, что почему-то с каждой секундой мне становится всё хуже и хуже. Я даже не могла прямо сидеть на стуле. Мне хотелось лечь, чтобы звон в ушах прекратился, а пальцы перестали неметь. И я положила голову себе на колени.

– Что с Вами? Вам плохо? – обеспокоенным тоном спросила врач, но я уже не могла ответить.

Я лишь услышала, как она поднялась из-за стола и выбежала в коридор. И до моего слуха донёсся её голос:

– Бригаду реанимации ко мне в кабинет! Срочно!

Вскоре прибежали люди в белых халатах, и меня положили на койку. Кто-то сказал мне:

– Сейчас мы вызовем машину, и Вас отвезут в больницу.

– Мне нельзя в больницу! У меня дети, – прошептала я.

– Тогда будем ставить Вас на ноги. Сейчас мы сделаем Вам укол. Он очень болезненный. Ощущения будут такие, словно Вам битое стекло под кожу будут вводить. Станете терпеть?

– Да, – прошептала в ответ я. – У меня нет выбора.

И мне вкололи кардиомин. Врач не обманула, потому что укол, действительно, был такой, что будь я в другой ситуации, непременно бы отказалась.

А тем временем моё состояние измеряли какими-то медицинскими приборами, осматривали, обследовали прямо на койке, и через некоторое время я ощутила, что зрение снова сфокусировалось, а звон в ушах прекратился.

И в этот момент зазвонил мой мобильный телефон. Воз-

можно, сейчас было не самое лучшее время для телефонных разговоров, но я знала, что если это звонят с работы, то лучше ответить, потому что иначе телефон будет звонить, не переставая.

Взглянув на экран мобильного, я поняла, что это Воронова.

– Алло, – ответила я в трубку.

– Мещерякова, ты куда пропала? Почему тебя до сих пор нет на рабочем месте? – не скрывая раздражения, проговорила Воронова, словно я не предупредила её о том, что пошла к врачу.

– Наталья Николаевна, понимаете, я сейчас в реанимации и не могу разговаривать по телефону, – произнесла я шёпотом, опасаясь вызвать недовольство врачей.

– Ты что, хочешь сказать, что сегодня не придёшь на работу? – заорала в трубку Воронова, и я почувствовала, что эффект от укола мигом пропал. – А кто документы за тебя будет делать, пока ты собираешься в больнице прохладиться?

Признаться, до сего момента я и не подозревала о подобной степени бесчувственности своей начальницы. Её совершенно не интересовало моё состояние. Ей нужен был лишь робот, который мог бы круглосуточно работать.

– Но у меня нет ни одного неисполненного документа! – возразила я.

– Это вчера их не было, а сегодня уже есть, – ответила Во-

ронова. – Я уже успела отписать тебе целый ряд документов, пока ты там валяешься на больничной койке!

– Но я не смогу сегодня быть на работе!

– Я уже поняла, – рявкнула Воронова и бросила трубку.

А я тихонько отключила телефон и огляделась по сторонам. Нужно было подниматься и освобождать место, чтобы не задерживать понапрасну врачей.

– Мне уже лучше, – ответила я, поднимаясь с койки.

– Это хорошо, – ответила врач. – Но прежде чем возвращаться домой, посидите ещё немного в коридоре, а потом зайдите в процедурный кабинет, там Вам сделают другой укол.

– Поняла Вас, – ответила я и, еле переставляя ноги, выползла в коридор.

Меня очень сильно задел разговор с Вороновой. Как она может со мной так обращаться? Как будто я не человек, а лишь винтик в каком-то большом механизме. И если мои грани немного стёрлись, то нужно их как можно скорее привести в норму, чтобы снова засунуть в машину и крутить шестерёнки. А если я сломаюсь, и починить меня не будет возможности, то меня просто выкинут, найдя другой винтик, более прочный и более стойкий.

Почти час я просидела в коридоре поликлиники, благо, там стоял телевизор, и шла передача о здоровье. А потом я сходила в процедурный кабинет, и там мне сделали ещё один укол, по счастью, не такой болезненный, как в прошлый раз,

и потихоньку я поехала домой.

Пока я была на больничном, мне каждый день звонила Воронова, но не для того чтобы поинтересоваться моим самочувствием, а для того чтобы напоминать, что горы документов на моём столе растут, а сроки по ним истекают, так что мне стоит поторопиться с выходом на работу. Но врач не желала выписывать меня слишком рано, тем более что я продолжала чувствовать себя плохо. Слабость была такая, что я чисто физически не могла подняться с постели, и кипы документов, которые требовалось срочно исполнить, явно не способствовали бы моему выздоровлению.

Мне назначили процедуры физиотерапии и ежедневные уколы, и потому мне пришлось начать ездить в поликлинику. Воронова же с каждым днём становилась всё настойчивее и всё злее. Она звонила мне по нескольку раз в день и требовала, чтобы я вышла на работу, иначе она меня уволит. Я пыталась объяснить Вороновой, что мне нужно пройти весь курс физиотерапии и уколов, и пока эти процедуры не закончатся, врач меня не выпишет, на что начальница отвечала:

– Договорись с врачом, чтобы она тебя выписала. А я каждый день буду отпускать тебя в нужное время на процедуры. А то из-за тебя народ в отпуск не может уйти.

Я понимала, что Воронова на взводе из-за моего отсутствия, но в то же время нужно было думать и о своём здоровье. Я до сих пор была слаба, но злить начальство тоже не хотелось. И я подумала, что если Воронова не будет дер-

жать меня допоздна на работе, а позволит пройти назначенные врачом процедуры до конца, то возможно я и выдержу. Поэтому я поехала в поликлинику и убедила терапевта, что мне намного лучше, и руководство собирается пойти мне навстречу и разрешит продолжить курс физиотерапии и уколов в рабочее время. И врач поверила мне, как я поверила Вороновой, и выписала меня на работу.

И вот очередным ранним утром, еле передвигаясь на ослабленных ногах, я приползла на работу. В этот раз Воронова сооблаговолила прибыть на своё рабочее место к девяти утра, видимо, за время моего отсутствия в Корпорации кое-что изменилось. Поэтому я сразу пошла в кабинет руководства. Воронова, увидев меня, изобразила презрение на своём лице, после чего сказала:

– Ты надеялась спокойно сдохнуть, пока другие вместо тебя вкалывают? Не выйдет! – заявила она мне вместо приветствия, после чего запустила «Косынку» на экране своего рабочего компьютера, а затем буркнула. – Твои документы ждут тебя на рабочем столе.

– А как насчёт возможности съездить сегодня в поликлинику на уколы? Я бы могла это сделать во время обеденного перерыва, – предложила я.

– Об этом поговорим позже. Сейчас тебя ждёт работа.

Когда я зашла в свой кабинет, то снова чуть не рухнула в обморок. Сказать, что документов на моём рабочем столе было много, значит, не сказать ничего. Мало того что кипы

документов в несколько стопок лежали на моём столе, они были на стуле, на полу, на принтере, – в общем, повсюду. Складывалось впечатление, что в течение недели, пока я отсутствовала, не только весь юридический отдел не работал, не работала вся Корпорация. А вся входящая документация отписывалась исключительно мне. И вот теперь это безобразие мне предстояло разгрести.

Поздоровавшись с коллегами и переобувшись, я заварила себе кофе и стала рассматривать документы.

Когда время подошло к обеду, с кипой исполненных документов я поднялась в кабинет начальства.

– Наталья Николаевна, я принесла Вам на подпись документы, которые уже успела исполнить, и хотела бы напомнить о том, что мне нужно в поликлинику на уколы.

– Мещерякова, ты в своём уме? – грубо осекла меня Воронова. – Ты сама видела, сколько набралось документов, пока ты там валялась задницей кверху! Так что возвращайся на своё рабочее место и продолжай трудиться, чтобы к тому времени, когда я вернусь с обеда, ты показала мне результаты своей работы.

– Но Вы же обещали! – не выдержала я. – Я вышла на работу только с тем условием, что смогу продолжить лечение!

– Я не поняла, ты что, сама себе укол не можешь сделать? – повышая на меня голос, проговорила Воронова, не скрывая своего недовольства.

– Конечно, не могу! Я же не медсестра!

– Значит, учись! Проблемы негров шерифа не волнуют! Пошла вон из моего кабинета!

Со слезами на глазах я выскочила в коридор. И как только я могла поверить Вороновой, когда она обещала отпускать меня в поликлинику! Я же прекрасно знала, как она ко мне относится, и ей нужно было только вызвать меня на работу с больничного, а остальные нюансы по поводу моего здоровья её не волновали. А ведь я даже не успела окрепнуть для того, чтобы пахать здесь по двенадцать часов в сутки! Но теперь мне ничего не оставалось, как плестись обратно на рабочее место и продолжать разгребать те кипы документов, которые отписала мне Воронова, пока остальные мои коллеги продолжали играть в «Танчики» и трепаться с приятелями по телефону.

Глава 52, которая продолжает тему безразличия Вороновой к проблемам остальных

Я сидела и разбирала многочисленные жалобы, требующие немедленного ответа, проекты договоров, составленные с ошибками, которые мне предстояло исправить, пакеты конкурсной документации, по которым требовалось дать правовое заключение. И среди этого множества рутинных и обыденных бумаг я внезапно наткнулась на обращение главного бухгалтера одного из наших филиалов. Суть этого обращения была в следующем.

«Уважаемое руководство Корпорации «Делай то, что не делают другие»! В прошлом месяце налоговая инспекция проверяла финансово-хозяйственную деятельность нашего филиала, по результатам которой на нас был наложен штраф за нарушение сроков уплаты налога на доходы физических лиц. Во избежание аналогичных проблем в будущем просим дать вас подробные разъяснения по срокам и порядку уплаты налога на доходы физических лиц».

Когда я закончила чтение этого письма, у меня глаза на лоб вылезли. Я, конечно, давно поняла, что меня в Корпо-

рации воспринимают по принципу: и швец, и жнец и на дуде игрец. Но здесь был явный перебор, потому что непонятно, как рядовой юрист может давать советы главному бухгалтеру филиала по срокам и порядку уплаты налога на доходы физических лиц? Для этих целей в нашей Корпорации существует финансовый отдел с целым отрядом квалифицированных специалистов с высшим экономическим образованием! Не всё же время им пасьянс раскладывать и в курилке прохлаждаться! Нужно и им иногда работу подкидывать!

«Наверное, начальство по ошибке направило мне этот документ на рассмотрение», – решила я и после обеденного перерыва, который существовал для всех, кроме меня, снова направилась в кабинет руководства.

Едва Воронова увидела меня, как выражение её лица тут же изменилось. С презрительным взглядом она перевела взгляд от «Косынки» на своём рабочем компьютере в мою сторону, а затем произнесла:

– Чего тебе ещё, Мещерякова?

– Наталья Николаевна, я тут просматривала документы и увидела, что мне на исполнение было направлено обращение главного бухгалтера одного из наших филиалов о разъяснении порядка и сроков уплаты налога на доходы физических лиц. Наверное, это было сделано ошибочно. Может быть, вы передадите это письмо на исполнение в финансовый отдел? Этот вопрос находится в их компетенции.

– Мещерякова, ты хоть иногда думаешь, что говоришь? –

неожиданно рывкнула Воронова, и в моём сердце снова закололо. – Чья фамилия стоит на документе? Твоя! Вот и делай, что тебе велят!

– Но ведь это не юридический вопрос, а финансовый!

– А тебе лень Налоговый кодекс открыть?

– Наталья Николаевна, я изучала в институте налоговое право, но в этом письме содержится просьба не о цитировании норм Налогового кодекса, а об их применении на практике. Я же не экономист и никогда не занималась перечислением налогов в бюджет! Какие инструкции я могу дать главному бухгалтеру? Особенно если учесть, что у нас в Корпорации есть целый отдел специалистов по данному вопросу! Им гораздо проще исполнить это. И их ответ будет более подробным и развёрнутым, чем у меня. Зачем изобретать велосипед, когда он уже есть?

– Мещерякова, я так понимаю, ты давно не получала взысканий от начальства, – начала свой ответ Воронова. – Это не тебе решать, кому какой документ исполнять. Ты забываешь своё место! Тебе документ отписан, вот и отправляйся его исполнять! А к вечеру ответ должен быть у меня на столе! И если не выполнишь, можешь готовить приказ о своём наказании.

Вот и поговорили! Не солоно хлебавши я вышла из кабинета руководства. У меня даже не было злости на несправедливость, с какой распределялся объём работы в нашей Корпорации. Меня удивляла лишь некомпетентность и, мяг-

ко говоря, тупость наших руководителей. Даже если я по какой-то причине не нравилась Вороновой, и она решила от меня избавиться, то почему от этого должно страдать общее дело? Ведь направляя мне на исполнение документ, который я по объективным причинам не смогу исполнить надлежащим образом, она подставляла не только меня, но и целый филиал, которого без нужных разъяснений из головного офиса налоговая инспекция снова может подвергнуть штрафу! Неужели они этого не видят? Неужели её мелочность настолько замутила всем взгляд, что ради того чтобы навредить одному несчастному сотруднику, стоит подставлять целый филиал, причинив убытки Корпорации? Что-то в этом мне было непонятно.

Что ж, буду отвечать главному бухгалтеру как юрист, которого в Налоговом кодексе интересует лишь глава о государственных пошлинах, уплачиваемых в суд. Полагаю, наше руководство, в виду своей некомпетентности, не заметит разницы.

И я подготовила письмо, в котором процитировала нормы Налогового кодекса, регламентирующие сроки и порядок уплаты налога на доходы физических лиц, и для пущей убедительности добавила пару ссылок на судебную практику по данному вопросу. И поскольку моё начальство в финансовой дисциплине понимало гораздо меньше, чем я, этот ответ всех устроил, и бедному главному бухгалтеру мы отправили очередную отписку, смысл которой сводился к одному: свои

проблемы решайте сами! Впрочем, спасение утопающих всегда было делом рук самих утопающих.

Глава 53, которая наглядно демонстрирует точность слов Плутарха о человеке, наделённом властью

Все видели, как со мной поступает начальство, но никто не хотел встать на мою сторону, потому что они боялись. Все понимали, что сейчас, в данный конкретный период времени, Воронова выбрала меня в качестве девочки для битвы и, что важнее, в качестве первого кандидата на вылет при ближайшем сокращении штатов. И пока есть я, им ничего не грозит. Но стоит им поднять голову и сказать хоть слово в мою защиту, как тут же хищница Воронова увидит новую цель для своих издевательств, и тогда этот самоотверженный защитник может занять моё место в качестве мишени для унижений и оскорблений. А никто из них этого не хочет. Потому-то они и сидят тише воды, ниже травы и спокойно наблюдают за тем, как Воронова измывается надо мной, пытаюсь выжить с работы. Только они не понимали одного. Когда я уйду, им всё равно придётся столкнуться с выбором: или молчать дальше, провожая на закланье очередную жертву, или же прекратить эту кровавую традицию. Но только что-то мне подсказывает, что конец этой печальной истории оче-

виден. Мои коллеги будут безропотно наблюдать за тем, как их убивают поодиночке, пока однажды не сменится руководство нашей Корпорации, и лишившуюся «крыши» Воронову не постигнет участь её жертв, как это уже случилось с нашим прежним начальником Макаровым. Но пока это не произошло, нас ждало очередное нововведение, которое каким-то невероятным образом возникло в голове Вороновой, и чем она в этот момент думала, я не знаю, потому что лично мне подобная глупость не привиделась бы даже в бреду.

Вместо того чтобы заниматься реальной работой, эта скверная женщина решила, что её миссия состоит в том, чтобы максимально усложнить жизнь подчинённых сотрудников. И для этой цели она завела журнал, в котором требовалось записаться, если тебе вдруг необходимо было выйти из кабинета. Причём посещение туалета тоже требовало получения предварительного разрешения Вороновой, после чего она записывала в своём журнале точное время выхода сотрудника из кабинета и требовала обязательного доклада после возвращения из туалета. Лимит времени на посещение этого заведения составлял две минуты, после чего, если человек не появлялся на пороге кабинета Вороновой и не докладывал, что успел справить нужду в отведённое время, она начинала названивать ему по мобильному телефону и орать, обзывая нецензурной бранью и требуя немедленного возвращения на рабочее место независимо от того, успел ли этот человек справить нужду.

Узнав о подобном нововведении, мы пытались бунтовать, но Мытников почему-то не стал вмешиваться и препятствовать подобному абсурдному требованию Вороновой. Впрочем, парни не особо пострадали от новых правил, так как количество мужских туалетов в Корпорации, как я уже упоминала, было больше, да и для того, чтобы сделать там свои дела, времени им требовалось меньше. А для женской части нашего отдела это стало просто катастрофой. Чтобы меньше хотелось в туалет, мы вообще прекратили чаепития и старались посещать это заведение либо до начала рабочего дня, когда Воронова ещё не успевала прийти на работу, либо во время обеденного перерыва. Но беда состояла в том, что и во время обеденного перерыва Воронова, которая сама всегда уходила обедать в кафе, расположенное напротив здания нашей Корпорации, могла с ложкой во рту позвонить любому сотруднику (к сожалению, чаще всего это была именно я) и потребовать немедленно ей отчитаться по какому-либо документу, как я понимаю, исключительно для того, чтобы проверить, продолжает ли этот человек работать в обеденное время или, не дай Бог, пошёл без её разрешения в туалет или ест прямо на рабочем месте. И если ты не мог в ту же секунду ей отчитаться по тому вопросу, который она задавала, приходилось выслушивать столько нелицеприятных слов в свой адрес, включая угрозу увольнения, что моментально пропадал аппетит, а также желание справить нужду, если такое и имелось.

Мой любезный читатель, вероятно, сейчас ловит себя на мысли, что я выдумала весь этот ужас, который творился в тот момент в нашей Корпорации, но я клянусь всем, что мне дорого! Я не соврала и не преувеличила ни слова! Всё именно так и было.

Мне жаль, что моя правдивая повесть постепенно растеряла весь свой жизнерадостный настрой, и я искренне хотела бы, чтобы всё сложилось иначе. Но жизнь такова, что хорошее никогда не длится долго. Одна паршивая овца, затесавшаяся в стадо, может испортить всё поголовье. А ещё народ говорит, что рыба тухнет с головы. Вот и у нас в отделе всё происходило по той же схеме. Слаженный и работоспособный коллектив, где все успели стать настоящими друзьями и надежными товарищами, разваливался на глазах. И от этого страдали не только наши личные отношения, но и сама работа.

Плутарх сказал: «Нет зверя свирепее человека, если к страстям его присоединяется власть». Эта женщина, которой довелось оказаться у власти, добившись её грязными и унижительными способами, теперь всячески унижала нас за свой позор. Втаптывая нас в грязь, она переставала чувствовать себя ничтожной и никчёмной, ведь по большому счёту, кроме этой самой должности у неё ничего не было. Да, у неё имелась семья и даже двое детей, но как-то в самом начале её появления в нашей Корпорации, когда Воронова ещё не успела так дистанцироваться от нас и даже иногда могла по-

говорить за жизнь, она поведала женской части нашего отдела, что муж изменяет ей направо и налево, и потому она даже не следит за его похождениями, довольствуясь лишь статусом замужней женщины. Сын Вороновой, едва тому исполнилось восемнадцать лет, вообще ушёл из дому и перестал общаться с матерью, что лично для меня совершенно неудивительно. И единственный член семьи, который ещё не отверг её, это малолетняя дочь, которая всё своё время проводит с няней, и которая, в силу возраста, ещё не способна понять, каким человеком является её мать и как бесчеловечно она поступает с другими людьми. Со временем, вероятно, Воронова пожалела о своих откровениях и, может быть, именно поэтому она стала относиться к женской части нашего коллектива гораздо хуже, чем к мужской, хотя все мы честно хранили её тайны, даже если она этого и не заслуживала.

Дома я поведала своим детям и мужу о том, что за дурдом творится у нас на работе, и что теперь нам необходимо отпрашиваться у начальства, прежде чем сходить в туалет, и мой маленький сын сказал:

– Мама, а если захочется пукнуть, то тоже необходимо отпрашиваться?

А я не смогла ответить на вопрос сына, потому что сама не знала, под какую категорию подпадает эта ситуация, какой бы простой и в то же время абсурдной она не казалась.

Глава 54

о том, что даже отпуск не в радость, когда начальство ни на минуту не оставляет тебя в покое

С появлением в нашем коллективе Вороновой отпуска стали непозволительной роскошью. Она официально запретила во время отпуска куда-либо уезжать, даже в соседнюю область, для того чтобы мы всё время были с ней на связи и в любой момент могли приехать на работу. То есть теперь наши отпуска фактически превратились в фикцию, так как в любой день тебя могли вызвать на работу и продержат допоздна, и никакой компенсации либо дополнительного выходного дня за это не полагалось.

В ответ на наше возмущение Воронова всегда заявляла одно:

– Я никого здесь не держу! Не нравится – увольняйтесь!

Жаловаться на самодурство начальницы нам было некогда, так как руководство Корпорации полностью одобряло политику Вороновой, а ей только того и было нужно. Поэтому когда подошло время моего нового отпуска, я уже ничего не планировала, надеясь в это время заняться хотя бы домашними делами и привести в порядок квартиру, уж коли на

большее я не могла рассчитывать. Тем более что Воронова сразу заявила, чтобы я забыла о возможности отгулять весь отпуск полностью.

И вот в один из первых дней моего официального отпуска мы с сыном вечером отправились гулять. Свекровь уехала на несколько дней к младшей сестре, которая жила в области, чему я только обрадовалась, так как теперь не нужно было делить кухню и ванную. Муж предупредил, что задержится на работе, и чтобы я легла спать, не дожидаясь его. И я рассчитывала провести этот вечер с детьми за чтением книг и другими незатейливыми развлечениями, чтобы наверстать тот недостаток общения с сыном и дочерью, который я испытывала весь последний год, пропадая с утра до ночи на работе.

Было уже начало седьмого, и тут я почувствовала, как вибрирует мобильный телефон, лежащий у меня в кармане. Сердце неприятно кольнуло, и, исполненная дурных предчувствий, я достала телефон. На дисплее высветилась фамилия «Воронова», и ничего хорошего это не предвещало.

– Да, – произнесла я в трубку телефона.

– Мещерякова, завтра к девяти утра ты должна быть на работе, – отчеканила Воронова, как всегда забыв поздороваться.

Я тут же вспомнила о процедуре электроэпиляции, на которую была записана (ведь когда ещё мне заниматься своим внешним видом, как не в отпуске!), и потому ответила:

– Утром я не смогу приехать на работу. У меня свои планы на это время.

В ту же секунду я услышала злобное пыхтение в трубке.

– Значит, отменяй свои планы.

– Не могу, – настойчиво произнесла я, помня об уплаченных деньгах.

– Что значит «не могу»? Ты с кем разговариваешь? Я – твой начальник! И я приказываю тебе завтра в девять утра быть на рабочем месте, если, конечно, ты не хочешь быть уволенной по выходу из отпуска.

Да, если Воронова перешла на угрозы, дело было плохо. Но и я не собиралась так просто сдаваться и потому решила сначала поговорить с начальницей по-хорошему, объяснив свою ситуацию.

– Понимаете, Наталья Николаевна, у меня на завтра назначена процедура электроэпиляции. Причём деньги я уплатила вперёд, потому что так выходит дешевле. То есть если я откажусь от завтрашней процедуры, то потеряю несколько тысяч.

– Мещерякова, прежде чем что-то планировать, ты должна согласовать это с начальством! – прорычала в ответ Воронова, и от услышанного я на секунду потеряла дар речи.

Это что же получается? Я и так провожу на работе по двенадцать часов в сутки, а с учётом дороги и все четырнадцать, света белого не вижу, а тут ещё и в отпуске начальство мне указывает, что можно делать, а что нельзя!

– Наталья Николаевна, простите за дерзость, но Вы слышите себя? Я в отпуске! Почему я должна согласовывать с Вами процедуру проведения эпиляции в своё свободное время? Разве я собираюсь совершить что-то аморальное или противозаконное? А если бы мне понадобилось пойти к стоматологу или к гинекологу во время своего отпуска, я тоже должна была спрашивать у Вас разрешения?

– Мещерякова, ты забываешься! Я – твой начальник! И ты обязана выполнять мои приказы в любое время! Разумеется, если ты не хочешь лишиться своей работы, – вернувшись к своим обычным угрозам, заявила Воронова.

После этих слов я поняла, что спорить бесполезно и решила переменить тактику.

– Наталья Николаевна, Вы же тоже женщина и должны меня понять! Я и так уже себя запустила! Муж вообще не смотрит в мою сторону! И я надеялась в отпуске привести себя в порядок и попытаться наладить отношения с мужем! У Вас у самой семья и Вы знаете, как важно поддерживать хорошие отношения со своими домашними!

Однако начальница была неумолима.

– Я всё тебе сказала, – каменным голосом отчеканила Воронова. – Чтобы завтра к 9.00 была на рабочем месте!

После этих слов мне стало ясно, что стену бездушия начальницы так просто не пробьёшь, поэтому решила пойти на принцип.

– В таком случае завтра я не выйду! А если я Вам так силь-

но понадобилась, то официально отзывают меня из отпуска!

В трубке воцарилось молчание.

– Это твоё последнее слово? – произнесла Воронова, тщательно проговаривая каждый слог.

– Да! – не колеблясь, ответила я.

Ответом мне были лишь гудки в телефонной трубке.

Убрав мобильный телефон в карман, я огляделась вокруг. Вроде бы ничего не изменилось за последние пять минут, да только моё самочувствие оставляло желать лучшего. Сердце бешено колотилось, и я чувствовала, что мне не хватает воздуха. Я продолжала держать сына за руку, но слёзы обиды и отчаяния текли из моих глаз. Хотелось зареветь во весь голос или же взять что-то увесистое и разбить вдребезги. Но рядом был мой малыш, и нельзя было его пугать. Как могла, я старалась сдерживать свои эмоции. Но тут телефон зазвонил снова. Чёрт побери, нужно было выключить эту штуковину, от которой у меня только неприятности и стрессы! Я снова вынула телефон из кармана и взглянула на экран. Увидев на нём фамилию «Воронова», мне захотелось задушить эту женщину, лишь бы она перестала меня мучить. Превозмогая свою ненависть, я нажала на клавишу с зелёной трубкой.

– Да.

– Мещерякова, – снова услышала я в трубке голос начальницы, – если ты не можешь прийти на работу завтра, значит, приезжай прямо сейчас!

– Но ведь уже седьмой час вечера! – воскликнула я, пола-

гая, что ослышалась.

– Ну и что? Приедешь на работу и будешь до утра работать над документами! А потом можешь сразу ехать на свою эпиляцию.

– Но у меня же дети! Как я оставлю их одних? Да ещё и в такое позднее время! – воскликнула я.

– А где же твой муж? – мигом спросила Воронова, не скрывая своей язвительности.

– Он сегодня задержится на работе, – честно призналась я.

– Ну, это твои проблемы! – бездушно ответила Воронова. – И в твоих интересах как можно быстрее приехать на работу и тогда твоим детям, может, и не придётся ночевать одним, – закончила свою речь Воронова.

Я поняла, что идти в штыковую атаку сейчас уже опасно. Если я проигнорирую требования начальницы, то она в самое ближайшее время отомстит мне так, что мало не покажется. А ведь мне осталось совсем немного, чтобы рассчитаться с банком за долги приятеля мужа! Буквально пару месяцев, и я уже смогу свободно распоряжаться собой и смогу начать поиски другой работы. Пусть даже на меньшие деньги, но зато там мои нервы будут в порядке, и я смогу каждый вечер проводить со своей семьёй! И причём желательно до наступления этого счастливого момента оставаться в полном здравии и в ясном уме, а не в уютной и гостеприимной палате в Кащенко или в свеженькой могиле. Нужно собраться, сжав в кулак все свои эмоции, и продержаться это время.

Осталось уже немного. Я справлюсь. Должна справиться.

В связи с этим пришлось спешно заканчивать нашу с сыном прогулку и, вернувшись домой, расстроить дочь неприятными новостями, после чего я, скрипя сердце и проклиная свою начальницу, поехала на работу. Когда я вышла из метро и шла по направлению к зданию Корпорации, то навстречу мне попадались коллеги и другие сотрудники, которые, заметив меня, делали удивлённые глаза.

– Катя, ты часом не перепутала направление? Рабочий день уже закончился, а ты идёшь на работу! – говорили мне, и со слезами на глазах я отвечала:

– Да я вообще в отпуске! Но Вороновой, видите ли, припичило вызвать меня на работу прямо сейчас! Мол, без меня Корпорация ни дня не может продержаться!

– Но у вас же целый юридический отдел! – снова говорили мне. – Неужели они не могут обойтись без тебя даже короткое время?

– Видимо, не могут, – ещё больше заливаясь слезами, отвечала я.

А придя в здание Корпорации, я застала Воронову в своём кабинете. На её лице было такое гневное выражение, что разговаривать с этой женщиной было выше моих сил. Поэтому без лишних слов я забрала у начальницы стопку документов, которые она со всей своей щедростью отписала мне, и пошла в свой кабинет, включила рабочий компьютер и до часу ночи просидела за работой.

Глава 55

о том, как чувствует себя тот, кого пытаются вовлечь в незаконную деятельность

Практически весь свой отпуск я провела на работе. Мои планы о том, чтобы навести порядок в доме, а также немного подлечиться и улучшить свою внешность, так и не осуществились. Усталая и злая, я вновь вышла на работу, проклиная всё на свете.

Я даже боялась смотреть на себя в зеркало. Я ещё сильнее похудела. Но это была не здоровая худоба, а худоба истощённого человека, измученного морально и физически. На моём лице появились заметные морщины, а волосы стали тусклыми и безжизненными. За три с лишним года, которые я отработала в Корпорации «Делай то, что не делают другие!» после выхода из декретного отпуска, мне показалось, что я постарела лет на десять. Я превратилась в робота, который не способен чувствовать, не способен желать, не способен мечтать. Я могла выполнять лишь механическую работу, которую мне поручали, и возможно, выполняла её не лучшим образом, но меня это уже не волновало, так как все мои чувства, включая и чувство ответственности за порученное де-

ло, притупились. Мне было всё равно. Я считала дни до того момента, когда долг банку будет выплачен и я смогу уйти с этой работы и забыть о существовании Корпорации «Делай то, что не делают другие!» навсегда. Но пока этого не случилось, Воронова вновь вызвала меня к себе, чтобы дать очередное срочное поручение.

– Вот! – вручила она мне толстую стопку бумаг. – Здесь материалы по сделке, которую нужно срочно согласовать. Чтобы через час доложила об исполнении! – грозным голосом добавила Воронова, утыкаясь в «Косынку» на своём компьютере. А я поплелась в свой кабинет, чтобы вновь ломать глаза и голову над новой порцией безумных идей, которые с нашей помощью пытались реализовать одно из наших подчинённых подразделений.

Присев на своё место, я начала просматривать представленные документы, и у меня глаза на лоб полезли. Обычно представляемые нам на рассмотрение проекты были наполнены бесконечным перечислением различных предложений, реальных и не очень, но в любом случае осуществимых. И моей целью было слегка опустить буйную фантазию сотрудников подчинённых подразделений на землю, объяснив им с правовой точки зрения то, что разрешено законом, а что делать не следует. Но в лежащем передо мной пакете документов ничего этого не было. Это были пустые бланки с прочерками.

Например, в представленном договоре в главе «Предмет

договора» было лишь несколько слов: «Предметом данного договора является» и всё. Далее шёл прочерк. То же самое и с обязанностями сторон и порядком расчётов. И везде содержались ссылки на приложения к договору, которые тоже представляли собой пустые бланки, на которых было лишь написано «Приложение 1», «Приложение 2» и так далее. Так что мне было согласовывать? Пустые листы?

Решив, что произошла какая-то ошибка, я направилась обратно к Вороновой.

– Наталья Николаевна, должно быть, произошла ошибка, и нам на согласование направили пустые бланки. Здесь нечего согласовывать, так как текст отсутствует. Посмотрите сами!

И я стала показывать Вороновой пустые листы.

– И что тебя здесь смущает? – презрительным тоном поинтересовалась Воронова, поглядывая на меня поверх очков.

– Как что? Как я могу ставить свою подпись на пустых листах?

– Так! Возьмёшь и поставишь! – без малейшей доли удивления, заявила начальница. – И не только подпись, но и укажешь свою фамилию и дату, чтобы не было сомнений в том, кто это согласовал.

– Вы шутите? – опешила я. – Ведь на пустых бланках можно написать что угодно! Можно написать, что я согласна взять кредит на миллион долларов, а можно написать,

что я делаю заказ на убийство человека или на организацию террористической группировки! Да мало ли что можно написать! Они организуют какое-нибудь незаконное предприятие, а когда придёт проверка и начнут разбираться и искать виноватых, все тут же прикроются этими самыми листочками, которые Вы сейчас заставляете меня подписать! Вы же понимаете, что требуете от меня нарушить закон? А у меня, между прочим, дети! Каково им будет, когда их мать посадят?

– Думаешь, моим детям будет лучше, если их мать посадят? – тут же ответила Воронова.

– Так значит, Вы знаете, что вынуждаете меня совершить незаконные действия? – парировала я, решив защищаться до конца.

– Я – твой начальник и приказываю тебе прямо сейчас на моих глазах подписать каждый представленный лист с расшифровкой подписи и датой и не спорить, потому что это – мой приказ! – поднимаясь с места и чеканя каждый слог, заявила Воронова, прибавив к своей речи несколько непечатных словечек.

– В таком случае я не буду ничего подписывать! – с бешено бьющимся сердцем, но не дрогнувшей волей ответила я.

Уж и не знаю, в каких условиях воспитывалась Воронова и в какой среде общалась до того как пришла в нашу Корпорацию, но мне всегда внушали необходимость соблюдать каждую букву закона. Правила на то и существуют, чтобы ими ру-

ководствоваться и придерживаться их во всех случаях. Иначе начнутся анархия и беспредел, где человеческая жизнь, а также честь и достоинство отдельной личности не будут стоить ни гроша. И более сознательные граждане должны стать примером для других, более слабых и неуверенных в себе, в том, чтобы ежедневно и ежесекундно демонстрировать им те образцы поведения, которым необходимо следовать. И наша Корпорация, как организация высокого уровня близкого к самому Министерству, должна указывать верный путь всем подчинённым подразделениям и остальным гражданам, если те по незнанию или недомыслию вдруг заблуждаются в своём выборе. Но покрывать своей репутацией чью-то глупость или, того хуже, сознательное нарушение закона, такого допустить мы не можем. Не должны.

И я искренне надеялась, что Воронова тоже заблуждается, призывая меня подписать пустые бланки. Но её последние слова о том, что она тоже не хочет в тюрьму, убедили меня в том, что она знает, что делает. И вполне вероятно, она даже получила откат от нашего подчинённого подразделения за разрешение на незаконную сделку. И даже нашла козла отпущения, когда нарушения будут выявлены. Но только меня угрозами не запугаешь! Вновь заявив начальнице, что я не буду согласовывать эти документы, под громовой рёв ругательств и нецензурной брани, я вышла из кабинета Вороновой и направилась прямо к Мытникову, чтобы доложить ему о самоуправстве одного из его заместителей, а также полу-

читать в его лице защиту от свалившихся на мою голову неприятностей.

По счастью, Сергей Леонидович был у себя, и, пытаясь сдержать обуревавшие меня эмоции, я поведала ему о том, что Воронова вынуждает меня подписать пустые листы бумаги.

– Хорошо, я разберусь с этим, – спокойным тоном ответил Мытников, и у меня отлегло от сердца.

Уверенная в том, что теперь мне ничего не угрожает, я спустилась обратно в свой кабинет к моим верным товарищам Уколову и Полюшкину, чтобы поделиться с ними тем беззаконием, в которое меня пыталась втянуть Воронова.

– Екатерина Ивановна, тебе нужно было включить на телефоне диктофон и записать всё, что говорила Воронова, чтобы потом, когда нагрянет проверка, у тебя были все необходимые доказательства, – предложил мне добросердечный Полюшкин.

– Знаешь, Андрей Борисович, я даже как-то не сообразила записать эту беседу. Всё произошло так неожиданно! Я же пошла к Вороновой потому, что была абсолютно уверена в том, что она сама не в курсе содержимого тех документов, которые дала мне на согласование. А точнее не содержимого, а их полного отсутствия!

– В следующий раз нужно быть предусмотрительнее! – заботливо отметил Полюшкин, но я искренне надеялась, что никакого «следующего раза» не будет. Но не тут-то было!

После обеда Воронова вновь вызвала меня к себе. Не сомневаясь в том, что буря уже пронеслась над моей головой, я поднялась к ней и зашла в кабинет. В этот раз Воронова находилась в кабинете не одна. С ней была Байратукова Карина Казбековна – начальник юридического отдела того самого подразделения, которое с утра направило нам на согласование пустые бланки.

– Мещерякова, бери ручку и подписывай там, где я тебе скажу! – приказала Воронова, вновь указывая мне на чистые листы, якобы сделки, совершение которой наша Корпорация должна была согласовать.

– Наталья Николаевна, я Вам уже сказала, что не буду подписывать пустые бланки! – еле сдерживая волнение, ответила я.

– Катя! – неожиданно обратилась ко мне сама Карина Казбековна. – Мы ведь сейчас тебя по-хорошему просим! Это твоя работа, и за неё ты получаешь зарплату! Ты ведь не хочешь, чтобы у тебя были неприятности? Насколько я знаю, у тебя двое детей и непогашенный кредит в банке. И сейчас для тебя не самое подходящее время терять работу! Мы ведь можем поступить с тобой и по-плохому! И начать можно с выговора, который ты сегодня же получишь от Генерального директора Корпорации «Делай то, что не делают другие!» за невыполненные в срок документы. А завтра мы предъявим тебе иск о возмещении убытков за сорванную по твоей вине сделку. И эта сумма, скажу тебе честно, раз в двадцать

больше твоей зарплаты. Плюс неустойка и другие штрафные санкции, которые мы применим в полном объёме, так что выплачивать все эти деньги тебе придётся очень и очень долго. Ну и ещё, конечно, можно завести на тебя уголовное дело за превышение служебных полномочий или по какой-нибудь другой статье, мы ещё не решили. Срок тебе дадут небольшой, но это не имеет значения, так как, сама понимаешь, судимость в нашей стране – вещь малоприятная. И кто тебя потом возьмёт на работу? Да и долг никто не спишет. И в очень скором времени ты окажешься на улице вместе со своим детьми без денег, без работы и без всякой перспективы. А тебе это нужно? Зачем доводить нас до крайностей, когда всё можно легко решить прямо сейчас! Просто поставь свою подпись там, где тебе укажут, и можешь с чистой душой возвращаться на своё рабочее место и продолжать зарабатывать хорошие деньги, которые тебе платят в Корпорации «Делай то, что не делают другие!». Ты видимо, даже не понимаешь, как сильно тебе повезло работать в таком месте! Цени это и постарайся не потерять то, что имеешь!

Байратукова говорила, не повышая голоса, вкрадчивым и даже доверительным тоном, но от этого слушать её было ещё страшнее, чем крики Вороновой. Во время её речи я пыталась включить диктофон на своём телефоне, но мои руки предательски дрожали, и сенсорная кнопка не желала реагировать на прикосновение моих ледяных пальцев. В итоге, я так ничего не записала и теперь у меня не было никаких до-

казательств услышанных угроз. И почему Мытников не принял никаких мер, чтобы пресечь это беззаконие?

– Я не буду подписывать пустые листы! – в очередной раз повторила я, не собираясь поддаваться на провокации двух начальствующих особ.

Услышанные угрозы ещё больше убедили меня в том, что здесь дело нечисто. Меня собирались подставить по полной программе, и было уже неважно, подпишу я эти пустые бланки или нет, моё дело – труба. И в том и в другом случае я потеряю работу и наживу себе неприятности. И единственное, что я могу сделать для своего спасения – это минимизировать объём сыпавшихся на меня неприятностей. Увольняться нужно прямо сейчас, пока я ещё могла это сделать по собственному желанию, а не по отрицательной статье Трудового кодекса и после предъявленного иска о взыскании мнимого ущерба. Но для начала нужно ещё раз поговорить с Мытниковым. Вдруг он всё же заступится за меня?

– Мещерякова, ты что себе позволяешь? – тем временем взяла слово Воронова. – Карина Казбековна с тобой по-человечески разговаривает, просит не делать глупостей ради твоего же блага, а ты ей грубишь! Быстро взяла ручку и подписала всё, что тебе приказывают!

– Наталья Николаевна, я же не единственный юрист в нашей Корпорации! Любой может согласовать эту сделку, даже Вы! – попыталась я попробовать ещё один способ скинуть с себя неприятные обязанности. – Поручите согласо-

ние этих документов кому-то другому!

– Ты опять вздумала со мной спорить? – продолжила кричать на меня Воронова. Не тебе указывать мне, что делать! Я в последний раз приказываю тебе подписать эти документы, если не хочешь нажить себе ещё больших проблем!

– Я не буду подписывать пустые бланки! – наверное, в сотый раз повторила я и, не дожидаясь продолжения гневных тирад от начальства, выскочила из кабинета.

Я снова побежала к Мытникову.

– Сергей Леонидович! – запыхавшись, обратилась я к нему. – Воронова снова заставляет меня подписывать пустые листы и даже грозитя тюрьмой и многомиллионным иском, который мне предъявят, если я не подпишу их! С ней Байратукова. И обе они мне угрожают!

Высказав это, я ждала, что Мытников тут же предложит мне успокоиться, потому что он уже всё разрулил, поговорив с руководством Корпорации, и мне нечего опасаться. Но выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Сергей Леонидович даже не посмотрел на меня, а только отвёл взгляд в сторону, что выглядело крайне странно, учитывая, как он выглядел. Всегда странно видеть здоровых парней с огромными мышцами, которые выглядят как потерянные щенки.

– Катя, после нашего с тобой разговора я ходил к Генеральному, чтобы прояснить ситуацию, – проговорил Сергей Леонидович и начал теревить руки словно школьница, не

знающая урок. – В общем, тебе придётся подписать эти документы, – после паузы добавил он, а я не могла поверить услышанному.

– Вы же сами знаете, как опасно подписывать пустые бланки! – в сердцах выдохнула я. – Это незаконно! К тому же после угроз в свой адрес, которые я только что услышала, я ещё больше убедилась в том, что это – не техническая ошибка, когда люди просто забыли распечатать нужные документы, а прямой умысел на совершение преступления! Они что-то задумали, что-то связанное с большими деньгами, и им нужна страховка в виде человека, который за всё ответит, когда мошенничество вскроется! Это же очевидно! И я не хочу быть этим самым козлом отпущения, на которого посыплются все шишки! У меня семья! Дети! У меня даже нет никакого имущества, которое можно было бы продать, если вдруг понадобятся деньги!

– Катя, ничего личного, – скорбным голосом произнёс Мытников. – Это просто бизнес.

И в этот миг я поняла, что осталась одна на целом свете. Понуриив голову, я вышла из кабинета начальника и задумалась.

Мне было чего опасаться. Такое уже случилось в нашей Корпорации, и народ предпочитал говорить о таких случаях шёпотом и с оглядкой, чтобы не услышали чужие уши.

Бывало, наши подчинённые подразделения дурили, выкинув какой-нибудь незаконный фортель, например, осуще-

ствив рейдерский захват какого-нибудь здания или заключив договор за бешенные деньги на оказание услуг охраны с какой-нибудь сомнительной организацией, которая даже не имела права осуществлять охранную деятельность. И как только эти нарушения вскрывались, а они вскрывались всегда, просто иногда раньше, а иногда позже, и на пороге появлялись представители Прокуратуры, Счётной палаты, Следственного комитета или других уполномоченных организаций, наши подчинённые подразделения доставали из загашников какую-нибудь бумажечку, написанную на официальном бланке нашей Корпорации и подписанную соответствующими должностными лицами, дающую добро на эти самые действия. И хотя главной подписью на этих документах всегда стояла подпись нашего Генерального директора, ему всегда удавалось выйти сухим из воды, так как он заявлял, что за день подписывает десятки, а то и сотни бумаг, и не имеет физической возможности прочитывать их все и вникать в каждую из них, потому что для этой цели у него существует целый штат подчинённых сотрудников! Целая Корпорация, состоящая из более сотни человек! Специалистов всех уровней с высшим образованием и даже с учёными степенями! Вот они-то и прочитывают каждую бумажечку и дают своё экспертное заключение, ставя свою подпись на каждом проверенном листе! Вот с них, горемычных, и спрашивайте!

И с них спрашивали. Вызывали на допросы, предъявляли претензии, заводили уголовные дела.

Таких случаев было мало. Не чаще, чем раз в два-три года. Но если подобное случалось, всегда кого-то наказывали по полной программе: с увольнением по отрицательной статье и предъявлением уголовного обвинения. И как бы потом этот бедолага не пытался восстановить своё честное имя, заявляя, что выполнял приказ, у него ничего не получалось. Я же юрист, я знала. Самой однажды пришлось идти в суд, когда один из наших бывших сотрудников пытался обжаловать незаконность увольнения. Но наш отдел кадров провёл всё очень чисто, не к чему было придраться. Это дело было выиграно Корпорацией в два заседания, а человек лишился работы и получил условный срок за халатность. Он говорил, что его подставили, а я ничего не могла сделать, чтобы помочь ему, так как сама была одним из винтиков огромной машины, которая перемелет любого, кто встанет на её пути. Если бы я отказалась участвовать в судебном процессе, меня бы просто заменили, и на заседание пошёл бы другой сотрудник, и Корпорация всё равно бы выиграла. Но теперь настала моя очередь оказаться по другую сторону баррикад. Меня собирались бросить на амбразуру, потому что кому-то очень захотелось заработать большие деньги по-лёгкому, и потому что я не нравилась Вороновой, и у неё появился отличный способ от меня избавиться.

За что мне всё это? За что?

Глава 56

о том, где я делаю ход конём, надеясь выиграть всю партию

Мне не с кем было посоветоваться, и не откуда было ждать помощи. Я уже давно убедилась в том, что когда у человека возникают проблемы, он сразу же превращается в изгоя. Все отворачиваются от него, отстраняются на максимальное расстояние, чтобы он не успел попросить их о помощи, словно боясь заразиться его неприятностями. Каждый сам за себя. Лишь только я – вечная альтруистка – бегу по первому крику помощи, а порой и опережая этот крик. Но только за совершённое добро мне почему-то никогда не воздаётся. Юлька Решетникова, которая вечно во всём ищет тонкий психологический подтекст, как-то сказала мне:

– Ты помогаешь людям потому, что тебе это нравится, поэтому не жди от них благодарности. Чувство морального удовлетворения, которое ты испытываешь от помощи другим людям, и должно быть для тебя наградой за сделанное доброе дело.

И как всегда, она была права. Я помогаю людям, не ожидая благодарности, а просто потому, что не могу поступить иначе. Не могу остаться равнодушной, когда вижу, что кому-то нужна помощь, и я могу её оказать. Но, к моему большому

шому сожалению, другие думают иначе. Если кто-то попал в беду, пусть сам выкарабкивается. И сейчас я была утопающим, который искал хоть что-то, за что можно было бы ухватиться, чтобы не уйти на дно, но не находил. И я сказала себе:

– Катя, ты должна решиться. Просто возьми и напечатай заявление об увольнении. И хоть это не решит всех твоих проблем, но у тебя появится возможность решить те из них, которые нельзя отложить или переложить на кого-то другого. Нужно расставить приоритеты и выбрать, кто для тебя важнее: нелюбимая работа или дети, которые любят тебя и нуждаются в тебе?

И я это сделала. Напечатала заявление об увольнении. И следующий шаг был ещё страшнее предыдущего. Нужно было отнести заявление руководству и выслушать кучу нелицеприятных слов в свой адрес. И в этом крылась самая большая засада, потому что по нашему законодательству работник должен предупредить работодателя о своём предстоящем увольнении за две недели, чтобы у работодателя была возможность найти ему замену. Но только на практике работодатель чаще всего использовал эти две недели для того, чтобы несчастный работник, которого вынуждают уволиться, пахал даже не как лошадь, а как табун лошадей, отработав не только за себя, но и за всю организацию, которую он собирался покинуть. Но мало того! Работа без сна и отдыха была не той платой, которую работник должен был за-

платить за предстоящую свободу. Очень часто работодатель использовал оставшиеся две недели, чтобы наложить парочку взысканий на беглеца, чтобы иметь возможность уволить его не по собственному желанию, а по отрицательной статье Трудового кодекса, чтобы напоследок испортить трудовую книжку тому, кто посмел проявить непослушание корпоративной этике и воле начальства. Я сама неоднократно с этим сталкивалась, когда после ухода с работы люди шли в суд, чтобы обжаловать причину увольнения, доказывая, что наложенные взыскания были неправомерными, но вчистую проигрывали эти дела, потому что заниматься бумаготворчеством наша Корпорация отлично умела.

И потому, собираясь покинуть ряды сотрудников Корпорации «Делай то, что не делают другие!», я прекрасно знала, что меня ждёт, учитывая то, как относилась ко мне Воронова. Она просто не даст мне уйти по-хорошему, постаравшись напоследок окончательно отравить мне жизнь. И единственным способом избежать предстоящих неприятных последствий была возможность лишить Воронову и других руководителей шанса навредить мне. И в этом плане тот факт, что ни у кого из руководящего состава нашей Корпорации не имелось нормального юридического образования, теперь был мне на руку, так как с помощью полученных знаний я могла использовать закон в свою пользу.

Трудовой кодекс гласит, что работник должен уведомить работодателя о предстоящем увольнении за две недели, но

не утверждает, что все эти все недели работник должен провести на своём рабочем месте. То есть уведомить работодателя можно и находясь на больничном, и в отпуске. И это был мой единственный шанс избежать репрессий и уйти из Корпорации «Делай то, что не делают другие!» с чистой трудовой книжкой.

В отпуск я уйти не могла, так как весь его уже отгуляла. Но у меня же было двое детей, один из которых ещё совсем маленький. А маленькие дети всё время болеют. Педиатры даже особо не напрягаются, когда очередная мамаша вызывает врача к своему сопливному младенцу и требует выписать ей больничный. А если придумать ещё парочку симптомов, которые якобы имеются у ребёнка, то можно не сомневаться в том, что удастся получить больничный. И хотя я страсть как не люблю врать, а ещё больше не люблю прикрываться своими детьми, но здесь был другой случай. Как раз именно ради детей и стоило пойти на ложь, чтобы потом им не пришлось всю жизнь стыдиться матери, получившей судимость лишь потому, что она не понравилась какой-то тётке.

Со слезами на глазах я распечатала заявление на увольнение. Я даже никому не сказала о том, что собираюсь сделать, потому что любая огласка мне бы навредила.

Мило улыбнувшись своим товарищам Полюшкину и Уколову, я принялась за исполнение тех документов, которые ещё были у меня, и стала ждать конца рабочего дня. Я знала, что Мытников вряд ли уйдёт с работы рано, и именно тогда,

в последний рабочий час я отнесу ему своё заявление. Полагаю, он сообщит об этом Вороновой лишь завтра, когда я возьму больничный с сыном. И ни у кого из начальства не будет возможности вызвать меня к себе и потрепать нервы. А через две недели, когда закончится больничный, я выйду на работу только для того, чтобы забрать свою трудовую книжку и получить расчёт. В день увольнения они не смогут меня наказать, даже если очень захотят.

Это был ход конём в надежде нанести «шах» и «мат» противнику. И единственным способом выиграть эту партию была необходимость молчать о своих намерениях. Уколову и Полюшкину я потом всё расскажу по телефону, а остальным, если кто-нибудь поинтересуется, тоже сообщу, но позже, когда дело будет сделано и трудовая книжка будет у меня на руках.

Худо-бедно я дотянула до конца рабочего дня, стараясь ни с кем не общаться, чтобы случайно не проговориться и не высказать своих истинных чувств, а около шести вечера в очередной раз за сегодняшний день направилась в кабинет к Мытникову.

Увидев меня, Сергей Леонидович удивился, и не скажу, чтобы это удивление было приятным. Но я не стала церемониться и положила перед ним своё заявление об уходе.

Пробежав его глазами, Мытников пристально посмотрел на меня и спросил:

– И в чём причина твоего увольнения?

Будто он её не знал!

– По семейным обстоятельствам, – не моргнув глазом ответила я. – Вы же знаете, у меня двое детей и мне тяжело здесь работать. Приходится постоянно задерживаться, работать по выходным и в праздники. Отпуск – не отпуск, а так, одно название. Мне нужно более спокойное и тихое место. Пусть я буду меньше зарабатывать, но, по крайней мере, смогу больше времени проводить с семьёй и с детьми. В конце концов, для женщины всегда на первом месте будет семья, а не карьера.

– Понимаю тебя, – проговорил Мытников таким тоном, будто понял, в чём состояла истинная причина моего увольнения. Но ему так сильно не хотелось её слышать, что он с лёгким сердцем принял мою ложь про семейные обстоятельства. – Но тебе нужно будет отработать две недели перед уходом, ты в курсе?

– Разумеется! – закивала я. – Можете не сомневаться! Я оставлю после себя чистый стол!

– Да, это правильно, – произнёс в ответ Мытников, вероятно обдумывая возможность того, как лучше использовать меня в интересах Корпорации предстоящие две недели.

«Блажен, кто верует, тепло ему на свете!» – пришли мне на ум слова Грибоедова, пока я с увлечением играла роль наивной простушки.

– В любом случае, у тебя ещё есть время передумать, – сообщил мне Мытников, и я заверила его, что непременно

подумаю над этим.

Затем я попрощалась с ним и вернулась обратно в свой кабинет, и не выходила оттуда до тех пор, пока Корпорация «Делай то, что не делают другие!» не опустела. К Вороновой я в этот день не заходила, как не заходила ни к кому другому. А на следующий день утром я вызвала домой детского врача, сообщив, что у сына ночью была температура 37 и 2. А Вороновой я отправила СМС-сообщение, в котором написала, что мой сын заболел и я ушла на больничный.

Глава 57

про бесконечные телефонные звонки

Что тут началось!

К десяти утра, наверное, вся Корпорация «Делай то, что не делают другие!» узнала, что я написала заявление об уходе. Мой телефон просто разрывался.

Первой, естественно, позвонила Воронова и кричала, что это я удумала вытворить и как посмела подставить её перед руководством Корпорации. На все её крики я отвечала спокойным тоном, повторяя старую песню о своей тяжёлой семейной жизни и необходимости навести в ней порядок. Но Воронова всё равно потребовала, чтобы я приехала на работу и закрыла неисполненные документы, имея в виду, естественно, ту самую мутную сделку, которую она заставляла меня согласовать. Сейчас это было бы для неё как нельзя кстати, потому что на уволившегося сотрудника испокон веков всегда списывали все грехи. Но я стояла насмерть, заявляя, что не могу оставить больного ребёнка одного, тем более что в любую минуту должен прийти врач.

Затем мне начали звонить другие сотрудники Корпорации. Сначала мне позвонил Полюшкин, которому я честно всё рассказала, обещав продолжить с ним дружбу и после

своего увольнения. Он очень сокрушался, и мне даже стало немного стыдно за то, что я вчера не поговорила с ним лично.

Следующим мне позвонил Уколов, который после высказанных сожалений заявил, что поскольку теперь мы не будем работать вместе, то можем со спокойной совестью перейти на новый уровень отношений и даже пригласил меня на свидание. На мои уверения в том, что я всё ещё остаюсь замужней женщиной, он ответил, что не собирается разрушать мой брак, а хочет лишь немного скрасить мою жизнь своим обществом, пообещав мне, что я не пожалею, если соглашусь пойти с ним на свидание. Поняв, что отказов Уколов не примет, я ответила ему, что подумаю над его предложением, но сейчас для меня не самое подходящее время, чтобы заводить амурсы на стороне, и предложила ему вернуться к этому разговору позже, когда моё увольнение станет свершившимся фактом и я немного разберусь со своей жизнью. С неохотой согласившись на это, Уколов завершил разговор, а я немного повеселела. Жизнь продолжается, и я всё ещё пользуюсь спросом, хоть и не в той мере, в какой мне бы хотелось!

Затем начался шквал звонков. Позвонил Миронов, который хотел лично убедиться в том, что разговоры о моём увольнении не являются пустыми слухами. А услышав мой ответ, стал просить меня передумать.

– Вероятно, мы слишком завалили тебя работой в последнее время! – с горечью проговорил Миронов.

– Так и есть, – честно подтвердила я.

– Но ты давай не глупи! Зачем сразу увольняться? Вот сейчас отдохнёшь на больничном и с новыми силами возвращайся на работу! – не веря в серьёзность моих намерений, заявил Михаил.

– Нет, Миша, я не вернусь! – твёрдым тоном проговорила я в ответ.

– Ну что ты? Что ты? Зачем рубить сгоряча? Такая хорошая работа, как у нас в Корпорации, на дороге не валяется! Где ты ещё заработаешь такие большие деньги?

– Может, и негде! – сказала я. – Но тут вопрос стоит уже не о деньгах.

– А о чём же? – мигом поинтересовался Миронов.

– А ты не в курсе, что Воронова заставляла меня вчера подписать?

– Да, слышал краем уха, – подтвердил Михаил. – Видел вчера Байрамутову. Она что-то говорила о том, что ты отказалась выполнять прямой приказ начальства и тебя нужно поставить на место. Но ты знаешь, мало ли кто что говорит! Тем более что она – не твой начальник!

– Она – нет, а Воронова – да, – ответила я.

– И что? Наталья что-то от тебя хотела?

– Не что-то, а прямым текстом требовала нарушить закон и подписать пустые листы! – сообщила я Миронову.

– Прямо-таки пустые листы? Наверное, ты что-то не так поняла! – не желал бросать тень на свою напарницу Миро-

НОВ.

– Миша, если я говорю, что Воронова требовала, чтобы я поставила свою фамилию и подпись на пустых листах, значит, так оно и есть!

– Не может быть! Наталья не станет так подставлять своих сотрудников! – продолжал оправдывать Воронову Миронов.

– Миша, ты сколько меня знаешь? Восемь лет? И много я тебе врала за эти восемь лет?

– Катя, я не утверждаю, что ты врешь! Я просто говорю, что между вами с Натальей случилось недопонимание! Давай, приезжай на работу, и мы вместе всё разберём!

– Нет, Миша, на работу я приеду только через две недели, когда будут подписан приказ о моём увольнении по собственному желанию.

– Ты хочешь сказать, что ты две недели будешь на больничном? – тут же удивился Миронов, мигом просчитав мой хитрый план.

– Да, Миша, я две недели буду на больничном, – выложила я перед ним все свои карты. – Я не собираюсь давать Вороновой возможность испортить мне биографию своей жадностью, потому что стоит мне выйти на работу, как она тут же потребует, чтобы на меня наложили взыскание, да ещё и предъявили уголовное обвинение!

– Ну, ты загнула! – не желал верить в коварство своей напарницы Михаил. – Чтобы между вами не произошло, Наталья никогда так не поступит!

– Ты её не знаешь! – ответила я Мише, завершая разговор, потому что убеждать его в том, во что он не хотел верить, было бесполезно.

Вчера его не было в кабинете, и он не слышал то, что слышала я, и потому сейчас моё слово было против слова Вороновой, которая никогда в жизни не признается, что угрожала мне. Но я-то знала, что это были не пустые угрозы, и потому только я могла защищать свою жизнь и свою репутацию, потому что те, кто знал правду, не собирались вставать на мою сторону.

Потом мне позвонил Алексей Веников и просто не мог поверить в то, что я действительно собираюсь уволняться.

– Катя, это правда? – сразу задал мне вопрос Алексей.

– Да, – не видя причины лукавить и делать вид, что я не понимаю, о чём идёт речь, ответила я.

– Неужели всё настолько плохо? – проявляя изрядную проницательность, спросил Веников.

– На самом деле всё ещё хуже, чем ты можешь себе представить, – ответила я.

– Не скрою, очень жаль, – произнёс Алексей, и я физически ощутила его эмоции.

Сказать честно, я ждала именно этого звонка. Мне было всё равно, что думали обо мне и о моём уходе практически все сотрудники Корпорации «Делай то, что не делают другие!». Я без сожалений готова была расстаться с ними. Но с Алексеем мне не хотелось обрывать отношения.

С тех пор, как между нами воцарилось духовное родство, я стала ощущать потребность в общении с ним. Прочитав ту или иную книгу, или придумав какой-нибудь сюжетный ход для своего нового рассказа, мне тут же хотелось узнать мнение Алексея по этому поводу. Хотелось поспорить с ним, устроить очередной литературный диспут. И хотя в последние месяцы моя литературная деятельность, так же как и чтение книг, свелась к нулю, я верила, что это затишье носит временный характер. Я никогда не страдала отсутствием вдохновения и не знала, что такое творческий кризис. Скорее наоборот, идей у меня всегда было так много, что я не могла выбрать, за какую ухватиться. И если в последнее время я не написала ни строчки, то исключительно из-за физической усталости и недостатка времени. Мне нужно было немного отдохнуть, отоспаться, и я бы снова взялась за перо. А вместе с возобновлением литературной деятельности возникла бы необходимость в литературном критике, которым и был для меня Алексей. Я не хотела его терять, и сейчас, узнав, что его взволновало и расстроило моё предстоящее увольнение, я воспрянула духом. Ведь, в конце концов, наш будущий литературный проект, о котором мы так много с ним говорили, всё ещё ждёт своего часа.

В итоге я пообещала Алексею не пропадать и напомнила о том, что наша совместная будущая книга ещё будет написана, если только он этого пожелает, после чего с грустью закончила разговор. Никогда не думала, что единственным

человеком, по которому я буду грустить после ухода из Корпорации «Делай то, что не делают другие!» будет Алексей Веников.

Потом мне звонили Юлия Решетникова, Антон Ершов, Ольга Жарикова. Все они удивлялись моему решению, но в то же время все они понимали, что меня вынудили это сделать. А уж сколько раз мне позвонила Воронова и не сосчитать!

Сначала она просто пыталась выяснить, что это я удумала, написав заявление об увольнении, так как считала, что таким образом я пытаюсь добиться для себя каких-либо уступок от начальства. Но поняв, что моё решение окончательное, она начала требовать, чтобы я вышла на работу и полностью отработала оставшиеся две недели. Даже кричала, что это – приказ, и я обязана ему подчиниться, так как всё ещё являюсь сотрудником Корпорации.

Да, я всё ещё оставалась юрисконсультom Корпорации «Делай то, что не делают другие!», но поскольку официально я была на больничном, принудить меня выйти на работу никто не мог. Так что Воронова могла сколько угодно сотрясать воздух своими ругательствами и прямыми угрозами, я могла без малейшего опасения оставаться дома и ничего не бояться. Птичка выпорхнула из клетки, и теперь Вороновой придётся искать другого козла отпущения или же ставить на пустых бланках свою подпись, если сделка была настолько срочной, что Байрамутова посмела в открытую угрожать

мне, и даже Мытников заявил, что мне придётся поставить свою фамилию на тех пустых бланках, так как это – бизнес.

Конечно, они могли это сделать и за моей спиной, подделав мою подпись и поставив подходящую дату, но это было ещё опасней, чем напрямую угрожать мне. Ведь если за разбирательство примется Прокуратура, то одним скромным чиновником в качестве козла отпущения Корпорация не отделаётся. Тут уже начнётся дело не о превышении служебных полномочий и халатности, а о мошенничестве и подделке служебных документов организованной группой, потому что одна Воронова эту лямку тянуть не станет. Там уж Генеральный не прикинётся дурачком, не ведающим, что за бумажки ему подсовывают нерадивые сотрудники. Там будет братская могила из наказанных и привлечённых к ответственности. Но разве меня это волнует? Вовсе нет! Пусть делают, что хотят, и сами за это отвечают! Но отчего-то мне думается, что та сделка так и окажется незаключённой, пока руководящие лица Корпорации «Делай то, что не делают другие!» не придумают какой-нибудь новый обходной манёвр для своих незаконных, но очень прибыльных делишек.

Глава 58

о первых днях вольной жизни

Мой гениальный план полностью удался. Через две недели я приехала в здание Корпорации «Делай то, что не делают другие!» и забрала свою трудовую книжку, заключительной записью в которой стала фраза «Уволена по собственному желанию».

Мне было безумно жаль уходить отсюда, жаль прощаться с людьми, с которыми успела не просто сдружиться, а сродниться. Работа в Корпорации «Делай то, что не делают другие!» стала неотъемлемой частью моей жизни, и если бы я уходила не в пустоту, а на другую хорошую работу, наверное, мне не было бы сейчас так горько. Но я фактически сделала шаг в пропасть, не зная, что принесёт с собой завтрашний день. И в то же время я успокаивала себя мыслью, что поступила правильно. Сидеть и ждать, когда над моей головой грянет гром и начавшийся ливень смоев меня с лица земли, было ещё хуже.

Остаток долга банку, который нам с мужем оставалось выплатить, был невелик, и даже со скромной зарплатой его реально было погасить. Правда, и свои расходы на этот период времени придётся свести к минимуму, ограничив траты лишь скромной едой и покупкой необходимых детских ве-

щей. Ну да это вполне терпимо.

Признаюсь, муж, узнав о моём решении уволиться, был просто в ярости. Он не мог поверить, что всё настолько плохо и единственным способом не сделать всё ещё хуже было моё спешное увольнение. Когда я рассказала ему об угрозах в свой адрес, он решил, что я их выдумала, чтобы оправдать своё решение об уходе из Корпорации. Но продолжать работать на прежнем месте в ожидании обещанных неприятностей, чтобы доказать мужу правдивость своих слов, я не собиралась. В конце концов, это моя жизнь. И если я не хочу получить судимость за действия, которые не совершала, то не должна упускать возможность предотвратить это, даже если мне никто не верит.

Зато в этом был свой плюс. Поняв, что в настоящее время он является единственным добытчиком в нашей семье, муж начал немного шевелиться, пытаясь подзаработать деньги. Нашёл себе какую-то подработку и сам стал выплачивать долги банку. А я решила взять себе небольшой тайм-аут, чтобы слегка перевести дух, прежде чем начать поиски новой работы. Я стала заниматься семьёй и детьми, навёрстывая то, что упустила, пока пахала как лошадь в Корпорации «Делай то, что не делают другие!». Однако мои бывшие коллеги не забывали про меня. Мне продолжали звонить по несколько раз на дню, но отнюдь не для того, чтобы поинтересоваться моими делами, а чтобы попросить о помощи.

Весь последний год я выполняла такой большой объём ра-

боты, что теперь, когда я ушла, все эти бесчисленные кипы бумаг благополучно легли на плечи всего отдела. А учитывая, что мне никто не помогал, то теперь никто не знал, как нужно исполнять эти документы.

И хотя я поступила честно, не удалив из своего рабочего компьютера ни один из файлов, как это часто делают те, кого вынуждают уйти по-плохому, и оставила все свои наработки бывшим коллегам, народу это не помогло, потому что Воронова в приступе ярости и глупости удалила с сервера папку с моим именем, оставив своих подчинённых без моих подсказок. И теперь народ принялся названивать мне с утра до вечера, пытаюсь выяснить, как нужно исполнять тот или иной документ. А я не могла понять, какие у них могут быть сложности, если достаточно просто делать всё по аналогии с тем, как делала я. Но когда Миша Миронов признался мне в том, что они не могут воспользоваться моими работками, так как их уже нет, я ответила:

– Ну, Миша, тут уж я ничего сделать не могу! Как говорится, не плюй в колодец, пригодится воды напиться! У вас у всех хорошая зарплата, у всех высшее образование, вот и работайте! Отрабатывайте свои денежки!

– Катя, ну чисто по-дружески сделай доброе дело! Давай я сброшу тебе на электронную почту копии документов, а ты их рассмотришь, подготовишь ответ и вышлешь мне на почту! Тебе же несложно! Ты десятками их каждый день делала! – принялся уговаривать меня Миронов.

– Конечно, несложно, Миша, – произнесла я в ответ. – И я вполне могу сделать то, о чём ты меня просишь. Но давай рассуждать здраво. Поскольку я уже не являюсь сотрудником Корпорации, то не обязана выполнять эту работу бесплатно. Заплати мне, и я отработаю каждый документ и вышлю тебе ответ в лучшем виде!

– Катя, ну ты что? Я же тебя по-дружески прошу! Что ты всё на деньги переводишь? – продолжал умолять меня Михаил.

– А то, Миша, что у меня дети, и их нужно кормить. Ведь за те документы, которые ты просишь меня исполнить, ты получишь зарплату, и не маленькую. А возможно, даже премию. Так поделились со мной своей премией! Я же не прошу тебя подать мне милостыню, я прошу тебя оплатить мою работу, которую я буду делать для тебя! И что в этом может противоречить нашей дружбе?

– Не думал, что ты такая корыстная! – в сердцах выпалил Миронов и бросил телефонную трубку, но на этом его звонки, а также звонки других сотрудников, особенно Щипачёва, не закончились.

Мне ещё долго продолжали звонить и просить исполнить различные документы. А на мои требования об оплате моих услуг, все начинали голосить о том, что я должна сделать это по старой дружбе. Но только я знала, что никому из них ничего не должна, поэтому твёрдо стояла на своём. И через несколько месяцев звонки прекратились. И сейчас, если мне

и звонит кто-то из бывших коллег, то только для того, чтобы поздравить с каким-либо праздником. И меня это вполне устраивает.

Послесловие

Порой я думаю, что люди, которые с утра пораньше, не успев покормить детей завтраком, бегут сломя голову на работу, а вечером, несмотря на поздний час, засиживаются на своих рабочих местах, просто прячутся от жизни на работе. Ведь это так удобно! Не нужно принимать никаких решений, не нужно заниматься детьми и другими членами своей семьи, когда можно убежать на работу и сидеть там, пока домашние проблемы не разрешатся сами собой. Можно даже не предпринимать попыток устроить свою личную жизнь. И на любой вопрос о том, почему ты не сделал то или сё, всегда можно ответить: я же работал!

Можно не возить семью на отдых, можно не встречаться с друзьями по выходным, можно не исполнять супружеские обязанности под предлогом того, что на это нет сил. Ведь их же отняла работа! А многие люди предпочитают даже свой отпуск проводить на работе. Это же сразу снимает столько семейных и бытовых проблем, что преимущества кажутся просто неоспоримыми. А когда наконец-то ты уйдёшь на заслуженный отдых, твоё место тут же займёт другой трудоголик, и о тебе никто и не вспомнит. И ты останешься один, даже если у тебя есть семья. Просто потом ты не будешь ей нужен, так как за долгие годы твоих трудовых подвигов твои близкие научились обходиться без тебя. Они

перестали в тебе нуждаться, и теперь, когда они вдруг станут тебе нужны, они начнут платить тебе той же монетой, игнорируя тебя, как это долгое время делал ты.

Чарльз Диккенс писал: «Никто не говорит на смертном одре: «Ах, если бы я больше работал!», потому что со временем все начинают жалеть о том, что жертвовали ради работы семьёй, друзьями, своей личной жизнью и своими мечтами. Но только время нельзя вернуть.

Ольга Жарикова развелась с мужем, и до тех пор, пока она продолжала работать в Корпорации «Делай то, что не делают другие!» в её личной жизни был полный штиль, потому что у неё не было времени ходить на свидания и даже на общение через Интернет. Но, насколько мне известно, она тоже уволилась, и теперь, возможно, её ждут более приятные перемены.

Когда сыну Натальи Вороновой исполнилось восемнадцать лет, он, бросив ВУЗ, в который она его с трудом пристроила, ушёл из дома, лишь бы не жить со своей матерью.

Когда Юлька Решетникова хочет узнать новости о своём сыне, она звонит сестре, чтобы та рассказала ей о нём, потому что мальчик не желает общаться с матерью, которая никогда не занималась его воспитанием.

Жена Миши Миронова не уходит от него лишь потому, что сильно поправилась. Из-за своих комплексов она продолжает жить с мужем, но практически с ним не общается, так как он уходит на работу затемно, когда его жена и сын

ещё спят, и возвращается затемно, когда его жена и сын уже спят.

Лена Буроватых нашла-таки себе постоянного парня, хоть и неказистого с виду, но насколько мне известно, они до сих пор не женаты.

От Анатолия Юрьевича Макарова ушла жена, забрав с собой их сына, потому что ей просто надоело безразличие мужа, который возвращался домой лишь для того, чтобы поспать.

От Андрея Полюшкина жена тоже ушла и забрала обоих сыновей, и сейчас у них идёт процесс развода.

Но все они ни свет ни заря продолжают каждый день бежать на работу, где сидят до тех пор, пока дороги на столичных улицах снова не станут пустынными, чтобы проехаться с ветерком до дома, где их близкие давно уже видят десятые сны.

За составлением отчётов, писем и отзывов удобно прятаться от собственной жизни. Да, дни будут мчаться с бешеной скоростью, а года будут пролетать незаметно. Стоит лишь оглянуться, и что же ты увидишь? Ничего. Бумажки, бумажки, бумажки, большая часть которых почилла в шреде-ре или в мусорном ведре. Куда ушли годы? На что ты их растратил? На бумажки, которые никто не читал, кроме твоего начальника. Да и он, пожалуй, тоже не прочёл многое из того, над чем ты корпел с утра до вечера, выдавливая из своей бедной головы умные фразы.

И ради чего всё это было? Ради большой зарплаты? А куда ушла эта зарплата? Может быть, ты построил дом, в котором будут жить целые поколения твоих потомков? Или, может быть, вместе со своей семьёй ты объездил весь мир, побывав в самых далёких уголках нашей планеты? Или, быть может, ты вывел в люди своих детей, дав им престижное образование и обучив нескольким иностранным языкам, или развил в них такие таланты, которые ещё очень долго будут восхищать миллионы зрителей и поклонников? Куда ушли твои деньги? Окупились ли твои труды, найдя новое воплощение в каком-нибудь прекрасном и благородном деле? Уверена, что нет.

Все заработанные деньги мы тратим на то, чтобы оставлять их тут же, на работе. Покупаем крутые мобильные телефоны, чтобы быть всегда на связи с руководством и коллегами. За свой счёт покупаем навороченные компьютеры для работы, чтобы удобней было печатать документы. Покупаем престижные автомобили, чтобы каждый день ездить на них на работу. Влезаем в ипотеку, чтобы купить себе квартиру ближе к работе, а не там, где хорошо и комфортно твоей семье. Мы тратим деньги на то, чтобы скинуться коллегам на дни рождения, а затем тратим их на банкеты, которые устраиваем для своих коллег и начальников, а не для своей семьи. Мы тратим деньги на офисную одежду, которую не носим за пределами работы. Тратим деньги на колготки, которые приходится менять каждый день, а то и по несколько раз в день,

потому что они слишком быстро рвутся. Тратим деньги на косметику, парикмахеров, на маникюр, педикюр, эпиляцию, хотя все эти процедуры можно было бы проводить дома, но у нас на это нет времени, потому что мы с раннего утра и до позднего вечера сидим на работе. Мы тратим деньги на обе-ды в столовой, потому что у нас не остаётся ни сил ни вре-мени, чтобы приготовить еду дома. И в итоге всех зарабаты-ваемых нами денег не хватает даже на эти необходимые тра-ты. И приходится влезать в долги, в кредиты, чтобы соответ-ствовать статусу офисного работника. А семья, дети, друзья и личная жизнь постепенно отходят сначала на задний план, а затем вообще исчезают с горизонта.

Порой я сомневаюсь в правильности сделанного выбора. Отказаться от престижной работы с хорошей зарплатой и со-циальным статусом и уйти в никуда было очень нелегко. Я пошла вопреки мнению окружающих и даже, возможно, во-преки здравому смыслу. Но я привыкла полагаться на свои силы и внутренний голос, которые никогда меня не подводи-ли. И моё чутьё говорило мне, что оставаться на этой рабо-те и продолжать вести тот образ жизни, который я вела по-следние несколько лет, это – самоубийство. Причём в пря-мом смысле этого слова.

Есть такой прекрасный анимационный фильм. Называет-ся «Планета сокровищ». И одной из заключительных сцен этого фильма является эпизод, когда киборг по имени Силь-вер отпускает корабль с сокровищами, чтобы спасти своего

друга Джима.

Вероятно, в жизни каждого человека наступает момент, когда нужно отпустить мешок с деньгами, чтобы остаться с теми, кого мы любим и кто любит нас. В противном случае алчность заставит нас потерять человеческий облик, превратив в чудовищ, готовых съесть любого, кто покусится на их богатство.

Всех денег всё равно не заработаешь. Вечно будет не хватать вещей, ради которых, казалось бы, нужно зарабатывать деньги. Но это всё – не настоящие ценности. Настоящими являются люди, которые окружают нас: наша семья, наши друзья. Те, кто находится рядом с нами и нуждается в нашей любви, в заботе и внимании. И ради них нужно жертвовать своими амбициями и тугими кошельками. Именно им нужно каждый день по крупинке отдавать своё тепло, чтобы они, в свою очередь, могли поделиться с нами добротой своих сердец и своей любовью. Именно это – настоящая ценность, в пользу которой нужно делать свой выбор. И я его сделала. А тот, кто не согласен со мной, пусть идёт своей дорогой, чтобы потом, в конце жизни, в полной мере вкусить сладость сожалений о напрасно потраченном времени и упущенных возможностях.

А наша с Алексеем будущая книга всё ещё числится в моих нереализованных проектах. Однако ни один из нас не прерывает телефонное общение друг с другом (хоть это и случается крайне редко), сохраняя надежду, что однажды оно вы-

льется в масштабный творческий проект, достойный пред-
стать суду истинных книголюбов.